1995

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

БОБ ШОУ
АСТРОНАВТЫ В ЛОХМОТЬЯХ

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ
ЛОВУШКА

АЛЬФРЕД ВАН ВОГТ
ПРИЗРАК

КРИС УИЛЛРИЧ
КРОШКА-СМЕРТЬ

10

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

10'95 (35)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

ЕСЛИ

Редактор журнала:
Александр Шалганов.
Заместитель редактора:
Елена Босовская.
Редакция:
Марина Виденина,
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Михаил Комаровский,
Кирилл Королев,
Сергей Никифоров,
Наталия Сафронова,
Татьяна Сычева.

Иллюстрации:
Надежда Бальжак *(К.Уиллрич)*,
Олег Васильев *(Р.Силверберг)*,
Ольга Дунаева *(Л Шайнер)*,
Александр Жабинский *(Б.Шоу)*,
Александр Михайлов *(Д.Вэнс)*,
Константин Рыбалко *(А.Ван Вогт)*.

Верстка:
ТОО «Апокриф».

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 200-25-08 (справочный),
209-17-07 (отдел распространения).

Сдано в набор 5.08.95. Сдано в печать 10.09.95
Отпечатано в ИПК «Московская правда»,
123845, Москва, Д-22, ул. 1905 года, д.7.
Усл. печ. л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 30 тыс. экз.
В розницу цена свободная.
Заказ № 3913

МОТИВ

Альфред Ван Вогт

Призрак

Четыре мили, думал Кент, целых четыре мили от небольшого городка Кемпстер до деревни Аган. Там у них и станции-то железнодорожной нет.

Это, по крайней мере, он еще помнил. Вспомнил он также и большой холм, и ферму у его подножия. Вот только раньше она не выглядела такой заброшенной.

Такси, которое встретило его на станции (любезность местной гостиницы), медленно огибало холм. Наконец показалась ферма. На фоне яркой зелени и дом, и амбар, выглядели какими-то удивительно бесцветными, посеревшими, что ли. Все окна заколочены. Ворота амбара крест-накрест забиты досками, двор зарос сорняками. Так что высокий, с горделивой осанкой старик, внезапно появившийся из-за дома, казался здесь совершенно неуместным. Водитель наклонился к пассажиру:

— Стоило мне подумать, что мы встретим здесь призрак, — услышал Кент сквозь рев старого мотора, — и что же? Вот и он, собственной персоной вышел на утреннюю прогулку.

— Призрак? — неуверенно переспросил Кент. — Да какой же это призрак? Это старый мистер Вейнрайт. С того дня как я покинул эти места пятнадцать лет назад, он, похоже, ничуть не изменился.

Между тем старик медленно брел к воротам, которые выходили на шоссе. Его черный сюртук блестел на солнце. Старик казался утрированно высоким и худым.

Скрипнув тормозами, машина остановилась. Водитель повернулся к пассажиру.

— Видите ворота фермы? — спросил он. — Нет, не большие, а те, что поменьше. На них висит замок, не так ли?

— Ну и что?

— Смотрите!

В десяти футах от машины старик возился с воротами. Он не обращал ни малейшего внимания на замок, а словно в пантомиме, пытался открыть видимую только ему одному защелку. Вдруг он выпрямился и толкнул ворота рукой. Но ворота и не думали распахиваться. Створки даже не пошевелились. Ржавые петли не скрипнули. Они стояли непоколебимо, и на них все так же висел тяжелый замок.

Старик прошел прямо сквозь них.

Затем он повернулся, снова толкнул невидимые миру ворота и вновь принялся возиться с незримой защелкой. Наконец, покончив с этим делом, он повернулся к машине. Похоже, он только сейчас ее заметил. Его длинное, покрытое морщинами лицо озарилось радостной улыбкой.

— Здравствуйте, — дружелюбно поприветствовал он гостей.

— Здравствуйте, — нетвердым голосом ответил Кент.

Говорящий призрак — это уж слишком!

Старик подошел поближе, присмотрелся и радостно воскликнул:

— Кто бы мог подумать! Это же мистер Кент! А я-то думал, вы уже уехали.

— Да ведь я... — начал Кент.

Боковым зрением он заметил, что шофер мотает головой.

— Что бы старик ни говорил, — шепнул водитель ему в ухо, — делайте вид, что все в порядке. Ничему не удивляйтесь.

Кент судорожно сглотнул. «Последний раз, — подумал он, — я видел мистера Вейнрайта, когда мне стукнуло двадцать. Тогда он даже не знал, как меня зовут».

— Но я же совершенно отчетливо помню, — между тем продолжал старик, изумленно качая головой, — как хозяин гостиницы, мистер Дженкинс, говорил мне, что обстоятельства вынудили вас уехать. И очень срочно. Он еще что-то сказал о сбывшемся пророчестве (в разговорах со мной люди все время упоминают какие-то пророчества). Но вот дату я помню совершенно точно: 17 августа.

Он в упор посмотрел на Кента. Но в следующую минуту, словно спохватившись, опять учтиво улыбнулся:

— Извините, молодой человек. Я рад, что мистер Дженкинс ошибся, ведь я получал такое удовольствие от наших с вами бесед.

— Я пригласил бы вас выпить чайку, — продолжал он, приподнимая шляпу, — но боюсь, что миссис Кармоди сегодня не в настроении. Бедняжка! Это так нелегко — присматривать за стариком. Я просто не имею права просить ее о лишней услуге... Доброе утро и до свидания, мистер Кент. Доброе утро, Том.

Не находя в себе сил что-либо ответить, Кент лишь растерянно кивнул. Словно сквозь туман он услышал слова водителя:

— Вам повезло, мистер Кент. Теперь вы точно знаете, сколько проживете в гостинице.

— Что вы имеете в виду?

— Я уверен, что к 17 августа мистер Дженкинс подготовит ваш счет.

Кент уставился на Тома в немом изумлении.

— Уж не хотите ли вы сказать, что этот ваш призрак еще и будущее предсказывает? Послушайте, сегодня только 8 июля, и я собираюсь пробыть здесь вплоть до конца сентяб... — он осекся.

Том не был похож на шутника. И смотрел абсолютно серьезно.

— Мистер Кент, имейте в виду, что все предсказания мистера Вейнрайта сбываются. И при его жизни, и теперь, когда он умер. Но он очень стар. Ему более девяноста лет, и у него не все в порядке с головой. Он постоянно путает будущее с прошлым. Он не видит между ними разницы: в его мире все уже произошло, и он это помнит, но только очень смутно. Но когда он говорит о конкретных вещах, например, о датах, то можете быть спокойны — все сбудется. Подождите, вы и сами в этом убедитесь.

Бедняга Кент, пережив очередное головокружение, начал понемногу приходить в себя.

— Эта миссис Кармоди, — наконец спросил он, — что-то я ее не припоминаю. Кто она такая?

— Когда умерла сестра ее покойного мужа, она приехала сюда присматривать за фермой и за мистером Вейнрайтом. Хоть и непрямая родственница, но все же... — Том вздохнул, и нарочито небрежно, как бы невзначай, добавил: — И подумать только, что именно она убила старика Вейнрайта пять лет тому назад. Потом ее засадили в сумасшедший дом в Пиртоне.

— Убила? — воскликнул пораженный Кент. — Ну и дела у вас здесь творятся! Впрочем, подождите... — Он задумался. — Вейнрайт ведь сказал, что они живут вместе.

— Послушайте, мистер Кент, — произнес Том снисходительно, — давайте не будем особенно задумываться, почему призрак сказал то или иное. Тут у кого угодно зайдет ум за разум.

— Но должно же существовать какое-то логическое объяснение...

— Не знаю, — пожал плечами шофер. — Если хотите, — добавил он, — то, пока мы едем к отелю, я мог бы вам кое-что рассказать. Дело в том, что миссис Кармоди и ее детей привез сюда из Кемпстера именно я.

На вершине холма автомобиль несколько притормозил, и отсюда женщина наконец-то увидела ферму. Скрипя тормозами и брызгая во все стороны щебнем, машина начала спускаться вниз. «Ферма! — жадно думала женщина, дрожа всем своим дородным телом. Наконец, наконец-то они будут в безопасности! И только выживший из ума старик да какая-то девчонка еще стоят у нее на пути». Позади остались трудные, горькие годы, когда она, вдова с двумя детьми, снимала домик и перебивалась случайными заработками да пособием по бедности. Годы кромешного ада. А здесь рай, вот он, рядом. Надо только протянуть руку. Она прищурилась, ее крепко сбитое тело напряглось. Она не упустит своего шанса! Уверенность в завтрашнем дне — за это стоит побороться!

Затаив дыхание, она смотрела на лежавшую внизу ферму. На дом, выкрашенный зеленой краской, на большой красный амбар, на прочие строения: курятники, сараи... Чуть ближе раскинулось огромное поле пшеницы, только недавно взошедшей, яркой и по-весеннему зеленой.

Машина спустилась в долину и вскоре остановилась, почти уткнувшись радиатором в ворота.

— Приехали, что ли, ма? — подал голос с заднего сиденья коренастый юноша.

— Да, Билл! — Женщина окинула его тревожным, оценивающим взглядом.

Все ее планы так или иначе замыкались именно на нем. И сейчас, как никогда, она отчетливо видела все его недостатки. Унылое выражение, казалось, навеки прилипло к его безвольному лицу. Во всем его облике было нечто неуклюжее, неловкое, делавшее его совсем уж непривлекательным. Она прогнала прочь все сомнения.

— Ну разве здесь не восхитительно? — воскликнула она и замерла, ожидая реакции.

— Ну ты и скажешь! — толстые губы искривились в усмешке. — Лучше бы я остался в городе... — Он пожал плечами. — Впрочем, тебе виднее...

— Да уж, конечно, — согласилась женщина. — В этом мире надо довольствоваться тем, что имеешь, а не мечтать о недостижимом. Запомни это, Билл... В чем дело, Пирл? — раздраженно спросила она.

По-другому с дочерью она разговаривать не могла. Что проку от толстоватой двенадцатилетней девицы с бледным одутловатым лицом...

— Вон через поле идет какой-то тощий старик. Это что, и есть тот самый мистер Вейнрайт?

Миссис Кармоди посмотрела туда, куда показывала дочь, и почувствовала огромное облегчение. Вплоть до этого самого момента мысль о старике не давала ей покоя. Она знала, что он стар. Но не предполагала, что до такой степени. «Да ему же не менее девяноста лет, — подумала она, — если не все сто». Он не сможет ей помешать.

Тем временем водитель открыл ворота и успел снова сесть за руль.

— Подождите, — обратилась она к нему, чувствуя прилив уверенности, — подождите мистера Вейнрайта. Возможно, он устал после прогулки. Мы его подвезем.

«Надо стараться производить хорошее впечатление», — мелькнула мысль. Вежливость и любезность откроют ей любые двери. А там... Железный кулак в бархатной перчатке...

И тут она заметила, что шофер смотрит на нее как-то странно.

— Я бы не слишком рассчитывал на то, что старик сядет в машину, — сказал он. — Этот мистер Вейнрайт довольно странный малый. Порой он ничего не видит и не слышит вокруг. Бывает, что ни на кого не обращает внимания. А иногда просто чудит.

— Например? — нахмурилась женщина.

— Ну как вам сказать... — пожал плечами шофер. — Объяснить это невозможно. Скоро вы и сами узнаете.

Между тем старик пересек дорогу буквально в нескольких футах от стоящего автомобиля, явно не замечая его. Он шел прямо к воротам, но не к большим, которые стояли открытыми, а к узкой калитке для пешеходов. Старик принялся возиться с невидимым засовом. Толкнул калитку. Та и не подумала открыться, но старик как ни в чем не бывало прошел прямо через крепко сколоченные доски.

Тут миссис Кармоди услышала пронзительный женский крик. А через мгновение обнаружила, что кричит она сама. Кровь застучала у нее в висках. Отчаянным усилием она заставила себя замолчать. Все поплыло у нее перед глазами. В горле вдруг пересохло. Ее начало тошнить. Голова звенела, как пустой котел...

— Подождите минуточку, — вмешался Кент. — Вы же говорили, что тогда мистер Вейнрайт еще был жив! Так как же он прошел через закрытые ворота?

— Мистер Кент, — покачал головой шофер, — если Вейнрайт и не отправил нас всех в сумасшедший дом, так только потому, что он совершенно безвредный. Он проходит через ворота сейчас, проходил через них и раньше. И не только через ворота. Вся разница в том, что теперь мы все твердо помним, как мы его хоронили. Возможно, он всегда был призраком, и его смерть ничего не изменила. Мы знаем только, что он безобиден. А это уже немало, не правда ли?

Черный, парализующий волю страх, захлестнувший женщину, постепенно начал проходить. Окончательно ее привели в чувство насмешливые слова сына:

— Да, мать, здорово это на тебя подействовало! Я уже видел как-то подобный трюк. В цирке. Только там они провернули его куда профессиональнее...

«Билл такой практичный, уравновешенный мальчик, — с облегчением подумала она. —Ну конечно, он прав! Это обычный цирковой трюк... Что? Что там говорит эта дура, ее дочь»?

— Что ты сказала, Пирл?

— Мама, он нас заметил! Посмотри!

И правда, старик, подняв голову, с интересом смотрел на них. Его доброе морщинистое лицо осветилось улыбкой.

— Я вижу, — сказал он необыкновенно звонким для своего возраста голосом, — что сегодня вы вернулись из города раньше обычного. Значит ли это, что и обедать мы сегодня будем раньше? — Он сделал вежливую паузу и продолжал: — С моей стороны, разумеется, никаких возражений нет. Вы же понимаете, миссис Кармоди, что я с радостью готов принять любой удобный вам распорядок дня.

Женщина онемела. Но голос шофера наконец вывел ее из затруднения.

— Извините, мэм, — торопливо прошептал тот, — но старайтесь не подавать виду, что вы только что приехали. Мистер Вейнрайт обладает даром предвидения, и он вот уже несколько месяцев ведет себя так, словно вы живете на ферме. Если вы станете ему возражать, то только собьете его с толку. Уж такой он странный человек.

Миссис Кармоди так и замерла с открытым ртом. Ее здесь ждали! Больше всего она боялась именно этого момента — момента приезда на ферму. Теперь же все, что она запланировала, пройдет как по маслу. С таким трудом подделанное письмо, в котором умершая женщина (внучка Вейнрайта) просила ее приехать сюда, чтобы присмотреть за ее дочерью Филлис, ни у кого не вызовет подозрений. А там...

Женщина улыбнулась, предчувствуя легкую победу.

— Мистер Вейнрайт, не хотите ли проехаться с нами до дома? — спросила она. — Вы, наверное, устали после прогулки.

— Не откажусь, мадам, — закивал старик. — Я ходил в Кемпстер и, надо признаться, немного устал. Да, кстати, я видел там вашу сестру.

Он успел подойти к машине, когда миссис Кармоди наконец сумела выдавить:

— Мою сестру?..

— Тсс... — зашипел водитель. — Не обращайте внимания. Он уверен, что у каждого из нас есть брат или сестра-близнец, похожие как две капли воды. И он их постоянно встречает, причем с очень давних пор.

Это пережить было уже легче. Она снова любезно улыбнулась, старик в ответ вежливо приподнял шляпу и влез в машину.

Ревя мотором, они доехали до дома, обогнули его и остановились около веранды. В дверях появилась девушка в белом платье. Она была хорошенькая, стройная, хрупкая, на вид лет пятнадцати-шестнадцати но, как сразу почувствовала миссис Кармоди, настроена не слишком дружелюбно.

— Привет, Филлис, — сладко улыбнулась миссис Кармоди. — Рада тебя видеть.

— Привет, — сдержанно ответила девушка.

Миссис Кармоди ухмыльнулась про себя: хоть и неохотное, но все-таки приветствие. Ее признали.

Женщина улыбнулась. Скоро, очень скоро эта простая деревенская девушка узнает, как трудно противостоять дружелюбию, за которым прячется железная воля. Сначала следует немного обжиться здесь, затем начать сводить Билла и Филлис таким образом, чтобы брак стал естественным продолжением их взаимоотношений. А потом...

На следующее утро миссис Кармоди проснулась от шума внизу. Чувствуя, что допустила тактическую ошибку, она торопливо оделась и спустилась в столовую. Вейнрайт и Филлис уже завтракали.

В гробовом молчании она села за стол и придвинула к себе тарелку с кашей. Она заметила, что перед Филлис лежит открытая записная книжка, и попыталась завязать разговор.

— Делаешь уроки? — спросила она своим самым дружелюбным тоном.

— Нет! — резко ответила девушка, закрывая записную книжку и поднимаясь из-за стола.

Миссис Кармоди сидела неподвижно. Только не надо волноваться! Самое главное — как-нибудь приручить эту девчонку. Ведь девушка знает много такого, что ей очень и очень пригодится: разного рода информация о ферме, о доме, о продуктах, о деньгах... Отодвинув недоеденную кашу, она встала и прошла на кухню, где Филлис уже мыла тарелки.

— Давай я буду мыть, а ты — вытирать, — сказала она. — Не стоит портить такие красивые ручки мытьем посуды. — Кинув на девушку быстрый оценивающий взгляд, она сделала следующий ход. — Мне так стыдно, что я проспала. Я ведь приехала сюда работать, а не отдыхать.

— Ну, это вы еще успеете, — ответила девушка, к огромному удовольствию миссис Кармоди.

С молчанием было покончено.

— Как у нас насчет продуктов? — поинтересовалась миссис Кармоди. — Вы покупаете их в каком-нибудь одном магазине? В своем письме твоя мать не упоминала о таких деталях.

Произнеся эту фразу, она на мгновение умолкла, сама испугавшись упоминания о подделке. Сделав над собой усилие, она продолжала:

— Ах, твоя бедная мама! Она прислала мне такое грустное письмо. Я так плакала, читая его...

Краем глаза она заметила, как задрожали губы у девушки, и поняла, что рассчитала верно. Отныне каждое произнесенное слово, каждый жест, каждый оттенок настроения будет под ее контролем.

— Но об этом мы и потом можем поговорить, — быстро закончила она.

— У нас есть счет в магазине Грэхема в Агане, — сквозь слезы ответила Филлис. — Вы можете туда позвонить. Товар они доставят прямо сюда.

Быстро, чтобы Филлис не заметила, как радостно загорелись ее глаза, миссис Кармоди пошла в столовую за остальными тарелками. Счет! А ее так беспокоила проблема доступа к деньгам: необходимые юридические шаги, уверенность, что потребуется сначала хорошо зарекомендовать себя как на ферме, так и в глазах соседей. А тут так просто: счет! Но Филлис продолжала говорить, и миссис Кармоди прислушалась.

— Миссис Кармоди, я хотела бы извиниться за то, что не ответила на вопрос, который вы мне задали за столом. О моей записной книжке. Дело в том, что всех в округе очень интересует, что говорит мой прадедушка. Вот поэтому за завтраком, когда он чувствует себя еще довольно бодрым, я задаю ему разные вопросы. А ответы записываю, чтобы ничего не перепутать. Я делаю вид, что собираюсь написать книгу о его жизни. Но не могла же я вам все это объяснить в его присутствии?!

— Ну конечно, нет, — успокоила девушку миссис Кармоди.

А Филлис продолжала:

— Пожалуйста, не удивляйтесь, если прадедушка упомянет вашу сестру. Он всегда говорит о сестре, если перед ним женщина, и о брате, если имеет дело с мужчиной. Но на самом деле он имеет в виду своего собеседника.

Эти слова запали женщине в душу. Она вспоминала их и после того как Филлис отправилась в школу, и после того как в магазине Грэхема приняли ее заказ от имени фермы Вейнрайта, сказав только: «А-а... Миссис Кармоди, да, мы о вас уже знаем».

Было около двенадцати, когда она, собравшись с духом, вышла на веранду, где как раз сидел мистер Вейнрайт, и наконец задала вопрос, который все это время не давал ей покоя:

— Мистер Вейнрайт, вчера вы упомянули, что встретили в Кемпстере мою сестру. Что она там делала?

Она ждала ответа с волнением, которому сама удивлялась.

— Она выходила из здания суда, — ответил старик, вынимая изо рта трубку.

— Из здания суда?! — поразилась миссис Кармоди.

— Она не стала со мной разговаривать, — задумчиво продолжал мистер Вейнрайт, — так что я не знаю, зачем она туда ходила. Наверное, какое-нибудь ерундовое дело. С кем из нас такого не бывает, — вежливо закончил он.

Кент заметил, что они остановились.

— Вот и гостиница, — водитель показал на двухэтажное деревянное здание с небольшой верандой. — Теперь я должен вас покинуть, у меня еще есть работа. А что было дальше, я расскажу в другой раз. Или спросите еще кого-нибудь. Эту историю знает каждый житель нашей деревни.

На следующее утро солнечные лучи жарким, слепящим потоком залили скромный гостиничный номер. Кент подошел к окну. Перед ним, под синим небом, посреди зеленого моря деревьев, мирно дремали деревенские домики. Ни один звук не нарушал сонную утреннюю тишину. «Правильно я сделал, что приехал сюда», — подумал Кент. Нет, не зря он решил провести все лето именно здесь, отдохнуть, пока не закончатся переговоры о продаже фермы, оставленной ему в наследство родителями. Что правда, то правда, он порядком устал.

Он спустился вниз и, к своему глубокому удивлению, съел два яйца и порцию бекона. Из столовой он вышел на веранду.

Вдруг чей-то низкий глухой голос произнес у него над самым ухом:

— Доброе утро, мистер Кент. Говорят, вы уже познакомились с призраком.

Кент обернулся и оказался лицом к лицу с огромным толстым мужчиной.

— Меня зовут Дженкинс, сэр, — важно произнес толстяк, и все три его подбородка затряслись в такт словам. — Я владелец этой гостиницы. — Том сказал мне, — продолжал он, пристально глядя на Кента своими бледными, глубоко посаженными глазами, — что вчера по дороге вы встретились с нашей местной достопримечательностью. Но насколько я понял, Том так и не успел дорассказать вам, что произошло на ферме Вейнрайтов. Я мог бы закончить эту необыкновенную историю.

Кент сел, и толстяк тут же втиснулся в кресло напротив.

— Вы не знаете, — начал Кент, — есть ли у местных жителей какая-нибудь теория, объясняющая... — он замялся, — сверхъестественный факт появления призрака? Ведь утверждают, что он именно призрак. И это несмотря на его вполне материальный облик.

— Ну, конечно, мистер Вейнрайт — призрак! — проворчал Дженкинс.— Мы ведь его похоронили, не так ли?.. А через неделю раскопали могилу, чтобы посмотреть, там он или нет. И что вы думаете? Там, мертвый.

— Видите ли, — осторожно заметил Кент, — я не очень верю в призраки...

— Никто из нас не верил, — махнул рукой толстяк. — Никто. Но с фактами не поспоришь.

— Призрак, который предсказывает будущее, — произнес Кент после некоторой паузы. — И какое же будущее он предсказывает? Или все это так же туманно, как его пророчество о сестре миссис Кармоди, выходящей из здания суда? Кстати, сама эта почтенная дама, когда она приехала?

— Почти девять лет тому назад.

— А мистер Вейнрайт мертв, если я правильно понял, уже лет пять?

— Я с удовольствием, — важно сказал толстяк, поудобнее устраиваясь в кресле, — расскажу вам, как все произошло. По порядку. Пожалуй, я опущу первые несколько месяцев после того, как миссис Кармоди появилась на ферме. Все равно в это время ничего существенного не произошло...

Женщина подошла к банку, но на пороге остановилась, парализованная страшной мыслью: стоит ей войти внутрь, как все раскроется... И на этот раз ей будет противостоять не старик и не девчонка...

Банкиром оказался щегольски одетый молодой человек, большие серые глаза которого блестели за старомодными роговыми очками.

— А, миссис Кармоди, — приветствовал он ее, потирая руки. — Наконец-то вы решили нас посетить, — он усмехнулся. — Я думаю, что мы сможем все уладить, так что не беспокойтесь... Мне кажется, что совместными усилиями нам удастся поддерживать в порядке дела фермы Вейнрайтов так, чтобы и общество, и высокий суд оставались довольны.

Суд! Так вот в чем дело! Вот что предсказывал этот старик! Суд! И это очень даже хорошая новость, а вовсе не плохая. На мгновение ее охватила слепая ярость к этому старому дураку, который так напугал ее своими разглагольствованиями.., но банкир тем временем продолжал:

— Насколько я знаю, у вас имеется письмо от сестры вашего покойного мужа — дочери мистера Вейнрайта, в котором она просит вас приехать и присмотреть за фермой и ее дочерью Филлис. Возможно, это письмо не так уж и необходимо, учитывая, что вы единственная оставшаяся в живых родственница, но вкупе с завещанием — это законные требования, на основании которых суд сможет назначить вас душеприказчицей.

Женщина судорожно вцепилась в ручки кресла. Все похолодело у нее внутри. Теперь, когда настал критический момент и следовало предъявить подготовленное ею подложное письмо, она вдруг почувствовала, что дрожит. Бормоча о том, что, дескать, она могла и потерять это злосчастное письмо, миссис Кармоди принялась рыться в своей сумочке. Наконец нашла его, вспотевшими руками вытащила из конверта, подала навстречу гладким холеным пальцам банкира и замерла в ожидании...

— Гм...— промычал банкир, читая письмо, — она предложила вам двадцать пять долларов в месяц сверх необходимых расходов...

Женщину прошиб холодный пот. И как только ей могло прийти в голову написать такое!

— Забудьте о деньгах, — торопливо сказала она. — Я приехала сюда не для того...

— Я, собственно, хотел сказать, — прервал ее банкир, — что, как мне кажется, двадцать пять долларов в месяц, — это слишком мало. За управление такой большой и богатой фермой заработная плата вполне может составлять и пятьдесят долларов в месяц. Как минимум. На эту сумму, я думаю, мы и будем ориентироваться. Этим летом, — добавил он, — местный суд заседает здесь, неподалеку, и если вы не возражаете, то мы пройдем туда и уладим все необходимые формальности. Между прочим, — закончил он, — нашего судью интересуют предсказания мистера Вейнрайта.

— Я знаю их все! — выпалила женщина.

Она позволила вывести себя на улицу. Июльское солнце согрело все вокруг своим живительным теплом, и постепенно холод, ледяной лапой сжимавший душу и сердце миссис Кармоди, начал таять.

...Прошло три года, три ничем не примечательных года. И вот, в один прекрасный момент миссис Кармоди, наводившая лоск в гостиной, вдруг остановилась и глубоко задумалась. Потом она так никогда и не смогла вспомнить, что именно навело ее на эту мысль, но вот в чем был вопрос: в тот июльский день, три года назад, когда в зале заседаний местного суда ей без всякой борьбы буквально подарили весь мир, так вот, в этот самый день встретился ей мистер Вейнрайт или нет?

Вейнрайт предсказал этот момент. Он его увидел. Но каким образом он «вспомнил» то, что увидел только через несколько месяцев? Сама она Вейнрайта не заметила. Как она ни старалась, но, кроме ощущения всепоглощающего, застилающего глаза счастья, ничего об этом дне она вспомнить не смогла.

Сидевший на другом конце комнаты старик заерзал в своем кресле.

— Кажется, только вчера, — пробормотал он себе под нос, — Филлис и этот парень с фермы Козен поженились и однако... — он задумался. — Пирл, когда же это было? Моя память уже не та, что раньше...

Женщина, погруженная в свои мысли, не слушала болтовню старика. Но тут ее взгляд упал на Пирл, и она почувствовала неладное. Ее толстая дочь вместо того чтобы, как обычно, валяться на диване, сидела, широко открыв изумленные глаза.

— Ма! — завизжала она. — Ты слышала? Он говорит, что Филлис и Чарли Козен поженятся!

Дыхание миссис Кармоди перехватило. В одно мгновение она оказалась около Вейнрайта и с поджатыми губами и холодными, как сталь, глазами нависла над ним. «Поженятся!» А она-то рассчитывала, что Билл и Филлис... Как же так? Ведь еще вчера Билл говорил ей...«Поженятся!» Вот и настанет конец всему, чего она достигла за последние несколько лет. За эти годы она скопила почти тысячу долларов, но это такая мелочь! Страх и ярость наполнили ее до краев.

— Ах ты, старый дурак! — завопила она. — Так значит, все эти годы, пока я за тобой ухаживала, ты вынашивал планы, как бы навредить мне и моим детям!

Вид испуганного, вжавшегося в кресло старика отрезвил миссис Кармоди. Неимоверным усилием женщина взяла себя в руки.

— Я больше не хочу, — с угрозой в голосе произнесла она, — никогда об этом слышать. Ты меня понял? Ни одного слова!

— Конечно, конечно, миссис Кармоди, — изумленно пролепетал старик, — ни слова, если вам так угодно. И все же, моя внучка...

Дрожа от бешенства и страха, женщина вернулась к своему пылесосу. Она снова взялась за работу, но руки у нее тряслись. Когда-то, несколько лет тому назад, у нее был, пусть и довольно туманный, план, но что делать в такой ситуации: Филлис хочет выйти замуж за кого-то другого, а не за Билла. План, надо сказать, довольно гнусный, и тогда она надеялась, что он не понадобится. Но она его не забыла. Гримаса отвращения исказила ее лицо, когда она вытащила всю эту мерзость из темных глубин сознания.

В зеркале над раковиной она заметила отражение своего искаженного злобой лица. Зрелище не из приятных, надо заставить себя успокоиться. Но страх оставался. Дикий, животный страх немолодой одинокой женщины, без работы и, соответственно, без заработка, без... без всего. Значит, остается только ее отчаянный план...

Она пристально рассматривала сына, когда тот к обеду вернулся с поля. За последний год в нем появилось какое-то непонятное ей спокойствие. Словно, достигнув двадцати, он внезапно стал взрослым. Он и выглядел как мужчина, а не как юноша: среднего роста, крепко сложенный, со следами тайной страсти на лице.

Она отметила, что Билл украдкой посматривает на сидящую с ними за столом Филлис. Уже больше года женщина замечала взгляды, которые Билл бросал на эту девушку, кроме того, когда-то женщина сама просила его об этом. Молодой человек должен бороться за девушку, которую любит! Просто обязан! Вопрос только в том, как ей, матери, объяснить своему сыну тот план, который она придумала.

После обеда, пока Филлис и Пирл мыли посуду, она тихонько прошла в комнату Билла. Все получилось куда проще, чем она предполагала. Выслушав ее, он долго лежал совершенно неподвижно, с каким-то странно умиротворенным выражением лица.

— Значит, идея в том, — наконец произнес он, — что сегодня вечером вы с Пирл поедете в кино. Старик, как обычно, будет спать. И тогда я, после того как Филлис тоже пойдет спать, проникну в ее комнату, и... потом ей придется выйти за меня замуж.

Он сказал это так бездушно, что она даже отшатнулась, словно увидев в зеркале свое отражение: бесконечно злую, все ломающую на своем пути тварь, в которую теперь превратилась.

— И если я сделаю все это, — продолжал Билл, — то мы сможем и дальше оставаться на ферме. Я правильно тебя понял?

Она кивнула. Голос ее не слушался. И сразу же, словно боясь, что Билл передумает, она поспешно вышла из комнаты.

Постепенно тяжесть, оставшаяся от этого разговора, прошла. Но когда около трех часов она зачем-то вышла на веранду, то сразу же натолкнулась на сидящего там Вейнрайта. Заметив ее, старик поднял глаза:

— Какой ужас, — сказал он, — ваша сестра повесилась. Мне рассказали об этом в гостинице. Взяла и повесилась. Страшное дело, страшное. Вы совершенно правы, что не поддерживали с ней никаких отношений.

И, словно забыв о ее существовании, уставился в пространство.

То, что он сказал, сначала показалось ей невероятным... И тут же она поняла все: и слова старика, и слабую улыбку, снова играющую на его губах.

«Значит, вот что он задумал, — холодно подумала она. — Этот старый мерзавец хотел устроить так, чтобы Филлис не вышла за Билла. Пользуясь своей репутацией предсказателя, он коварно рассказал ей, что Филлис и Чарли Козен... Все понятно! А теперь он пытается ее напугать. «Повесилась» — надо же!» Она улыбнулась. Хитро придумано, ничего не скажешь! Но она хитрее.

От кино у нее осталось только странное впечатление нескончаемой болтовни и ярких красок. Слишком много бессмысленных разговоров, слишком много света. Глаза болели, и, когда наконец они вышли на улицу, мягкий вечерний полумрак показался настоящим бальзамом.

Светила луна, и лошади тоже не терпелось вернуться домой. Когда они подъезжали к ферме, женщина обратила внимание, что во всем доме не горит ни одно окно. Темной и безжизненной глыбой стоял он посреди серебрящихся в лунном свете полей.

Оставив Пирл распрягать лошадь, она прошла внутрь, дрожа от нетерпения. Одна из ламп в кухне все-таки горела, хотя и слабо. Женщина включила лампу поярче, и, прихватив ее с собой, начала подниматься на второй этаж, где находились спальни. Она постоянно спотыкалась: проку от лампы, похоже, не было никакого. Она поднялась наверх, подошла к комнате Билла. Тихонечко постучала в дверь. Нет ответа. Она заглянула внутрь. Тусклый желтый свет лампы выхватил из темноты пустую кровать, и женщина застыла, не зная, что делать дальше.

Зазвонил телефон, и толстяк прервал рассказ. Пыхтя, он вытащил из кресла свое расплывшееся тело:

— Извините, дела, — откланялся он.

— Только один вопрос, — быстро вставил Кент, — что с предсказанием Вейнрайта о «повесившейся сестре»? Я думал, что миссис Кармоди жива и здорова, хотя и находится в сумасшедшем доме.

— Это так, — огромная туша хозяина гостиницы заполнила собой дверь. — Она действительно жива. Мы думаем, что Вейнрайт и правда, пытался ее напугать.

Утром следующего дня Кент занял позицию в небольшой, поросшей лесом лощине, из которой хорошо просматривалась ферма. Но старик не появился. В полдень Кент вернулся в гостиницу. Одна мысль, словно навязчивая муха, непрерывно зудела у него в голове: сегодня старик отправился в какое-то другое место... какое-то другое место... другое место. Его воображение словно наталкивалось на глухую стену, когда он пытался представить себе это «другое место».

На следующее утро, в восемь часов, он снова спрятался в лощине. И снова ждал. И снова старик не появился.

На третий день ему повезло. Черные грозовые облака затянули все небо, и он собрался было уходить, когда из-за дома появилась высокая, тощая фигура мистера Вейнрайта. Старик прошел через ворота и направился в поле. Делая вид, что тоже вышел погулять, Кент двинулся ему навстречу.

— Доброе утро, мистер Вейнрайт, — поздоровался он.

Не ответив, старик внимательно посмотрел на него. Потом подошел поближе.

— Молодой человек, — вежливо спросил он Кента, — а мы с вами знакомы?

На мгновение Кент впал в замешательство, но потом... «И тут все сходится. Все сходится. Должен же существовать момент времени, когда он со мной познакомился».

— Я сын Ангуса Кента и приехал сюда отдохнуть.

— Я с удовольствием навещу вас в гостинице, — сказал старик, — и мы поговорим о вашем отце. Рад был с вами познакомиться.

С этими словами он пошел дальше. Стоило Вейнрайту скрыться из виду, как Кент кинулся к воротам. Надо было во что бы то ни стало успеть пробраться в дом до того, как старик вернется.

Долгие годы без надлежащего ухода наложили свой отпечаток на темные деревянные стены. Кент обследовал заколоченную дверь и окна. Забито на совесть. Досадно, впрочем, ничего другого он и не ожидал. Да, попасть внутрь нелегко. Ну что ж, подождать старика можно и за углом.

Долго ждать не пришлось. Прямо через закрытые ворота, по направлению к дому прошествовал мистер Вейнрайт. Если Вейнрайт собирается войти в дом, то Кент его увидит. Однако прошло пять минут, потом еще пять, а старик так и не появился.

Но Кент не зря старался. Вот он, неоспоримый факт — где-то на заднем дворе призрак исчезает. Теперь вопрос в том, как помешать этому исчезновению. Как поймать призрак со столь неординарными способностями?

На следующий день, около полудня, Кент замыслил очередную «неожиданную» встречу. Вооружившись полевым биноклем, он, «как ни в чем не бывало», бодро шагал по дороге. Он как раз обдумывал, как бы ему ненавязчиво затеять разговор, когда его неожиданно окликнули:

— Эй, мистер Кент! Доброе утро! Что, тоже вышли прогуляться?

Кент повернулся и, дождавшись, когда мистер Вейнрайт приблизится, сказал:

— Я как раз собирался зайти к миссис Кармоди попросить стакан воды. Пить хочется, прямо мочи нет. Если вы не возражаете, я вас провожу.

— Ну конечно, сэр, — ответил старик, — ну конечно.

И они пошли вместе. Что теперь будет? Что произойдет, когда они подойдут к воротам? Когда Вейнрайт исчезнет?

— Отсюда, — начал Кент, — ферма выглядит какой-то заброшенной, не правда ли, мистер Вейнрайт?

К его удивлению, старик, услышав это безобидное замечание, едва не подпрыгнул.

— Вы тоже это заметили, мистер Кент? — спросил он с несчастным видом. — А я-то думал, что мне только кажется! Я так страдаю от этого! Но знаете, я обнаружил, что эта иллюзия исчезает, как только входишь в ворота фермы.

Так... Значит, все происходит в тот момент, когда Вейнрайт проходит ворота...

— Я рад, что и вы разделяете эту иллюзию, — продолжал Вейнрайт. — А то я уже начал подумывать, что у меня что-то неладно со зрением.

Мгновенно поколебавшись, Кент вынул из футляра полевой бинокль и протянул его Вейнрайту.

— Попробуйте посмотреть в бинокль, — небрежно предложил он. — Возможно, это рассеет иллюзию, — добавил он, и тут же ощутил острую жалость к старику, которого ставил в немыслимое, невероятное положение. Но жалость тут же сменилась жгучим любопытством. Прищурив глаза, он следил за тем, как тонкие костлявые руки поднесли бинокль к старческим, окруженным сетью морщин глазам, как медленно подкрутили фокус... Старик охнул, и Кент поймал на лету бинокль, который Вейнрайт, как того и следовало ожидать, уронил.

— Но как же так?.. — бормотал старик. — Это просто невозможно. Окна заколочены, и... — внезапно в его глазах вспыхнул огонек подозрения: — Неужели миссис Кармоди сумела так быстро собраться и уехать?

— Что-нибудь не так, сэр? — спросил Кент, чувствуя себя последним мерзавцем. Но пути назад уже не было.

— По-моему, я схожу с ума, — покачал головой старик. — Мои глаза... Моя голова... они, конечно, не те, что раньше...

— Давайте подойдем поближе, — предложил Кент, — я все-таки выпью воды, и мы посмотрим, в чем, собственно, дело.

Ему казалось крайне важным, чтобы старик не забыл, что он не один.

— Ну конечно, мистер Кент, — сказал Вейнрайт с достоинством. — Ну конечно, вы получите свой стакан воды.

Они подошли к запертым воротам фермы. С торжеством победителя, от которого, правда, хотелось плакать, Кент увидел, как Вейнрайт безуспешно пытается справиться с замком. «Наверное, впервые с тех пор как все это началось, — мелькнула у него мысль, — старик не сумел пройти через ворота».

— Ничего не понимаю, — растерянно произнес Вейнрайт, — ворота почему-то заперты. Но я же только сегодня утром...

Тем временем Кент размотал проволоку, удерживавшую большие створки.

— Давайте пройдем здесь, — мягко предложил он.

На старика было жалко смотреть. Вот он остановился и, словно не веря своим глазам, уставился на сорняки, которыми порос двор. Удивленно потрогал потемневшие от времени доски, закрывавшие окна. Его плечи поникли. На лице появилось какое-то загнанное выражение. Как это ни парадоксально, но именно теперь он действительно выглядел старым. По выгоревшим ступенькам он с трудом, устало поднялся на веранду. Годы тяжким грузом

лежали на его плечах. И в этот страшный момент Кент, наконец, осознал, что происходит. Старик уже шагнул в сторону наглухо заколоченной двери, когда Кент завопил:

— Подождите! Подождите!

Но он опоздал. Там, где только что стоял мистер Вейнрайт, теперь была... да просто ничего не было.

И только ветер погребальным оркестром завывал в водосточных трубах. Кент стоял на пустой, давным-давно заброшенной веранде. Стоял один-одинешенек. Теперь он понимал абсолютно все. Но он не чувствовал от этого ни радости, ни удовлетворения. Он чувствовал только страх, страх, что может опоздать.

Он бежал по дороге, дыша, словно загнанная лошадь. И думал о том, как хорошо, что последний месяц он так много времени уделял прогулкам. Только благодаря им ему удастся одолеть те полторы мили, что отделяли его от гостиницы. На последнем издыхании, ощущая горечь во рту, он вскарабкался по ступенькам. Перед глазами все плыло. Кто-то — кажется Том — сидел за конторкой.

— Я дам вам пять долларов, — прохрипел Кент, — если вы упакуете мои вещи и доставите меня в Кемпстер к двенадцатичасовому поезду. И расскажете, как добраться до психиатрической лечебницы в Пиртоне. Ради всего святого, быстрее!

Человек за конторкой уставился на него, как на привидение.

— Мистер Кент. Я велел горничной собрать ваши вещи сразу же после завтрака. Вы что, не помните, что сегодня 17 августа?

Кент в ужасе посмотрел на него. И это пророчество сбылось!

Кента провели по бесконечным больничным коридорам, и он все время норовил обогнать сопровождавшую его сестру. Как она не понимает, что речь идет о жизни и смерти!

Врач встретил его в маленькой, светлой и очень приветливой комнатке. Он вежливо встал, приветствуя Кента, но тот, дождавшись, когда сестра закроет за собой дверь, выпалил:

— Сэр, у вас находится женщина по фамилии Кармоди.

— Вы ее родственник?

— Послушайте, — с отчаянием в голосе сказал Кент, — я только что узнал, как все произошло. Немедленно отведите меня к ней. И я скажу ей, нет, вы заверите ее, что она невиновна и ее скоро отпустят. Вы меня понимаете?

— Мне кажется, — осторожно ответил врач, — что вам лучше объяснить все с самого начала.

— Ради бога, сэр, поверьте мне, — Кент отчаянно пытался пробиться через стену непонимания, — нельзя терять ни секунды. Я не знаю точно, как это произойдет, но предсказание, что она повесится...

— Минуточку, мистер Кент! Я был бы вам крайне признателен...

— Ну как вы не понимаете! — вопил Кент. — Вам надо действовать, иначе предсказание сбудется. Я же вам говорю: я знаю факты, которые позволят освободить эту женщину. И, следовательно, сейчас все решится!

Он замолчал, заметив, что врач как-то странно на него смотрит.

— Знаете, мистер Кент, — сказал тот, — прежде всего вам надо успокоиться. Я уверен, что все будет в порядке.

Неужели все нормальные, уравновешенные, спокойные люди так же невозможны, как этот доктор? «Надо быть поосторожнее, — неуверенно подумал Кент, — а не то они запрут меня здесь вместе с психами».

Он начал рассказывать все, что он слышал, что видел, что делал...

— Представьте себе впавшего в детство старика. Он живет в странном, непонятном ему мире. Удивительные, часто не связанные между собой мысли, переживания, идеи — это его жизнь... Старик, чье чувство времени оказалось полностью разрушенным, старик, который входил в будущее так же запросто, как вы или я окрываем дверь в соседнюю комнату...

— Мистер Кент, — мягко сказал врач, — эта идея совершенно не вписывается ни в какие рамки. Но как бы там ни было, я пока не вижу, как это все связано с миссис Кармоди.

— А вы помните, как произошло убийство?

— Кажется, семейная ссора?

— Я вам сейчас расскажу.

Когда миссис Кармоди проснулась, она полагала, что одержала победу. Она думала, что сделала для себя и своих детей все, что могла. И тут она увидела на тумбочке записку. Записка была от Билла и явно пролежала там всю ночь.

Билл писал, что не может и не хочет осуществлять придуманный ею план. Он также сообщал, что ему не нравится на ферме и что он немедленно отправляется в город. Билл и правда ушел в Кемпстер, и к тому времени, когда его мать вышла из кино, уже ехал в поезде. Кроме того, несколько дней тому назад мистер Вейнрайт очень удивился, увидев его во дворе. Старик думал, что Билл уже уехал в город.

Мысль о Вейнрайте не давала женщине покоя. Этот проклятый старик, во все сующий свой нос!

«Старик, — думала она, спускаясь по лестнице, — это он все придумал! Сначала сказал Биллу про город, потом сообщил Филлис, за кого ей выйти замуж, а затем попытался испугать ее разговорами о повешенных. Повешенные?»

Она замерла, словно налетев на стену. Если все остальные пророчества сбылись, то невозможно и этому не сбыться? Но если ты никого не убил, то они не могут тебя повесить! Кого она способна убить? Вейнрайта? Нет, такой глупости она не сделает!

Она не помнила, как прошел завтрак. Как сквозь туман она услышала заданный ее собственным голосом вопрос:

— А где же мистер Вейнрайт?

— Он вышел на прогулку. Мама, ты нездорова?

Нездорова? И кому только в голову придет задать такой дурацкий вопрос? Нездоров будет этот проклятый старик — после того как она с ним побеседует.

У нее остались какие-то смутные воспоминания о том, как она мыла тарелки, а потом странный черный провал... живая, жестокая ночь, окутавшая ее сознание... уехал... Билл... надежда... проклятый старик...

Она стояла у двери на веранду, в сотый уже, наверное, раз выглядывая во двор в надежде увидеть возвращающегося с прогулки Вейнрайта. И в этот миг все произошло.

Вот дверь, вот веранда. А через секунду, в двух шагах от нее, прямо из воздуха, материализовался старик. Он открыл дверь, зашатался и рухнул к ее ногам, корчась в агонии, а она что-то кричала ему...

— Она так все и рассказала полиции, — сказал Кент. — По его словам, старик просто взял и умер. Но врач, обследовавший труп, пришел к выводу, что мистер Вейнрайт задохнулся. То есть его удушили.

— Известно, — продолжал Кент после короткой паузы, — что старые люди могут задохнуться, если, например, у них слюна попадает не в то горло, или из-за паралича дыхательных путей во время шока...

— Шока?! — воскликнул врач, — Вы что?.. — Похоже, он просто не мог найти слов. — Вы что, всерьез полагаете, что ваш разговор с мистером Вейнрайтом сегодня утром вызвал его внезапное появление перед миссис Кармоди, уж не знаю сколько лет тому назад? Вы хотите мне сказать, что это в результате шока...

— Я пытаюсь вам сообщить, — прервал его Кент, — что у нас остались буквально минуты, чтобы предотвратить самоубийство. Если мы успеем ей все объяснить, то у миссис Кармоди исчезнет причина лишать себя жизни. Ради бога, скорее!

— Но как же предсказание? — спросил врач, вставая. — Если у этого старика и вправду были такие способности, то как же мы можем изменить предначертанное?

— Послушайте, — вспылил Кент, — Я сегодня уже повлиял на прошлое из будущего. Давайте попытаемся изменить будущее из настоящего. Да пойдемте же!

Он не мог оторвать глаз от этой женщины. Она сидела в своей маленькой светлой комнатке и улыбалась. А врач все говорил и говорил.

— Это значит, — наконец спросила она, — что меня освободят? Что вы напишете моим детям, и они приедут и заберут меня отсюда?

— Совершенно верно! — искренне заверил ее Кент. Что-то здесь было не так, но что? — Насколько я знаю, ваш сын Билл работает на заводе. Он женился. Ваша дочь — стенографистка на том же предприятии.

— Хорошо, — кивнула она.

Потом они вернулись в кабинет, и сестра принесла голодному Кенту кашу, которую здесь подавали на завтрак.

— Никак не могу понять, — хмурился Кент. — Казалось бы, теперь все должно пойти хорошо. Ее дети работают. Эта девушка, Филлис, вышла за Чарли Козена и они живут на его ферме. Что касается самой миссис Кармоди, то у меня не сложилось впечатления, что она собирается повеситься. Она улыбается. У нее хорошее настроение. Ее комната любовно украшена множеством вышивок.

— Действительно, — согласился врач. — Она любит вышивать... Что случилось?!

«Интересно, — подумал Кент, — он выглядит таким же сумасшедшим, как та мысль, что только что пришла ему в голову?»

— Доктор, — только и мог прохрипеть он. — Есть еще психологический аспект, о котором я совершенно забыл. Скорее! — Кент вскочил. — Надо вернуться к ней и сказать, что она может здесь остаться!

Они услышали, как где-то неподалеку захлопали двери, как кто-то пробежал по коридору. В кабинет ворвался санитар.

— Доктор! — выпалил он, — женщина повесилась! Миссис Кармоди. Она разрезала на куски свое платье, и...

Когда они пришли, ее уже вынули из петли. Смерть сделала ее тихой и спокойной. На губах застыла слабая улыбка.

— Здесь некого винить, — прошептал Кенту врач. — Как могут здоровые, нормальные люди понять, что самым страстным ее желанием всегда была безопасность и уверенность в завтрашнем дне. И что именно здесь, в доме для умалишенных, она получила то, что так долго искала.

Перевел с английского
Михаил ТАРАСЬЕВ

Елена Вроно,
кандидат медицинских наук

КОГДА ВЫТАЛКИВАЮТ САМИ СТЕНЫ

МОТИВ

Незамысловатая идея произведения, свидетельствующая о том, что любое преступление несет в себе зерно кары, облечена А. Ван Вогтом в весьма причудливую форму. И как бы отвратительна ни казалась читателю героиня рассказа, все же она вызывает жалость, ибо всю свою жизнь подчинила одной цели: поискам безопасности для себя и своей семьи. Понятное человеческое желание, став идефиксом, втягивает в свою орбиту родных и близких и в конечном счете разрушает саму личность. Подобная тема, оформленная в ином ключе и с иным знаком, звучит и в рассказе К. Уиллрича, опубликованном в этом же номере «Если». Поэтому редакция решила коснуться этой непростой проблемы предоставив слово специалисту — ученому и практикующему врачу, давно работающему с людьми, которые подошли к опасной черте...

— Скажите, пожалуйста, в психиатрии есть целая область, которая занимается конкретно самоубийцами?

— Да, это суицидология, наука об изучении причин и разработке мер по предупреждению самоубийств.

— Отношение к человеку, предпринявшему попытку, выражаясь по-старинному, «наложить на себя руки», в разные времена менялось, не так ли?

— Разумеется. Если углубиться в историю, нужно понимать, что мы существуем в христианской культуре, в которой самоубийство иначе как тяжкий грех расцениваться не может. Помимо того, что самоубийцы осуждались церковью — их и хоронили за кладбищенской оградой, на неосвященной земле — светские законы тоже были репрессивными по отношению к самоубийце и его семье. Выживший самоубийца по закону отвечал как уголовный преступник за попытку убийства! Так что христианская заповедь «Не убий» абсолютно точно проецировалась на него самого. (В Англии, где прецедентное законодательство, даже после второй мировой войны можно было найти среди заключенных людей, осужденных за попытку самоубийства. Но это был уже, разумеется, анахронизм). Кроме того, завещание самоубийцы могло быть оспорено, о страховке, разумеется, не могло идти и речи и т.д. Словом, ни малейшего ореола романтики вокруг этого поступка не существовало. Это было пре-ступ-ле-ние. Которое нужно было скрывать. Которое срамило честь семейства...

— А такой теории, что это не злодеяние, а болезнь...

— Именно к этому я подхожу. В начале прошлого века «отцы» клинической психиатрии французы Эскироль и Пинель из самых гуманистических побуждений выдвинули теорию о том, что самоубийство есть безумие. Это было время, когда с душевнобольного снимались цепи, когда впервые возникла мысль, что его нужно не изгонять, а лечить и сострадать ему. Нужно сказать, что взгляды на Западе менялись очень быстро, поскольку стремительно развивалась сама клиническая психиатрия. Появилось учение о пограничных душевных заболеваниях: оказалось, что человек может быть временно болен, а между приступами не только здоров, но и благополучен. Возник психоанализ... Границы между психической нормой и патологией стали очень зыбкими. Культура, литература рубежа веков способствовали резкому изменению отношения к душевному расстройству.

— Да, все это воспето, опоэтизировано искусством декаданса.

— Тут-то и появился романтический ореол, о котором я упоминала. Но стало понятно и то, что психологический кризис не обязательно связан с душевной болезнью, что в определенных обстоятельствах суицид как акт отчаяния может совершить почти любой... Эта идея на Западе возникла очень рано. Вторая мировая война с ее чудовищным геноцидом привела к осознанию ценности жизни вообще, любой человеческой жизни: тот, кто поднял на себя руку, нуждается в помощи. В Европе возникли многочисленные кризисные психологические службы, в первую очередь телефонная.

— А мы?

Есть все основания полагать, что в России события развивались бы схожим образом, не случись революции и того, что за ней последовало. Во всяком случае, после первой русской революции 1905 года, после поражения в русско-японской войне, когда по империи прокатилась волна юношеских самоубийств, это вызвало широкое общественное обсуждение: об этом писали везде, отнюдь не только в медицинской печати.

После революции некоторое время бурное развитие психиатрии продолжалось: были дозволены любые переводы, работали психоаналитическое общество, институт детского психоанализа, процветала педология... В конце 20-х начался разгром всего, что не соответствовало социалистической идеологии.

Была закрыта статистика. Такие преступления, как воровство, грабеж и т.п. объяснили просто — «родимые пятна капитализма». А что делать с самоубийцами, число которых почему-то не уменьшалось? Тут и пригодилась гуманистическая теория Эскироля о тождестве самоубийства и безумия (надо заметить, что классики русской психиатрии, Бехтерев, например, разделяли эти взгляды, считая, что, если человек способен действовать настолько вопреки инстинкту самосохранения — он душевно болен).

Эта идея стала руководством к действию на многие годы.

— Еще несколько лет назад один мой знакомый не смог выехать за границу, куда был приглашен для чтения лекций, поскольку «в минуту жизни трудную» он пытался покончить с собой и после этого был поставлен на учет в психдиспансер.

— Да, попытка самоубийства автоматически приравнивалась к психиатрическому диагнозу и считалась доказательством наличия душевной болезни. Такого человека обязательно ставили на психиатрический учет, печили как душевнобольного. За этим следовали социальные препоны, начиная с запрета водить машину до ограничения списка профессий, которыми неудавшийся самоубийца мог заниматься. В любой момент совершиваший попытку самоубийства человек мог быть подвергнут насильственному освидетельствованию и т.п. При всей гуманности изначальной идеи это была очень жесткая система.

С нею мы дожили до середины 70-х. Тогда — это отдельная история — в НИИ психиатрии Российской Федерации был создан сначала отдел экстремальных ситуаций, а потом суицидологический отдел, в котором долгое время работала и я. Велись исследования. Статистика, конечно, была закрыта (хотя мы имели к ней доступ, но коллеги смеялись над тем, что публикации обычно начинались словами: «Длительное наблюдение большого количества больных...» — ни единой цифирки не дозаолялось). Публикации, разумеется, разрешались только в специальных изданиях и только в рамках синдрома, то есть чисто медицинских. Помню страшный скандал, разразившийся, когда рижские психиатры опубликовали материал о самоубийствах стариков, где попробовали заикнуться о том, что есть люди, которые больше не хотят жить, — брошенные детьми, одинокие, не справляющиеся на маленькую пенсию... Как их шельмовали, этих докторов! Им объяснили, что на самом-то деле старики «страдают инволюционными депрессиями и бредом ущерба».

— И все же: болезнь или несчастье, неспособность совладать с ситуацией — где истина?

— Возможно и то, и другое. На этот счет есть подтверждение в статистике: две трети людей, покушавшихся на самоубийство, никогда раньше не являлись объектом внимания психиатра.

Так вот, очень аккуратно, чтобы не вступать в конфликт с системой и иметь возможность продолжать работу, нам удалось сформулировать концепцию о том, что «суицид является результатом социально-психологической дезадаптации личности в условиях микросоциального конфликта». Очень изящно, но «микронамек» все равно вызвал скандал... Тем не менее центр уцелел. А в конце 70-х в Москве появились первые кабинеты социально-психологической помощи людям, находящимся в кризисной ситуации. Анонимные. В обычных поликлиниках, но без регистратуры. Любой мог прийти и получить помощь.

— И люди пошли? Без страха, что их поставят на учет и т.д.?

— Пошли. Главным принципом нашей работы было недоносительство. Да, образ «врага-психиатра» разрушался с большим трудом, но мы очень старались. Всюду помещали объявления, написанные нормальным человеческим языком, столь привычным сейчас и необычным тогда: «Если вам трудно, если у вас проблемы — приходите...»

Восемь кабинетов по Москве и девятый — мой, подростковый. Стационар для здоровых людей, находящихся в кризисной ситуации, чреватой суицидом (до этого их некуда было госпитализировать, только спрятать за забор сумасшедшего дома). Впервые у нас множество психологов работали вместе с психиатрами. И как венец нового подхода появился первый «телефон доверия».

— А статистику позволили открыть?

— В 1987 году.

— Вы могли бы привести и прокомментировать какие-то цифры?

— Прежде чем говорить об этом, необходимо отступление. У нас пьющая страна. И множество людей калечат себя в состоянии похмельного синдрома. Эти случаи попадают в статистику самоубийств, хотя, строго говоря, ими не являются: суицид — всегда результат осознанного решения.

— Вы не сторонница «сухого закона»?

— Нет, таким способом проблему не решишь. Хотя цепочка: уровень развития цивилизации — алкоголизация — рост самоубийств — несомненно, существует. Прогресс несет с собой не только асфальтированные дороги, но и социальные болезни. И сегодня самоубийства обнаруживаются на тех территориях, где их раньше просто не было, в Шри-Ланка, например...

Раз уж мы об этом заговорили, скажу и о другой проблеме, абсолютно не исследованной: уровень самоубийств относительно стабилен в каждой народности и разный среди разных этносов. Народы финно-угорской группы, например, очень подвержены депрессиям, подавленному состоянию — а это непременный предвестник возможного суицида. В Венгрии, народ которой принадлежит именно к этому этносу, всегда был высочайший в Европе уровень самоубийств, более 40 человек на 100.000 населения. И когда страна была частью Австро-Венгерской империи, и в годы социализма, и сейчас. В Удмуртии, где проживают представители того же этноса, внешние условия другие, а уровень самоубийств почти столь же высок...

Вернемся к статистике. В 1985 — 1986 году алкоголь опять стал доступен, и уже к 90-му году уровень самоубийств составил 26,4 на 100.000 населения (39.150 зарегистрированных случаев). Он доаольно быстро растет и в 93-м году уже перекрыл уровень 83-го (38 суицидов на 100 тысяч человек) и составил 39,3 случая. Итоги прошлого года еще не подведены, мы их будем знать в ноябре.

— А кто эти люди, которые не хотят больше жить? Кто составляет «группу риска» в наших условиях?

— Во-первых, те, кем я занимаюсь, — подростки. Первый пик «суицидальной активности» приходится на подростковый возраст. И здесь даже о группе риска говорить бессмысленно. Был у нас в 30-е годы замечательный психиатр по фамилии Хорошко, который совершенно точно заметил, что подросток имеет такие свойства характера, которые по факту существования предрасполагают к самоубийству.

Повышенная эмоциональность, максимализм во всем, неуверенность в себе, ранимость, неспособность хладнокровно оценить последствия своих поступков — это свойственно переломному периоду. Откровенно говоря, мне кажется страшным не только сам рост числа самоубийств в России за последние десять лет на треть, но в первую очередь то, что число самоубийств подростков за это время увеличилось вдвое.

Кстати, школа с советской традицией, ориентированная на коллектив, а не на личность, сама по себе провоцирует ситуации, унижающие человека.

Когда я анализировала материалы своего амбулаторного приема — возраст, число попыток самоубийства (подростки их повторяют), то обнаружила такую вещь: около 70 процентов моих пациентов в качестве причины суицида назвали школьный конфликт! Но это зачастую лишь повод, причина же ситуации, как правило, спрятана в семье, в той «благополучной» высоконормативной советской семье, которая неспособна обеспечить настоящую психологическую защиту, поддержку своим младшим членам.

Самые вопиющие для меня случаи — когда попытка самоубийства не результат депрессии, а следствие неразумного поаедения. Недавно у меня была на приеме девочка. Окончила элитарную школу при педагогическом вузе, но поступала на философский факультет МГУ и не прошла по конкурсу. Способная, немного заумная, художница, очень высокомерная... К тому же пробовала легкие наркотики — в школе, по ее

словам, это принято: «Все знают, когда мы немного накурились, и нас не трогают». Семью я бы не назвала интеллигентной, скорее претенциозной: Странноватый отец и истеричная мать. Любимая тема скандалов была: «Ты не поступишь, ты замахнулась на то, что тебе не по плечу!» В один из таких моментов дочь крикнула матери: «Если ты не замолчишь, я выброшусь из окна!» Мать в ответ: «Выбрасывайся!» И она прыгнула с пятого этажа...

Упала на дерево и отделалась легким сотрясением мозга. Такие чудеса возможны только с подростками... Я спрашивала, что она чувствовала в тот момент. «Вдруг показалось, что меня выталкивают стены комнаты».

Мать исполнена чувством вины. Девочка ушла жить к тете.

Она мне говорила: «По сути я побывала по ту сторону... И знаю, что человека убить не грех. И себя убить не такой уж грех. Самый большой грех — родить человека, заставить его прийти в этот ужасающий мир».

Ну что с этим делать? Вся семья больна. Хотя формально эта девочка не душевнобольная. Класть ее не с чем...

— Есть еще возраст, в котором люди так легко уязвимы?

— Старческий, после 55 — 60 лет. Здесь на первом плане проблема одиночества, в том числе и внутри семьи. Разобщенность, отсутствие социальных связей .. Помните ту чашечку в сказке Льва Толстого, которую вырезал мальчик? Отец его спрашивает: «Что ты делаешь?» — «Вырезаю чашечку, чтобы тебя за печкой кормить, как ты за печкой дедушку кормишь». Вот наше отношение к старикам.

Знаете, число самоубийств стариков растет во всем мире, но в том числе и потому, что увеличивается продолжительность жизни: доля самих стариков все больше в составе населения. Но в российской статистике есть одна очень тревожная особенность: пик завершенных суицидов приходится на людей трудоспособного возраста от 40 до 50.

— Это связано с состоянием общества?

— Конечно. Хотя никуда не уходят ситуации, типичные для любого времени и страны: крах личных ожиданий, профессиональная несостоятельность, неверная трактовка событий и т.д. — к ним добавилось нечто новое. Уровень тревоги выше обычного и растет, что впрямую даже не связано с экономической нестабильностью. Хотя появились люди в малиновых пиджаках в «мерседесах», а на улицах мы видим нищих, копающихся в помойках, но мы видим и огромные очереди за любыми ценными бумагами, так что не вполне ясно, что на самом деле происходит.

Катастрофично сейчас время, на мой взгляд, — я все-таки патолог, практикующий много лет, — для тех, кто во всех развитых странах составляет «золотой фонд» общества, его каркас По американской классификации это человек с психологическим типом «А». Специалист с не очень широким кругозором, который хорошо действует в рамках заданного, ценит профессионализм, престиж, сориентирован на семью. Словом, классический советский ИТР. Он устойчив в заданных рамках, или, используя медицинскую терминологию, ригиден. И это означает, что такой человек не может легко и просто сделаться из старшего научного сотрудника высокооплачиваемым официантом...

— Наверное, любой из горожан знает инженеров и эмэнэсов, которые мучительно адаптировались в новой экономической ситуации: когда им переставали платить зарплату, закрывали «почтовые ящики», они метались, искали работу по специальности, в лучшем случае находили ее в фирмах, а если нет — шли торговать, крыть крыши, ставить железные двери или гаражи-«ракушки»...

— ...во многом теряя себя. Но масса людей такого плана, особенно мужчин (женщины менее амбициозны) не способны адаптироваться в подобных условиях: они будут лежать на диване, страдать и ждать, пока что-то образуется. И по возрасту это отцы семейств! Свои страхи они переживают, трансформируя в немыслимую тревожность по отношению к детям. Чем это оборачивается? Конечно, ограничениями! А ребенок борется, и самоубийством в том числе.

— Своего рода порочный круг.

— Кстати, газеты, журналы и особенно телевидение, битком набитое душераздирающими историями, во многом создают эту патогенную среду. Такая «невзоровщина», что ли, нагнетание ужаса. Хотя добавились, конечно, и ситуации криминальные.

— Вы о страхе говорите?

— Нет, об угрозе. Недавно я лечила молодого человека, который попал в жуткую историю. Это парень, лет 19, который остался совершенно один жить в квартире. Его выследили, пришли, держали в подвале, пытали, привели купленного нотариуса, заставили подписать дарственную на квартиру буквально под дулом пистолета... Он бросился в речку.

Плюс ко всему этому, напомню, у нас пьющая страна.

— У вас плохой прогноз на развитие ситуации?

— Прогнозов я не делаю, но думаю, на этом уровне рост количества самоубийств не остановится.

— Но выход какой-то есть?

— Понимаете, ведь эта система психологической помощи, о которой я рассказывала, изменилась, но она есть. Есть «телефоны доверия», где работают люди, получившие соответствующую профессиональную подготовку. Уже год действует, например, телефон доверия «Сестры» для женщин, ставших жертвами насилия. И появилась, во всяком случае в больших городах, масса служб подобных той, в которой я теперь работаю, — это психологическое агентство «Круг» исследовательского центра «Семья и детство» Российской академии образования. Можно к нам позвонить по телефону 231-49-28 изложить диспетчеру свою проблему и записаться на прием ко мне, либо к семейному психотерапевту. Это работа, тяжелая душевная работа, которую пациент совершает вместе с психологом или психиатром.

Хотя, увы, сейчас полно людей, готовых заплатить, чтобы за них решили их проблемы, в том числе и душевные. На этом процветают экстрасенсы, маги, колдуны, парапсихологи, коих развелось видимо-невидимо.

— С чем от вас уходит клиент?

— С большим пониманием проблемы, как правило. Иногда — с полным пониманием, с ее решением. Но работать удается только с теми, кто сознательно этого хочет.

«Душа обязана трудиться». Только так...

Беседу вела
Елена СЕСЛАВИНА

«Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи, он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух пистолетов».

Иван Бунин. «Кавказ».

После Трууна дорога вдруг начала вилять, непринужденно обегая выстроившиеся правильной цепочкой холмы, именуемые Пурпурной Грядкой, то с одной, то с другой стороны, так что путнику приходилось беспрестанно нырять из тусклого багрянца солнечных лучей в стужу черных теней под северными склонами и наоборот. Углядев окрест просевшие могилы и разбросанные подле них сухие ветви траурного черного тиса, учуяв необъяснимые приливы и отливы неведомых запахов, Кугель прибавил шагу и на максимальной скорости без приключений добрался до Тсомбольских болот. Испустив было искренний вздох облегчения, он тут же охарактеризовал грядущие прелести прогулки по местности, в высшей степени сырой и неприветливой, парой выразительных проклятий.

Дорога по-прежнему шла то вкривь, то вкось, извиваясь меж трясинами и озерцами стоячей воды. Иногда, резко повернув назад, она взбегала на полуразрушенные насыпи древних магистралей, но чаще крутилась и вертелась без всяких видимых причин. В довершение ко всему, северный ветер будто сорвался с цепи и принялся раскачивать заросли тростника, сдувать с грязных луж ледяные брызги и опутывать ноги раздраженного Кугеля его же собственным плащом. Сгорбившись и натянув широкополую шляпу по самые уши, тот побрел на полусогнутых, воспользовавшись единственным в данных обстоятельствах способом уберечься от простуды.

Вскоре ветер очистил небосклон от хмари, и унылый пейзаж предстал перед глазами изумительно выпукло, четко и контрастно до малейшей детали, как в подзорной трубе. Однако Кугель не удовлетворился обзором протяженных перспектив молчаливой древней полуравнины и, задрав голову, тщательно просканировал темно-голубые небеса. Опознав в единственной темной точке далекого пелгрейна, он застыл на месте и продолжал стоять как вкопанный, покуда зловредное создание не растворилось на горизонте, а там зашагал еще резвее прежнего.

К полудню ветер стал капризничать, задувая могучими порывами вперемежку с краткими периодами неестественного спокойствия. Во время интервалов тишины до Кугеля доносились сладкие голоса болотных туманниц, взывающих из-за кочек подобно тоскующим девам: «Кугель, о Кугель! Отчего ты так спешишь? Приди в мою обитель, расчеши мои изумрудные кудри!» И еще: «Кугель, о Кугель! Куда ты держишь путь? Возьми меня с собой, поделись радостью и горем!» И потом: «Кугель, милый Кугель! День клонится к вечеру, год идет к концу! Приходи ко мне за кочку утолить свои печали!»

Но тот все прибавлял шагу, не на шутку озабоченный проблемой безопасного ночлега, и, когда солнце затрепетало на топком краешке Тсомбольских болот, набрел на постоялый двор, укрытый сенью пяти угрюмых дубов. Кугель с благодарностью принял любезное предложение заночевать, и хозяин — краснолицый верзила с солидным брюшком и явными симптомами хронического жизнелюбия — подал ему вовсе недурной ужин из тушенного в травах блистуна с камышовым пирогом на закуску и кувшин подогретого желудевого пива отменной крепости.

Пока Кугель насыщался, хозяин завел беседу.

— Судя по одежде, человек ты достойный и не лишенный вкуса, однако ж путешествуешь по болоту на своих двоих. Не видишь ли ты в том вопиющего противоречия?

— Вижу, конечно, вижу, — заверил его Кугель. — Но куда чаще, чем хотелось бы, приходится ощущать себя единственным честным человеком среди мошенников, плутов и негодяев. А при таком раскладе состояния не сколотишь.

Хозяин задумчиво потеребил подбородок.

— Эти слова нашли в моей душе живейший отклик. Я подумаю над решением твоей проблемы.

Он честно сдержал обещание и наутро, лишь только постоялец покончил с завтраком, представил ему крупную каурую скотинку, щеголявшую могучими задними лапами, широким рылом и кисточкой на хвосте; животное было честь по чести взнуздано, оседлано и готово выступить в поход.

— Самое малое, что следует сделать для тебя в твоем печальном положении, — жизнерадостно провозгласил хозяин, — так это продать сего скакуна за жалкие гроши! Статью он, правда, не блещет, будучи помесью дунджа и фелукхари, зато легок на ногу, охотно поглощает помои и славен непоколебимой лояльностью.

— Все это прекрасно, — заметил Кугель, — и я ценю твой альтруизм. Однако же для столь несуразного создания любая цена чересчур высока! Не забудь учесть болячки на заду, экзему на хребте, а также — поправь меня, если я ошибаюсь, — весьма удручающую одноглазость.

— Сущие пустяки! Подумай сам, что тебе понадобится на Равнине Стоячих Камней — верный скакун или предмет тщеславной гордости? Итак, решено — он твой! И всего за тридцать терций.

Шокированный Кугель резко отшатнулся.

— Как? Когда за лучшего камбалезского вериота просят от силы двадцать?! Друг мой, твои замашки значительно превосходят мою платежеспособность.

Хозяин оставался воплощением дружелюбия и терпения.

— Друг мой, посреди Тсомбольских болот не купишь даже смрада дохлого вериота.

— Боюсь, характер нашей дискуссии становится абстрактным, — заметил Кугель. — Вернувшись на уровень практики, я утверждаю, что названная цена попросту бессовестна.

Багровая физиономия на миг утратила добродушие, и здоровяк плаксиво пробормотал:

— Ну вот, опять как всегда... Каждый, кому я продаю это животное, так и норовит злоупотребить моей добротой!

Реплика показалась Кугелю несколько странной, но он уловил колебания оратора и поднажал:

— Невзирая на дурные предчувствия, со свой-

Джек Вэнс

Торба, полная снов

ственной мне щедростью предлагаю двенадцать терций...

— Заметано! — вскричал хозяин прежде, чем гость вымолвил последнее слово. — Клянусь, ты сам убедишься, что преданность животного превосходит всяческие ожидания.

Распрощавшись с дюжиной терций, Кугель с опаской вскарабкался на своего скакуна, и растроганный хозяин произнес благожелательное напутствие:

— Да будет твой путь и легким, и безопасным!

— Пусть вовеки цветет и процветает твое достойное заведение! — в тон ему откликнулся Кугель. Желая обставить отъезд поэффектнее, он вознамерился молодецки прогарцевать по двору, но скотинка лишь припала к земле и эдаким манером засеменила в сторону дороги.

Первую милю Кугель с комфортом проехал шагом, вторую тоже; принимая во внимание все обстоятельства, он был приятно удивлен нежданным приобретением: «Нет слов, ублюдок и впрямь легок на ногу! Посмотрим, какова скотина на рысях». Взбодренный поводьями скакун горделиво задрал голову, выгнул дугою хвост и припустил невиданным аллюром, являя собой на редкость смехотворное зрелище. Кугель ударил каблуками по выпирающим бокам: «Попробуем быстрее... Ну давай же, покажи свою прыть!»

Обновка рванулась вперед с такой энергией, что длинный плащ Кугеля бурно заполоскался на ветру. У поворота дороги высился массивный дуб, по-видимому, исполняющий роль пограничного столба. Завидев знакомый объект, скотинка выдала мощный финальный спурт, враз затормозила и, что было сил взбрыкнув филейными частями, катапультировала седока в глубокий кювет. Когда тот выкарабкался на дорогу, животное выделывало на болоте игривые курбеты, удаляясь в сторону постоялого двора. «Нечего сказать, лояльность! Гнусное создание хранит верность лишь собственному стойлу!» — пробурчал раздосадованный Кугель; отыскав упавшую шляпу и нахлобучив ее пониже, он устало поплелся дальше на юг.

День клонился к вечеру, когда он дошагал до деревушки в дюжину глинобитных развалюх, жители которой — приземистый, длиннорукий народец — все как один щеголяли буйными копнами выбеленных волос, оформленными с достойной восхищения изобретательностью. Оценив высоту солнца и туземный пейзаж в виде унылой череды кочек вперемежку с лужами, Кугель отбросил снобизм и решительно приблизился к самой вместительной постройке, претендующей на некую роскошь. Домовладельца он обнаружил за углом: сидя на завалинке, тот трудился над шевелюрой одного из своих отпрысков, щедро размазывая побелку и укладывая пряди на манер лепестков хризантемы; прочие многочисленные чада с энтузиазмом возились рядышком в грязи.

— Добрый день! — поприветствовал семейство Кугель. — Признаться, мне настоятельно необходимы еда и ночлег... За соответствующее вознаграждение, разумеется.

— Безмерно счастлив услужить тебе! — живо откликнулся селянин. — Мой дом, скажу не хвастая, самый комфортабельный в Сампфетиске, а сам я считаюсь лучшим знатоком анекдотов среди жителей деревни. Желаешь сперва проинспектировать мою недвижимость?

— Незачем, я тебе доверяю. Мне бы только полежать часок в своей комнате, а после принять горячую ванну.

Домовладелец, стряхнув побелку с рук, провел гостя в помещение и указал на кучу сухого тростника в углу:

— Вот твое ложе, отдыхай сколь душе угодно. Что до купания, делать этого не рекомендую, ибо окрестные лужи изобилуют трелкоидами и червепроволочниками.

— В таком случае, придется воздержаться, — согласился Кугель. — Однако же я не ел с самого утра и желал бы отобедать как можно скорее.

— Моя половина отправилась на болото поискать кое-чего из еды. Что толку говорить об обеде, коли мы не знаем, что ей удастся раздобыть!

В положенное время женщина вернулась с тяжелым мешком и полной корзиной, разожгла огонь и принялась варить, жарить и парить, в то время как супруг ее Эрвиг усердно развлекал гостя, распевая деревенские баллады под аккомпанемент местной двухструнной гитары. Наконец хозяйка позвала мужчин и детей в дом и подала на стол горшок с кашей-размазней, пару блюд с рублеными лишайниками и обжаренными глюковицами да горку толстых ломтей черного хлеба. Когда с ужином было покончено, отец семейства выставил жену и детей за дверь.

— Наши разговоры не для ваших ушей, — многозначительно пояснил он. — Этот господин очень важный путешественник.

Добыв откуда-то глиняный кувшин и пару стопок, Эрвиг выставил одну перед гостем, другую перед собой, плеснул в них аррака и приступил к беседе.

— Откуда идешь ты и куда держишь путь?

Кугель приложился к стопке, и пламя охватило его пищевод и желудок.

— Я выходец из той благословенной земли, что зовется Элмери, туда же и возвращаюсь.

— Элмери? Никогда не слышал о такой.

— О, это очень далеко, на крайнем юге.

Эрвиг задумчиво поскреб затылок.

— Меня по справедливости считают проницательным человеком, и все же я не в силах уразуметь... Как вышло, что ты пустился в столь долгий и рискованный путь, чтобы в результате вернуться туда, откуда пришел?

— В том следует винить моих врагов, чьи козни причинили мне неизмеримый вред, и я намерен по возвращении поквитаться с ними.

— Ничто не успокаивает душу так, как праведная месть, — согласился Эрвиг. — Может статься, однако, что твои планы нарушит Равнина Стоячих Камней по причине кишащих там мерзавров и азмодеев, да и пелгрейн, хочу добавить, не дремлет в небесах. Уж коль осилишь тот участок дороги и дойдешь до земли Омбалик, то считай, что и впрямь родился в рубашке.

Кугель вытащил остро наточенный нож, позаимствованный на скотобойне в Трууне, и выразительно поиграл массивным лезвием.

— Меня не зря называют Кугелем Разумным! И хотя я имею опыт по части подобных тварей, но предпочитаю держаться от них как можно дальше. Сколь обширна та равнина и как долог будет мой путь?

— Через две мили к югу местность, возвышаясь, становится плоской, дорога же начинает вилять меж валунами и делает это на протяжении пятнадцати миль. Хороший ходок осилит такое расстояние за четыре-пять часов... если, конечно, его не задержит или вообще не остановит вмешательство упомянутой живности. Ну а там какой-то час пути до города, именуемого Квирнифом.

— Как говорится, золотник предуведомлений дороже воза запоздалых сожалений...

— Отлично сказано! — восхитился Эрвиг и взбодрил себя очередной порцией аррака.

— И потому хотелось бы узнать твое личное мнение о названном городе... Какой прием ожидает

путника в Квирнифе? Не отличаются ли его жители излишне эксцентричным поведением?

— Ну, в какой-то мере! Во-первых, в отличие от нас, они ничуть не заботятся о прическах и не выбеливают волос, во-вторых, нетверды в религиозных убеждениях. Вознося молитвы Пресвятому Виулию, горожане практикуют возложение десницы на живот вместо подобающей случаю левой ягодицы, что в нашей деревне почитается абсолютно неприемлемым. Что ты об этом думаешь?

— Ритуал следует исполнять точно так, как это делается у вас, а все прочие традиции никуда не годятся.

В порыве чувств Эрвиг наполнил Кугелеву стопку до самых краев.

— Воистину замечательное подтверждение наших взглядов, тем более из уст столь многоопытного путешественника, как...

Тут отворилась дверь, и в хижину заглянула Эрвигова половина:

— Ночь темна, ветер дует с севера, черный зверь рычит на краю болот!

— Укройтесь в тени деревьев и помните, что Пресвятой Виулий защищает свою паству. Нельзя и помыслить, женщина, чтобы ты и твои пащенки потревожили покой нашего гостя!

Бедняжка неохотно закрыла дверь и тихо удалилась в ночь. Эрвиг поудобней устроился на стуле и хватил очередную стопку аррака.

— Как я уже сказал, жители Квирнифа не без чудачеств. Но тамошний правитель, герцог Орбаль, кому угодно даст сто очков вперед, ибо вконец помешался на всяческих чудесах и вундеркиндах! Он встречает с распростертыми объятиями любого бродячего фантасмагориста, каждого мага-шарлатана с парой заклятий в пустой башке... и тут же закатывает в их честь пир на весь мир!

— Да уж, и впрямь диковинное хобби, — поддержал беседу Кугель.

Тут женщина снова отворила дверь, и Эрвиг недовольно проворчал:

— Ну что у тебя на этот раз?

— Зверь уже в деревне, и, судя по всему, он тоже принадлежит к пастве Пресвятого Виулия!

Эрвиг затеял было препирательство, но лицо женщины неприятно ожесточилось.

— Твоему гостю придется пожертвовать своим покоем чуть раньше, только и всего! Так или иначе, но всем нам придется спать на одной постели.

Она широко распахнула дверь и велела выводку немедленно войти в дом. Сообразив, что дискуссиям пришел конец, Эрвиг поспешно растянулся на куче тростника, и Кугель, поколебавшись, последовал его примеру.

Наутро, подкрепившись травяным чаем и черной лепешкой, выпеченной в золе, он собрался в путь. Эрвиг пожелал проводить гостя до самой дороги.

— Ты произвел на меня в высшей степени благоприятное впечатление! Послушай же, как пройти через Равнину Стоячих Камней. Лишь завидишь эту опасную местность, поскорее отыщи голыш размером в собственный кулак и начерти на нем триграмму. Ежели на тебя нападут, подними талисман повыше и кричи погромче: «Прочь, прочь! Я несу священный атрибут!» Когда дойдешь до первого валуна, оставь голыш ~~в куче~~ камней у его подножия, там же выбери второй, начерти тот же знак и ступай ко второму валуну... И так далее, до самого конца равнины, не забывая притом остерегаться глаз пелгрейна: эти бессовестные создания полностью лишены религиозных чувств. Ну что ж, счастливого пути! И, когда снова будешь в наших краях, вспомни о моем гостеприимном крове.

— Боюсь, нам вряд ли придется еще раз свидеться, — заметил Кугель. — Однако полагаю, что некий Юкоуну, более известный под именем Смеющийся Маг, рано или поздно пойдет той же дорогой... Я всенепременнейше порекомендую ему твое гостеприимство.

— Да будет так, как ты пожелаешь!

Вскоре Кугель достиг плоской серой равнины, примечательной лишь торчащими там и сям гигантскими серыми валунами никак не менее 12 футов высотой каждый. Оглядевшись, он обнаружил поблизости крупный булыжник и, торжественно возложив правую руку на левую ягодицу, отвесил перед священным объектом почтительный поклон.

— Препоручаю сей прекрасный камень твоим неусыпным заботам, о Пресвятой Виулий! И да послужит он надежной защитой странствующему по негостеприимной равнине!

Внимательно изучив ландшафт, Кугель не заметил ровно ничего достойного внимания, если не считать стоячих валунов, отбрасывающих под красным утренним солнцем длинные черные тени. Он с облегчением продолжил путь, но не успел прошагать и сотни ярдов, как ощутил за спиной некое присутствие. Резко обернувшись, Кугель узрел следующего за ним буквально по пятам восьмикрылого азмодея и, воздев к небу охранный талисман, громко возопил:

— Изыди, кровопийца! Не смей досаждать мне, ибо я несу священный атрибут!

— Глупости! Это обыкновенный булыжник, — заметила тварь мягким интеллигентным голосом. — Знаешь, ты совершил грубейшие ошибки при исполнении ритуала. Теперь беги, если хочешь, я тоже не прочь поразмяться.

— Как! Неужто не страшит тебя праведный гнев Пресвятого Виулия? — негодующе воскликнул Кугель.

— Он не имеет ни малейшего отношения к нашему делу, — хладнокровно парировало существо, делая шаг вперед.

Кугель швырнул свой талисман что было мочи и угодил прямо в широкий черный лоб азмодея, аккурат меж встопорщенных антенн. Тварюга грохнулась навзничь, и, прежде чем смогла подняться, проворный путешественник размозжил ее омерзительную голову. Подумав, он подобрал булыжник: «Как знать, кто направил полет этого камня? Уж верно, Пресвятой Виулий заслужил свою толику благодарности».

У первого же валуна Кугель, последовав совету селянина, обменял камни и двинулся далее. День шел своим чередом; солнце карабкалось ввысь спазматическими толчками и, немного передохнув в зените, поковыляло к западному горизонту, словно престарелый ревматик по шатким ступеням. Благодаря удаче или священным камням, но путник бодро и беспрепятственно маршировал от валуна к валуну, хотя ему все же не раз приходилось падать на землю плашмя, дабы избегнуть внимания пелгрейна.

Наконец впереди обрисовалась низенькая гряда и за ней — спуск в тенистую долину; углядев их, путник ускорил шаг и вознес хвалу небесам за благополучный исход рискованного предприятия. Должно быть, он невольно ослабил бдительность, ибо раздавшийся с неба дикий ликующий клич застал его врасплох. В панике ринувшись под откос, Кугель заметался меж камней, упал и пополз, стремясь укрыться в ближайшей тени. Радостно клокоча, пелгрейн пронесся над его головой, резко развернулся, спикировал — и к хриплым крикам чудовища вдруг присоединился визгливый человеческий голос.

Осторожно выглянув из-за обломка скалы, Кугель обнаружил, что тварь приземлилась полусотней ярдов ниже по склону и преследует некоего

упитанного субъекта в просторных одеждах примечательной расцветки — сплошь в крупных черно-белых ромбах. Жертве удалось укрыться за олофаровым деревом, и пелгрейн, вереща и бурно хлопая крыльями, принялся яростно загребать когтистыми ручищами то с одной, то с другой стороны ствола. Невзирая на солидную комплекцию, несчастный с изумительной ловкостью уклонялся от выпадов врага, хотя пот так и струился по его пухлой физиономии, обрамленной короткой черной бородкой.

Разочаровавшись в избранной тактике, тварь разразилась потоком несвязной брани и просунула в развилку ствола разинутую пасть. Повинуясь внезапному импульсу, Кугель начал потихоньку сползать по склону, пока не очутился прямо над зверем, выбрал подходящий момент и прыгнул, приземлившись обеими ногами на здоровенную зубастую башку. Пелгрейн рухнул. Его голая шея клином вошла в развилку дерева.

— Ну а теперь, — обратился Кугель к остолбеневшему толстяку, — если ты снабдишь меня прочной веревкой, мы свяжем его как следует.

— Непростительное милосердие! — встрепенувшись, запротестовал тот. — Или ты не видел, как мерзкое создание покушалось на мою жизнь? Прикончить его, и немедля! Ну-ка подвинь левую ногу, я отсеку ему голову.

— Стоит ли торопиться? — возразил Кугель. — Какова бы ни была вина животного, у меня есть права на этот ценный экземпляр, и я намерен защищать свои интересы.

— Твои претензии совершенно не обоснованы, — после секундного раздумья возразил толстяк. — Я был на расстоянии вытянутой руки от ценного экземпляра, и как раз собирался оглушить его, когда ты бесцеремонно вмешался в ситуацию.

— Ну что ж, — пожал плечами Кугель. — Значит, мне остается только избавить чудовище от своего веса и отправиться дальше.

— Зачем же доводить до нелепых крайностей сугубо теоретическую дискуссию! — поспешно проговорил субъект в черно-белом балахоне. — У меня найдется вполне подходящая веревка.

Придавив голову пелгрейна обломком массивного сука, они старательно связали его, и толстяк, представившийся как Иоло Снолов, спросил:

— Так в чем же ценность этого создания и каково, на твой взгляд, се материальное выражение?

— Видишь ли, я как раз вспомнил, что Орбаль, герцог Омбаликский, является страстным любителем раритетов. Думаю, он выложит за монстра кругленькую сумму, возможно, даже сотню терций.

— Разумная мысль! Ты уверен, что тварь связана вполне надежно?

Занявшись проверкой узлов, Кугель заметил, что хохолок чудища украшает голубое хрустальное яйцо, подвешенное на золотой цепочке, и потянулся за драгоценной вещицей, но растопыренная пятерня Иоло молниеносно догнала его руку. Отпихнув толстяка плечом, Кугель ловко снял амулет, но соперник успел вцепиться в золотую цепочку; оба замерли, уставясь в глаза друг дружке.

— Я попросил бы оставить в покое мою законную собственность, — холодно промолвил Кугель. — Убери свою алчную длань.

— Тебе ли пристало рассуждать о законах? — риторически вопросил Иоло. — Данный объект принадлежит мне по праву и справедливости, поскольку именно я заметил его первым.

— Это гнусная и неубедительная ложь! Разве ты не помнишь, что именно я снял эту безделушку с пелгрейна, а ты всего лишь пытался изъять ее у меня?

— Я не терплю инсинуаций!

В ярости топнув ногой, Иоло попытался силой вырвать предмет спора из цепких пальцев оппонента; пыхтя и тузя друг друга, они упали и покатились по склону. Голубое яйцо отлетело сторону и, ударившись о землю, исчезло во вспышке взрыва; когда рассеялся голубой дым, в склоне холма обнаружилась глубокая дыра. Внезапно из нее взметнулось длинное, отливающее золотом щупальце и крепко ухватилось за Кугелеву ногу. Иоло, шарахнувшись от греха подальше, встал в сторонке и принялся наблюдать за неравной борьбой.

— Тащи сюда веревку и привяжи к чему-нибудь это проклятое щупальце! — надсадно взвыл Кугель. — И поскорее, а то оно уволочет меня в эту дыру!

— Поскольку сама судьба покарала твою алчность, я не желаю вмешиваться в естественный порядок вещей, — нравоучительно заметил Иоло. — К тому же у меня только одна веревка, и, если ты помнишь, мы израсходовали ее на пелгрейна.

— Так убей пелгрейна и употреби ее на более неотложное дело! — возопил Кугель.

— Все не так просто, — заметил Иоло. — Вспомни, что ты оценил это животное в сотню терций, из коих моя доля составляет пятьдесят. Еще десять накинем за веревку...

— Как?! — взревел Кугель. — Десять терций за старый шнурок ценой от силы в пару медяков?!

— Что есть цена? По определению — величина переменная. Разве это не базисный постулат коммерции?

— Ну хорошо, — просипел Кугель, — я согласен. Десять терций за веревку. Но я не могу дать пятьдесят за пелгрейна, у меня всего-то сорок пять.

— Так и быть, — согласился Иоло, — если добавишь в качестве залога ту бриллиантовую булавку, что я вижу на твоей шляпе. А теперь заплати мне сорок пять терций.

Не видя толку в дальнейших препирательствах, ухваченный за ногу бросил кошелек на землю. Иоло продолжал настаивать на булавке, но тут Кугель уперся и категорически отказался уступить право на бриллиант, прежде чем щупальце будет надежно привязано. Иоло неохотно отрубил пелгрейну голову, смотал веревку и привязал ею щупальце к ближайшему пню, облегчив наконец тяжкое бремя Кугелевой щиколотки.

— А теперь, будь столь любезен и передай мне эту булавку, — велел толстяк, многозначительно приставив лезвие ножа к неряшливому узлу.

Тяжко вздохнув, Кугель исполнил приказание.

— Ну а теперь, поскольку ты уже завладел всем моим достоянием... Будь так добр и освободи меня от этого щупальца.

Иоло спокойно проигнорировал реплику и принялся обустраивать место для ночлега.

— Неужто неведомо тебе благое чувство сострадания? — патетически воззвал Кугель. — Или ты не помнишь, что я спас тебя от пелгрейна?!

— Конечно, помню, тем более что последствия твоего необдуманного поступка у меня перед глазами. Мало того, что тебя держит за ногу аномальный объект, вдобавок ты лишился всего своего имущества. Вот урок, который тебе следует извлечь из данной ситуации: никогда не нарушай мирового равновесия без соответствующей предоплаты!

— Ты прав, — согласился Кугель. — Однако прими во внимание, что возникло и существует серьезное отклонение от естественного порядка вещей, которое разумные люди вроде нас с тобой вполне способны отрегулировать. Ты — ослабив петлю на моей щиколотке, я — вытянув из нее ногу.

— В твоих словах есть доля истины, — признал Иоло. — Завтра утром, на свежую голову, я попытаюсь взглянуть на факты с другой стороны.

Кугель пустился было в увещевания, но Иоло

повернулся к нему глухим ухом. Разложив костер, сварив в котелке травяную похлебку и присовокупив к ней половину холодной курицы, он плотно и со вкусом поужинал, запивая вином из кожаной фляги. Покончив с едой, толстяк аккуратно заткнул пробку, удобно прислонился к стволу дерева и обратил наконец свое внимание на Кугеля.

— Ты, разумеется, спешишь принять участие в знаменитой Выставке Чудес славного герцога Орбаля?

Кугель покачал головой.

— Я всего лишь простой путешественник. А что это за выставка?

— О, герцог ежегодно проводит состязания чудодеев и самолично присуждает главный приз, то есть тысячу терций. Не сомневаюсь, что в нынешнем году первое место получит моя Торба, полная снов.

— Полная снов?.. Любопытно! Должно быть, это всего лишь романтическая метафора?

— Ни в коей мере! — негодующе возразил Иоло, приняв вид оскорбленного достоинства.

— Так что же это? Световой калейдоскоп? Галлюцинаторный газ? А может быть, ты искусный имперсонатор?

— Ты далек от истины. Я намереваюсь продемонстрировать герцогу уникальную коллекцию стопроцентно натуральных, полностью очищенных от грязи и сальностей снов, прошедших возгонку и свободную кристаллизацию.

Иоло вытащил из сумы небольшой мешочек из мягкой серой замши, достал из него смахивающий на снежинку объект примерно двух дюймов в поперечнике и поднес поближе к свету костра, дабы Кугель смог оценить изменчивость его летучих переливов.

— Когда я попотчую герцога Орбаля своими дивными снами, победа без сомнений останется за мной!

— Твои рассуждения вполне логичны. Но каким образом, хотелось бы знать, ты добываешь исходное сырье?

— Это, разумеется, секрет фирмы, однако я не вижу причин, мешающих обрисовать процесс в общих чертах. Я проживаю в земле Дейпассант, близ озера Люканор, чью водную гладь туманит холодными ночами тонкая пыльца, отражая блистающими точками сияние звезд. Подняв посредством соответствующего заклятия с поверхности озера сии нечувствительные нити, свитые туманом и светом звезд, я плету из них сети и отправляюсь на поиски снов. Неустанно бродя по крышам, проникая в спящие дома, часами дежуря в детских и спальнях, я в любой момент готов накинуть сеть на мимолетный сон! И каждое утро, доставив в лабораторию новую партию редкостных сновидений, я подвергаю их тщательной сортировке, дабы изготовить требуемую исходную смесь, и затем, посредством разнообразных процедур, вдаваться в которые нет нужды, — получаю в надлежащий срок готовый кристаллический продукт. Вот этими-то изделиями я и зачарую герцога Орбаля так, что он тут же присудит мне тысячу терций.

— Я первым бы примчался тебя поздравить, не будь гадкого щупальца, не желающего отпускать мою ногу, — заметил Кугель.

— Да-да, мы непременно обсудим этот интересный вопрос.

Тут Иоло зевнул, подбросил хвороста в костер, произнес нараспев заклятие от хищников в ночи и, умиротворенный, отошел ко сну.

Целый час Кугель тщетно пытался ослабить хватку щупальца, чутко прислушиваясь к доносящимся из долины звукам. Вскрикнув, ночная птица пролетела над его головой; над угасающим костром закружился квартет черных бабочек, но внезапно (причиной тому был, скорее всего, могучий храп Иоло) умчался по раскручивающейся спирали обратно во тьму. Пошарив по земле, он нашел прутик, которым подгреб к себе палку побольше, а ею — еще одну того же размера. Привязав одну к другой выдернутым из кисета шнурком, Кугель с удовлетворением отметил, что их суммарная длина как раз позволяет дотянуться до мирно почивающей у костра фигуры.

С изумительной сноровкой управляясь с описанным орудием труда, пленник подтащил суму Иоло на расстояние вытянутой руки и прежде всего изъял из нее кошель с двумя сотнями терций. Переложив его содержимое в собственный кисет, он вернул себе шляпную булавку и напоследок присвоил серый замшевый мешочек. Ничего ценного в сумке более не обнаружилось, за исключением половинки курицы, припасенной толстяком на завтрак, да кожаной фляги с вином. Оба предмета Кугель отложил для собственных нужд, вернул суму на место и, разобрав свой импровизированный шест, отбросил ветки подальше. Не сыскав поблизости лучшего тайника, он привязал шнурок к конфискованной Торбе, полной снов, и опустил ее в загадочную дыру, потом съел курицу, выпил вино и постарался устроиться как можно удобнее.

Наступил рассвет, и солнце всплыло из-за горизонта в тускло-лиловые небеса. Иоло встал, зевнул, потянулся, раздул костерок и подбросил в него сухих веток, после чего обратился к Кугелю с участливым утренним приветствием:

— Хорошо ли почивал?

— Лучше, чем следовало ожидать. В конце концов нет смысла жаловаться на то, что не можешь изменить.

— В этом ты абсолютно прав.

Тут Иоло полез за завтраком; обнаружив пропажу имущества, он резко выпрямился и в упор уставился на Кугеля.

— Где мои деньги?! Где Торба, полная снов?! Их нет!!! Как ты это объяснишь?

— Очень просто. Приблизительно в полночь по местному времени из леса вышел грабитель и обчистил твою суму.

— О-оо! Мои драгоценные сны! А-аа! — взвыл Иоло, вцепившись в собственную бороду. — Ну почему? Почему? Почему ты не закричал?!

Кугель почесал в затылке.

— Видишь ли, мы так не договаривались. Ты не дал мне соответствующих инструкций, а сам я ни за какие коврижки не рискну еще раз нарушить мировое равновесие. К тому же грабитель оказался человеком незлым и, завладев твоим имуществом, великодушно презентовал мне полкурицы и флягу вина, о чем я его вовсе не просил, однако счел неудобным отказаться. Мы немного поболтали, и он признался, что тоже идет в Квирниф на Выставку Чудес.

— Ага! Ты сможешь опознать грабителя?

— Без всякого сомнения.

— Прекрасно! А теперь попробуем заняться щупальцем. Возможно, нам и удастся кое-что сделать.

Иоло ухватился за таинственную конечность и попытался оторвать ее от Кугелевой ноги. Сражение длилось минут двадцать; Иоло пыхтел, кряхтел, бранился и лягался, полностью игнорируя испускаемые Кугелем болезненные вопли, пока противник наконец не сдался и не отпустил захваченное.

Покуда Кугель отползал подальше от дыры, Иоло осторожно подкрался к ней и заглянул в жуткое темное нутро.

— Кажется, я вижу какой-то мерцающий свет... Да, настоящая загадка! А что это за шнурок свисает с корня и уходит в глубь холма?

— Я привязал к нему камень и попробовал нащупать дно, — объяснил Кугель. — Ничего не вышло.

Иоло потянул за шнурок, который сначала подался, потом натянулся и вдруг лопнул.

— Странно, — пробормотал тот, внимательно осмотрев оборванный конец, — похоже, он соприкасался с какой-то чрезвычайно едкой субстанцией... Впрочем, нам следует поторопиться в Квирниф и отыскать проходимца, имевшего наглость присвоить мои ценности.

Дорога кружила меж полей, садов и виноградников, и трудящиеся пейзане, разогнувшись, долго глядели вслед странным путешественникам. Дородный, круглолицый Иоло, весь в черно-белых ромбах, энергично перебирал ногами, свирепо выставив вперед окладистую бородку; сухощавый, длинноногий Кугель цаплей вышагивал рядом, храня мрачное выражение лица. Всю дорогу Иоло задавал наводящие вопросы касательно личности грабителя, Кугель же, которому это давно надоело, давал ему неопределенные, двусмысленные и, под конец, противоречивые ответы, так что голос вопрошающего становился все громче и пронзительней.

Войдя в город, они пересекли главную площадь, и тут Кугель заметил весьма приличную с виду гостиницу.

— Здесь наши пути расходятся, — уведомил он Иоло. — Пожалуй, я сниму комнату вон в том заведении.

— Где, в «Пятерке сов»? Да ведь это самая дорогая гостиница Квирнифа! И каким образом ты предполагаешь оплатить счет?

— То есть как?! Ты же сам мне сказал, что главный приз составит тысячу терций.

— Да, конечно. Но какое чудо, позволь спросить, ты намерен представить на выставке? Должен предупредить тебя, герцог весьма крут с шарлатанами.

— Будущее покажет, — уклончиво ответил Кугель, отдавая спутнику вежливый салют. — А пока позволь пожелать тебе удачной охоты на самые лучшие сны на самых пологих крышах.

Получив удобную, недурно обставленную комнату, он освежился, принарядился и франтом сошел в общий зал, где заказал лучшее, что отыскалось в меню, плюс графинчик янтарного сухого вина. Попировав на славу, он поманил к себе хозяина и от души высказал одобрение качеству гостиничного стола.

— Судя по всему, Квирниф пользуется особой благосклонностью элементарных стихий! Кругом так мило, воздух необыкновенно свеж, а герцог Омбаликский — исключительно мудрый правитель.

— Ага! Так значит, ты знаком с герцогом Орбалем?

— Ну, не то чтобы... Я видел его, когда проходил по площади, и он произвел на меня впечатление добросердечного, рассудительного человека.

Хозяин кивнул, но как-то неуверенно.

— Ты, разумеется, прав, нашего герцога непросто вывести из себя, пока ему не противоречишь. Однако при малейших разногласиях врожденная мягкость сразу его покидает. Взгляни-ка на вершину вон того холма... Что ты видишь?

— Четыре трубы, каждая высотой примерно 30 ярдов и чуть менее ярда в диаметре.

— У тебя точный глаз! Эти конструкции предназначены для сбрасывания в них непочтительных членов общества. Так вот, если тебе выпадет счастье поговорить с герцогом, не вздумай игнорировать его советы.

Кугель легкомысленно взмахнул рукой.

— Вряд ли ваши городские трубы могут иметь отношение ко мне, ведь я чужестранец.

Скептически усмехнувшись, собеседник спросил:

— Полагаю, ты прибыл поглазеть на Выставку Чудес?

— Бери выше! Я твердо намерен завоевать главный приз. А кстати, не можешь ли порекомендовать надежного человека, зарабатывающего извозом?

— Охотно, — и хозяин подробно растолковал, где отыскать соответствующее заведение.

— Сверх того, мне требуется бригада крепких и добросовестных работников. Где можно нанять таких людей?

Хозяин указал на довольно неприглядную таверну по другую сторону улицы:

— В «Голубой кукушке» вечно толкутся парии, и там ты найдешь работников на любой вкус.

— Отлично! Пойду к извозчику, а ты отправь поваренка нанять дюжину надежных парней.

— Всегда к твоим услугам!

В извозном дворе Кугель взял напрокат крепкий трехосный фургон с упряжкой тяжеловозов. Прогромыхав на нем до «Пятерки сов», он обнаружил во дворе двенадцать живописнейших персонажей, в том числе трясущегося маразматического старца на одной ноге и опухшую личность, отгоняющую невидимых мух. Этих двоих Кугель немедленно уволил. Третьим оказался Иоло Снолов, взирающий на своего нанимателя с живейшим подозрением.

— Друг мой, как же тебя угораздило затесаться в столь непрезентабельную компанию? — участливо спросил Кугель.

— Я вынужден зарабатывать себе на жизнь, — с достоинством ответил тот. — Позволь спросить, где ты разжился средствами для финансирования столь масштабной программы? К тому же я вижу на твоей шляпе ту самую булавку, что еще вчера была моей законной собственностью!

— Это вторая половина пары, первую же унес грабитель вкупе со всем принадлежавшим тебе имуществом, — объяснил Кугель.

— За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я законченный идиот? А зачем тебе фургон и эти рабочие?

— Если снизойдешь потрудиться, дабы заработать весьма существенное вознаграждение, то все узнаешь сам.

Посадив свою команду в фургон, Кугель выехал из Квирнифа и вскоре прибыл к таинственной дыре, которая за истекшее время ничуть не изменилась. Он распорядился сперва окружить ее глубокой канавой, а затем сделать подкоп снизу. Наконец Кугелевы землекопы кряхтя извлекли из склона холма и с натугой погрузили в фургон здоровенный ком глины, включающий в себя дыру и пенек, к коему по-прежнему было привязано щупальце.

Уже на полпути к успешному завершению проекта манеры Иоло разительно изменились.

— Что за великолепная, ну просто замечательная идея! Мы с тобой отлично на ней заработаем! — радостно сказал он Кугелю.

Тот холодно приподнял бровь.

— В самом деле? Я действительно рассчитываю на главный приз, но твоя награда окажется куда более скромной. И даже мизерной, если ты не приложишь должных стараний.

— Возмутительно! — взорвался Иоло. — Ты обязан официально признать, что половина этой дыры по праву является моей собственностью!

— Я никогда не признаю ничего подобного. А теперь прекрати лишние разговоры, а не то мне придется тебя уволить.

Ворча, рыча и стеная, Иоло неохотно вернулся к работе. Наконец дело было сделано, и Кугель погнал груженный рабочими, глиной, дырой и щупальцем фургон обратно в Квирниф. По дороге он приобрел кусок старого брезента и прикрыл

дыру и щупальце, дабы не демонстрировать их без нужды. Доехав до выставки, Кугель распорядился выгрузить и занести в павильон ценный экспонат и расплатился со своими людьми.

— Минуточку! — страстно вскричал Иоло. — А как же я? Мы обязаны заключить соглашение...

Кугель проворно вспрыгнул на козлы и погнал фургон к извозному двору.

Наутро фанфары и гонги известили горожан и гостей столицы об официальном открытии экспозиции. Герцог Орбаль явился на площадь в ослепительном великолепии расшитого белоснежными перьями одеяния цвета бледной розы в сочетании с голубой бархатной шляпой двух футов в диаметре, украшенной массивной серебряной кокардой и изящными кисточками из серебряной же мишуры. Взойдя на помост, он обратился к толпе со вступительной речью.

— Насколько мне известно, я давно приобрел репутацию персоны в высшей степени эксцентричной... И все благодаря тому энтузиазму, с коим денно и нощно разыскиваю редкостные чудеса природы, науки и магического искусства. Но если мы подвергнем данное увлечение беспристрастному анализу, то убедимся, что оно вовсе не так абсурдно, как выглядит со стороны. Обратимся к началу времен, к эпохе Вальпургениалов, вспомним Пурпурную и Изумрудную коллегии с их могущественными магами, среди коих особо выделялись Амберлин Порфирогоносец Повторный, а также Моррион Хладнокровавый и, разумеется, Великолобый Фанандааль! Да, то были дни могущества и славы, коих, увы, более не вернуть. Моя же Выставка Чудес всего лишь скромная дань моей печальной ностальгии...

Помолчав, герцог поднес к глазам листок бумаги.

— Тут у меня каталог, и я вижу, что нас ожидает замечательная, весьма многообещающая программа. Итак, мы проинспектируем Шустрые Эскадроны, представленные Зарафламом, затем Бесподобных Музыкантов Газзарда, далее следует Ксаллопс со своим Компендиумом Универсального Знания, Иоло предлагает Торбу, полную снов, и наконец Кугель представит пред нашими изумленными очами интригующий экспонат Нигде... Да, чрезвычайно соблазнительная программа! Думаю, мне будет непросто решить, кому отдать главный приз. А теперь без дальнейших проволочек перейдем прямо к Шустрым Эскадронам.

Толпа сгрудилась у первого павильона, и Зарафлам вывел на всеобщее обозрение дрессированных тараканов, наряженных в новенькую красную, белую и черную униформу. И началось! Офицеры размахивали шпагами, солдаты с мушкетами бойко и ладно маршировали взад-вперед. «Стой!» — рявкнул Зарафлам, и войско дружно остановилось. «То-овсь!» Тараканы изготовились. «Салют в честь герцога Орбаля!» Офицеры высоко подняли шпаги, солдаты зарядили свои мушкеты... «Пли!!!» Шпаги резко опустились, мушкеты изрыгнули крошечные клубы белого дыма! «Ура-ааа!!!»

— Великолепно, просто великолепно, — громко объявил герцог. — Я восхищаюсь твоим терпением и усердием, Зарафлам.

— Тысяча благодарностей, Ваша Милость! Ну как, я заслужил главный приз?

— Об этом еще рано говорить. А сейчас Газзард и его Бесподобные Музыканты!

Зрители ринулись ко второму павильону, но Газзард отчего-то не торопился. Наконец он вышел к публике с убитым лицом.

— Ваша Милость, а также почтеннейшие граждане Квирнифа! Мои Бесподобные Музыканты — не что иное, как поющие рыбы Железидного моря, которых я привез в Квирниф в законной надежде на первый приз. Однако этой ночью в баке случилась протечка, и теперь все мои артисты мертвы. Но умоляю не отстранять меня от состязаний, ибо я в совершенстве имитирую пение своей труппы, и на этом основании вы сможете оценить ее мастерство.

Герцог Орбаль сурово нахмурился.

— Это невозможно. Я официально объявляю экспонат Газзарда утратившим ценность. А теперь перейдем к Ксаллопсу и его замечательному Компендиуму.

Ксаллопс выскочил из своего павильона со свертком в руках:

— Ваша Милость! Дамы и господа Квирнифа! Экспонат, который я представляю на этой выставке, является доподлинным чудом из чудес. Правда, в отличие от Зарафлама и Газзарда, не могу похвастать тем, что сам его создал... Будучи профессиональным грабителем древних могил — а это труд тяжелый, рискованный и малодоходный, я отыскал гробницу, где десять эонов назад упокоился чародей Зинкзин. Из его-то мрачного склепа я и вынес ту Книгу, которую узреют ваши изумленные глаза.

Он развернул обертку и продемонстрировал зрителям внушительный фолиант в черном кожаном переплете.

— Стоит лишь приказать, и Книга снабдит вас информацией по любой теме! Она знает обо всем, что творилось в мире, начиная с первомомента, когда Космический Скарабей пустил планеты по околосолнечным орбитам, и по нынешний день. Притом до мельчайшей, тривиальнейшей детали! А теперь спрашивайте, и кто ищет, тот обрящет.

— Замечательно! — провозгласил герцог Орбаль. — Пусть она представит нам Потерянную оду Псирма.

— К вашим услугам, — любезно ответила Книга, откинув обложку, и герцог уставился на страницы, усеянные замысловатыми, абсолютно нечитабельными закорючками.

— Боюсь, это выше моего разумения, — растерянно пробормотал он. — Прошу представить перевод.

— Просьба отклоняется, — заявила Книга. — Эту тонкую, изысканную поэзию невозможно перевести на ваш грубый язык.

Герцог Орбаль уничтожающе глянул на Ксаллопса, и тот поспешно велел Книге:

— Покажи нам сценки из стародавних времен.

— С удовольствием! Обращаясь к Девятнадцатому эону Пятьдесят второго цикла, вывожу на дисплей вид со стороны Увядшей долины на Башню Застывшей Крови, принадлежавшую знаменитому Сингхарипуре.

— Великолепно! — провозгласил герцог Орбаль. — Хотелось бы взглянуть на портрет самого Сингхарипуры.

— Как пожелаете. Вот сценка на Террасе Брошенных Камней замка Иан, где Сингхарипура стоит рядом с цветущей веткой плюща, в кресле же сидит Императрица Ноксон, коей только что исполнилось сто сорок лет. За всю свою жизнь Ноксон не выпила ни капли воды и питалась исключительно биттергробами, разве что иногда побалуется фунцией-другой копченого угря.

— Уф! — сказал герцог Орбаль. — Что за ужасная старая ведьма! Уж лучше покажи нам какую-нибудь придворную красавицу Желтого века.

Книга пробормотала непонятное слово на неизвестном языке, и страница перевернулась, открыв картинку мраморного променада на берегу широкой реки.

— Обратите внимание на растительность, — сообщила она, указывая светящейся стрелкой на купу деревьев, смахивающих на огромные золотые

шары. — Это ириксы, живица которых использовалась в качестве высокоэффективного глистогонного средства, но к настоящему времени они полностью вымерли. На эспланаде вы можете видеть множество людей. Те, что носят черные чулки, — аллюлианские рабы, предки которых прибыли с далекого Канопуса. В центре променада стоит красивая женщина, отмеченная красной точкой, но лицо ее обращено к реке.

— Это никуда не годится, — проворчал герцог. — Неужто ты не можешь призвать к порядку свой экспонат, Ксаллопс?

— Боюсь, что нет, Ваша Милость.

Герцог недовольно фыркнул.

— Итак, последний вопрос! Кто из ныне проживающих в Квирнифе представляет собой наибольшую опасность для нашего государства?

— Я не оракул, а база данных, — заметила Книга. — Тем не менее сообщаю, что среди присутствующих находится некий длинноногий бродяга с хитрой ухмылкой на лице, который...

Резко выбросив руку, Кугель ткнул пальцем в дальний угол площади:

— Там грабитель! Я его узнал! Бейте в гонг, зовите стражу!

Когда все разом обернулись посмотреть, он быстро захлопнул Книгу и многозначительно постучал по обложке костяшками пальцев. Та недовольно хрюкнула.

Герцог Орбаль, нахмурившись, повернулся к Кугелю:

— Но я никого не вижу!

— Что ж, возможно, я ошибся. Однако нас дожидается Иоло со своей знаменитой Торбой, полной снов.

Герцог в окружении толпы переместился к следующему павильону.

— Иоло Снолов! Твоя слава прежде тебя самого одолела расстояние между Дайпассантом и Квирнифом. Официально приветствую тебя и заверяю, что демонстрация твоего экспоната будет встречена самым благосклонным образом.

— Ваша Милость, у меня для вас дурные вести, — ответствовал Иоло скучным голосом. — Целый год я готовился к этому дню, надеясь, разумеется, выиграть главный приз. Все темное время суток я проводил за работой и не считался ни с какими расходами, чтобы отловить особо лакомый образчик. Каждый сон, застрявший в моей звездной сети, был тщательно мною рассмотрен и оценен; отбирая единственный из каждой дюжины, я взрастил из сего высококачественного сырья свои дивные кристаллы, которые и нес сюда из Дайпассанта. Однако прошлой ночью моя собственность была похищена при самых таинственных обстоятельствах, и все мои ценности унес грабитель, опознать которого может только Кугель. Таким образом, мне ничего не остается, кроме как подчеркнуть, что эти сны, где бы они ни находились, представляют собой подлинное чудо, и если я подробно опишу каждый из них...

Герцог Орбаль протестующе поднял руку.

— Боюсь, я вынужден повторить то же, что поведал нашему доброму Газзарду: одно из главных правил гласит, что ни воображаемые, ни подразумеваемые чудеса на допускаются к конкурсному состязанию. Остается только выразить официальные сожаления по поводу постигшей тебя утраты и надежду на то, что у нас еще будет возможность насладиться твоей продукцией. А теперь мы должны перейти к павильону Кугеля и проинспектировать его загадочное Нигде.

Кугель встал перед своим экспонатом.

— Ваша Милость, я предлагаю не жалкую кучку неопрятных насекомых, не педантичный и сварливый альманах, но подлинное и отвечающее всем требованиям чудо. Любуйтесь! — и он резко сдернул брезент.

Герцог издал горловой звук.

— Что это? Куча грязи? Старый пень? И что за странная штука торчит из дыры?

— Ваша Милость, позвольте мне рассказать о происхождении моего чуда! Когда я покинул Равнину Стоячих Камней, с неба спустился пелгрейн, которого я поймал и убил. На гребешке его висело знаменитое квандарово яйцо, известное как основной источник диазматического концентрата. Не желая, чтобы какая-либо тварь силой указанного яйца причинила ущерб интересам Вашей Милости и всего Омбалика, я с размаху швырнул его о землю, и, взорвавшись, оно проделало дыру, ведущую в неведомый и таинственный мир.

Иоло шутихой вылетел вперед.

— Умоляю тебя, Кугель, — вскричал он, брызжа слюной, — будь любезен придерживаться истины! Это я, я схватил пелгрейна, — продолжал он, оборотясь к герцогу Орбалю, — а Кугель выскочил из-за дерева и присвоил квандарово яйцо, однако уронил его в попытке к бегству!

— Ваша Милость, не стоит обращать внимания на эти нелепые искажения истины, — снисходительно усмехнулся Кугель. — Боюсь, бедный Иоло злоупотребил своими собственными снами. Не лучше ли проинспектировать щупальце, пульсирующее ритмами иной Вселенной? Взгляните на золотой глянец его дорсальной поверхности, на эти чешуйки, переливающиеся из зелени в цвет лаванды, а если Ваша Милость рассмотрит щупальце с нижней стороны, то обнаружит три новых цвета, коих никто и нигде доселе не видывал!

— Все это прекрасно, — сказал герцог в некотором замешательстве, — но где же остальная часть неведомого создания? Ты представил нам не чудо, а лишь фрагмент чуда! Я не могу вынести свое суждение, опираясь на хвост или на хобот, или любой другой член, чем бы он там ни был. Кроме того, ты утверждаешь, что эта дыра уходит в иную Вселенную, однако с виду ее не отличить от норы барсундука.

— Могу я высказать собственное мнение? — высунулся Иоло. — Обдумывая события, я пришел к выводу, что Кугель сам украл мою Торбу, полную снов, а также мой кошелек, где содержалось свыше двух сотен терций. Затем он приписал свои деяния грабителю, коего охарактеризовал — цитирую! — следующим образом: «вульгарный, глубоко порочный субъект с красным носом и большущими ноздрями». Теперь прошу отметить: как только мы вошли в Квирниф, Кугель уверенно указал на Вашу Милость как на грабителя!

— Минуточку! — в ярости вскричал Кугель. — Паршивец Иоло, как обычно, нагло передергивает факты! Мы действительно вместе вошли в Квирниф. Чистая правда и то, что внешность грабителя была главным предметом нашей беседы. Но затем, как только Ваша Милость явилась на площадь, Иоло с шокирующей фамильярностью указал пальцем в вашу сторону и заявил: «Там стоит парень с сомнительной репутацией. Должно быть, это и есть грабитель? Приглядись к нему получше». На что я ответил: «Благородный и благообразный джентльмен, на которого ты указываешь пальцем, нисколько не походит на...

Иоло разразился язвительным хохотом.

— Напротив! Ты только и говорил, что о врожденной порочности и гнусном лицемерии!

— Твои крики мешают нам работать, — заявил Кугель. — Попридержи язык, покуда я не завершу демонстрацию моего экспоната.

Но с Иоло не так-то просто было сладить.

— Выслушайте меня, Ваша Милость, — вскричал

он жалобным голосом. — Грабитель — не более чем измышление грязного Кугелева ума! Это он украл мои сны и где же еще мог их спрятать, как не в дыре?! А вот и вещественное доказательство... С чего бы это тут болтается шнурок? Уж верно, к нему была привязана моя Торба, полная снов!

Герцог нахмурился.

— Что скажешь по поводу предъявленных тебе обвинений? Да не вздумай лгать, ибо все будет проверено.

— Я могу засвидетельствовать только то, что видел сам, — начал Кугель, тщательно подбирая слова. — По-видимому, грабитель сунул Торбу в дыру как раз в тот момент, когда я непреднамеренно отвернулся. С какой целью, спросите вы? Отвечу — не знаю! С другой стороны, с таким же успехом и сам Иоло, раздосадованный мизерной ценностью своих снов, мог в сердцах швырнуть экспонат прямо в дыру. Вполне возможный вариант, не правда ли?

Иоло воздел к небесам сжатые кулаки, но прежде чем он успел разразиться гневной отповедью, Герцог Орбаль спросил обманчиво мягким голосом:

— Кто-нибудь из вас пытался отыскать в этой дыре эту неуловимую Торбу, полную снов?

Кугель равнодушно пожал плечами.

— Я никогда не лишал Иоло свободного доступа. Он может забраться туда хоть сейчас и обследовать дыру в свое полное удовольствие.

— Она принадлежит тебе, — быстро парировал Иоло, — значит, именно ты должен обеспечить полную безопасность всех присутствующих. Так что полезай в дыру и верни мне мою собственность.

Последовал оживленный обмен аргументами, прерванный наконец герцогом Орбалем.

— Обе стороны предъявили весьма убедительные доказательства своей правоты, однако в общем и целом я склоняюсь к тому, что именно Кугель должен свершить попытку вернуть утерянные сны.

Кугель принялся оспаривать решение герцога с таким жаром, что тот бросил задумчивый взгляд на линию горизонта, нарушенную четырьмя четкими вертикалями. Пришлось частично сдать позиции.

— Решение Вашей Милости неоспоримо, и я попытаюсь найти эти сны. Однако со всей ответственностью заявляю, что гипотеза Иоло не выдерживает никакой критики!

Раздобыв длинный шест и крюк и приладив одно к другому, Кугель с опаской сунул свое приспособление в дыру и слегка пошуровал, но добился лишь того, что потревоженное щупальце бурно задергалось.

— Удивительное дело! — вскрикнул вдруг Иоло. — Этот ком глины всего шести футов в поперечнике, Кугель же засунул туда палку длиною в дюжину футов! Опять обман?!

— Я обещал герцогу Орбалю подлинное чудо и выполнил свое обязательство, — с достоинством ответил Кугель. — Но о его механизмах я знаю ничуть не больше, чем Зарафлам об умственных процессах своих тараканов.

Герцог Орбаль одобрительно кивнул.

— Недурно сказано, Кугель! Твой экспонат вполне мог бы претендовать на главный приз, и все же его портит некая незавершенность. Бездонная дыра! Кусок щупальца! Какая-то импровизация, изрядно проигрывающая в сравнении с прецизионной точностью зарафламовских тараканов.

Кугель попытался возразить, но герцог жестом призвал его к молчанию.

— Ты показал нам дыру. Прекрасная дыра! Но чем она лучше любой другой? Почему я должен бросить в нее тысячу терций?

— Данную проблему можно разрешить ко всеобщему удовлетворению, — заметил Кугель. — Пусть себе Иоло лезет в дыру, дабы убедиться, что его прекрасные сны лежат в каком-то другом месте, и тот же Иоло по возвращении засвидетельствует чудодейственную природу моего экспоната.

— Кто экспонат выставляет, тот его и обследует! — немедленно откликнулся Иоло.

Герцог прекратил последовавшую перепалку, высоко подняв руку.

— Объявляю официальный вердикт! Итак, Кугель должен немедленно войти в представленное им сверхъестественное отверстие в целях поиска имущества Иоло и одновременно тщательного обследования имеющейся там внутренней среды, выполнив это для всеобщей пользы и удовлетворения.

— Но, Ваша Милость! — запротестовал Кугель. — Как же я могу пролезть в дыру, когда она сплошь заполнена щупальцем?

— Ничего, там вполне достаточно места для худого проворного человека.

— Не стану лгать, Ваша Милость... Я никак не могу спуститься в дыру, ибо испытываю жуткий, непереносимый ужас!

Герцог Орбаль опять задумчиво взглянул на увенчанный четырьмя трубами холм и обратился к плотному субъекту в неброской бордово-черной униформе:

— Которой воспользуемся на этот раз?

— Рекомендую вторую справа, Ваша Милость, она на три четверти свободна.

— Да, я страшился, но поборол свой страх! — воскликнул Кугель дрожащим голосом. — Я уже готов отправиться на поиски драгоценных снов Иоло!

— Великолепно, — скупо усмехнувшись, промолвил герцог. — И поторопись, а то моему терпению приходит конец.

Кугель робко сунул ногу в дыру (щупальце резко дернулось) и тут же вытащил ее обратно. Герцог обменялся несколькими словами со своим шерифом, тот распорядился доставить лебедку, и с ее помощью щупальце вытянули из дыры на добрых пять ярдов.

— Ну а теперь, — сказал герцог Орбаль, — садись на него верхом и покрепче обхвати руками и ногами.

В полном отчаянии путешественник вскарабкался на страшную конечность, на лебедке отпустили тормоза — и Кугеля вмиг утянуло в дыру.

Вокруг царила почти абсолютная темнота, однако благодаря какому-то парадоксальному феномену Кугель ощущал окружающий его пейзаж до малейшей детали. Он стоял на обширной плоской поверхности, испещренной складками и морщинами, напоминающими морскую рябь; черная субстанция под его ногами имела губчатую структуру, и в этих крошечных кавернах и туннелях кишело бесчисленное множество почти невидимых точечных огоньков. Горизонта не было и в помине; законы перспективы, равно как местные концепции длины, ширины и высоты оказались безмерно чужды разумению Кугеля.

Единственная деталь оживляла суровую пустоту — бледный, едва заметный диск цвета дождя, тихо плавающий в зените. Вдали (миля? десять миль? сто?) холмообразная масса доминировала над плоской панорамой; приглядевшись, Кугель определил, что это гора студенистой плоти, в которой ворочается некий шаровидный орган, по-видимому, аналогичный глазу. Не менее сотни щупальцев, растущих из основания живой горы, широко раскинулись на черной губчатой поверхности, и одно из них мимо Кугелевой ноги уходило в невидимую дыру и заканчивалось на Земле.

Тут Кугель углядел, что Торба, полная снов,

лежит рядом, всего в нескольких шагах, но на этом месте черная губка, поврежденная его же собственным шестом, источает едкую субстанцию, проделавшую в кожаном мешочке основательную дыру. В той же влаге лежали рассыпавшиеся снежинки снов; начав собирать их, Кугель заметил, что сияющие лучи приобрели какие-то сомнительные оттенки, и ощутил зуд и неприятное жжение на кончиках пальцев.

Тут горстка люминесцирующих точек закружилась у его лица, и нежный голос произнес:

— Кугель, драгоценнейший Кугель! Как это мило, как приятно, что ты собрался нас навестить! Как тебе нравится наша милая, приятная Вселенная?

Подскочив, как ужаленный, Кугель завертел головой и узрел невдалеке возлежащее на черной губке некрупное создание, не лишенное, однако, фамильного сходства с гигантской одноглазой тушей. Мерцающие точки окружили его голову, и нежный голос снова зазвучал в ушах:

— Ты пребываешь в недоумении, и совершенно напрасно. Мы передаем наши мысли крошечными квантами, и если посмотришь внимательно, то увидишь, как эти милые крошки анимакуляты поспешно переносят свою информационную ношу. Да вот и пример, прямо у тебя перед глазами! Это же твоя собственная мысль, в коей ты сомневаешься, вот она и медлит, ожидая твоего решения.

— Я могу говорить вслух? — спросил Кугель. — Это сильно упростит дело.

— Напротив! Звук — это самое ужасное оскорбление, какое только можно вообразить, допускается лишь легчайший шепот.

— Я понял, но...

— Молчи! Анимакуляты, только анимакуляты!

Поднатужившись, Кугель испустил целое облако сияющей пыли:

— Я постараюсь. А теперь скажи, как далеко простирается этот плоский однообразный мир?

— Точно не знаю. Но я часто посылаю свои анимакуляты в дальние экспедиции, и они говорят, что всегда и везде видят одно и то же.

— Герцога Орбаля Омбаликского, поручившего мне собрать информацию об этих местах, несомненно, заинтересуют твои комментарии. А как у вас обстоят дела с ценными субстанциями?

— Кое-что есть. Просцедель и дифаний, изредка попадаются замандеры.

— Моей наиглавнейшей задачей является сбор информации для герцога Орбаля, я также должен доставить Иоло его Торбу, полную снов. Но хотелось бы запастись и парочкой сувениров, чтобы, глядя на них, вспоминать твое милое, приятное общество.

— Вполне понятное желание! Мне симпатичны твои мотивы.

— В таком случае поведай, как приобрести образчики упомянутых тобой ценных субстанций.

— Нет ничего проще. Отправь анимакуляты принести то, что тебе требуется.

Создание испустило тучу бледной плазмы, которая быстро разлетелась во все стороны и вскоре возвратилась с парой дюжин небольших сферических объектов, вспыхивающих острым голубым огнем.

— Прими же эти замандеры наичистейшей воды вместе с моими искренними комплиментами, — сказал нежный голос.

Кугель достал кисет и бережно уложил самоцветы.

— Какой удобный способ сколотить состояние! Хотелось бы разжиться и толикой дифания.

— К чему пустые слова? Просто прикажи анимакулятам.

— У нас абсолютно идентичный образ мыслей.

Кугель поспешно изверг несколько сотен анимакулятов и вскоре уложил в тот же кисет двадцать кубиков драгоценного металла.

— Думаю, здесь найдется место и для просцеделя, — заметил он. — И если тебя не слишком беспокоит моя активность...

— У меня и в мыслях не было вмешиваться в твои дела.

Анимакуляты унеслись с неземной прытью, и вскоре кисет был набит под завязку.

— Тут по меньшей мере половина драгоценностей Ютха, — задумчиво заметило создание. — Но, кажется, он так и не обнаружил пропажи.

— Ютха? Ты имеешь в виду вон того монстра?

— Вот именно. И он столь же суров, сколь и раздражителен.

Гигантский глаз перекатился в сторону Кугеля, выпятился, натянув верхнюю мембрану, и Ютха разразился пульсирующим роем анимакулятов:

— Я прекрасно заметил, что Кугель похитил мои сокровища, чем смертельно оскорбил наше гостеприимство! Во искупление своей вины он обязан выкопать из-под Дрожащих Холмов двадцать два замандера. Он обязан также, просеяв Пыль Веков, отделить от нее восемь фунтов чистого просцеделя. И наконец, он обязан соскрести с Центрального Диска восемь фунтов дифания.

— О лорд Ютха, кара твоя сурова, но справедлива, — анимакулировал Кугель. — Всего одна минута, и я вернусь с надлежащими инструментами!

Подхватив мешочек Иоло, он прыгнул к выходу и, вцепившись в щупальце, громко завопил:

— Эй! Включай лебедку! Я нашел Торбу, полную снов!

Тут щупальце дернулось и сильно вздулось, эффективно заблокировав отверстие. Тогда Кугель обернулся и, сунув пальцы в рот, издал оглушительный свист. Чудовищный глаз закатился, щупальце враз обмякло, и лебедка без труда вытянула его наружу вместе с прилипшим к нему путешественником. Очнувшись, Ютха задергал конечностью с такой силой, что трос лопнул, лебедка полетела кувырком и несколько зрителей получили серьезные травмы. Вдруг щупальце убралось в дыру — и та закрылась без малейшего следа.

Кугель с презрением бросил к ногам Иоло Торбу, полную снов.

— Вот тебе, неблагодарная тварь! Забирай свои дешевые галлюцинации и убирайся прочь! И чтобы я тебя никогда больше не видел!

Затем Кугель почтительно обратился к герцогу Орбалю:

— Ваша Милость, счастлив представить вам полный отчет об иной Вселенной. Она представляет собой плоскую местность, по всем данным, бесконечной протяженности, покрытую черной губчатой субстанцией. Не менее четверти неба занимает бледный, едва различимый диск. Что касается ее обитателей, то, во-первых, и по большей части, это Ютха, представляющий собой огромную тушу дурного нрава, а во-вторых, остальные более или менее подобные ему существа. Общаться с помощью звуков не дозволено, а смысл передается при помощи анимакулятов, которые также снабжают владельца всем необходимым для жизни. Такова суть моих открытий, а теперь я убедительно прошу присудить мне главный приз размером в тысячу терций.

За его спиной насмешливо хихикнул Иоло. Герцог Орбаль покачал головой.

— Мой добрый Кугель, это совершенно невозможно. Где твой экспонат? Этот кусок грязи? В нем нет ничего уникального.

— Но вы же сами видели дыру! — страстно

вскричал путешественник. — И щупальце тоже! И я вошел в дыру по вашему приказанию и тщательно обследовал местность!

— Все это так, но ведь и щупальце, и дыра исчезли? Я отнюдь не ставлю под сомнение твою честность, но согласись, что твой отчет не так-то легко проверить Я не могу присудить главный приз за сущность столь неосязаемую, как печальное воспоминание о дыре. Боюсь, ты вышел из игры, и теперь приз достанется Зарафламу и его великолепным тараканам.

— Постойте, Ваша Милость! — взволнованно вмешался Иоло — Я тоже участник конкурса и могу наконец предъявить свой экспонат. Взгляните же на образцы, но особо рекомендую отборный продукт — настоящий лакомый кусочек, полученный дистилляцией и возгонкой плененных на заре девичьих грез!

— Что ж, прекрасно, — сказал герцог Орбаль — Я вынесу окончательное решение после того как протестирую твои видения А какова процедура? Я должен прилечь и вздремнуть?

— Совсем не обязательно, ибо поглощение снов в состоянии бодрствования вызывает не галлюцинации, но приятное возбуждение, свежесть духа и изумительную тонкость чувств Но я не вижу причин, почему бы Вашей Милости не устроиться поудобнее. . Эй, как вас там, принесите мягкое кресло! А ты сбегай за подушкой! Кто-нибудь, помогите Его Милости снять шляпу!

Кугель, не видя более смысла оставаться на виду, отошел подальше от помоста Иоло достал из Торбы свой драгоценный сон и, казалось, на миг был смущен налипшей на него субстанцией. Кугелю, чье зрение явно обострилось после визита в иную Вселенную, почудилось, что контуры объекта обрамлены мрачным тускло-синим сиянием, однако Иоло не предпринял никаких мер предосторожности, лишь потер пальцы, словно они соприкоснулись с чем-то клейким Проделав серию причудливых поклонов и жестов, он вплотную приблизился к удобно расположившемуся в кресле герцогу Орбалю.

— Я подготовлю этот сладкий сон для наилучшего усвоения! Сначала положим по кусочку в каждое ухо, затем по крупинке в ноздри .. Вот так! Установим необходимый баланс, поместив еще один кусочек под язык Вашей Милости.. Отлично! А засим, ежели Ваша Милость изволит хорошенько расслабиться, то уже через полминуты. .

Герцог Орбаль вздрогнул и застыл, судорожно вцепившись в ручки своего кресла. Глаза его выкатились из орбит Внезапно он изогнулся дугой, судорожно всхлипнул, задергался, выпрыгнул из кресла и на глазах своих изумленных подданных молодецки загарцевал по площади, лихо выделывая игривые вольты и курбеты

— Кугель! Где Кугель?! — ужасным голосом протрубил Иоло — Где этот мерзавец и негодяй?! Тащите его сюда!!!

Но Кугеля уже и след простыл.

Перевела с английского
Людмила ЩЕКОТОВА

Боб Шоу

Астронавты в лохмотьях

ЧАСТЬ I
ПОЛДНЕВНАЯ ТЕНЬ
Глава 1

Толлер Маракайн, да и все, кто был на берегу, видели, что воздушный корабль движется навстречу собственной гибели, но капитан ничего не замечает.

— Что себе думает этот болван? — вырвалось у Толлера, хотя рядом никого не было.

Он прикрыл глаза ладонью. Перед ним открывался обычный для этих широт Мира вид: безупречно синее море, голубое небо в белых облачных перьях, а дальше — таинственная громада Верхнего Мира, планеты-сестры, диск которой, стоявший, как обычно, почти в зените, обвивали, наслаиваясь, бинты облаков. На небе мерцали звезды, не только девятка самых крупных из созвездия Дерева, а сотни и даже тысячи.

Воздушный шар держал курс на берег, его сине-серый баллон казался миниатюрной копией Верхнего Мира. Корабль плыл на крыльях бриза, экономя энергетические кристаллы. Но капитан, как видно, не учел, что попутный ветер слишком мелкий, глубиной не более трехсот футов, а с плато Хаффангер задувает ветер западный. Толлеру эти противоположные потоки были видны как на ладони: столбы пара, поднимавшиеся вдоль всего берега над чанами, в которых восстанавливался пикон, отклонялись в сторону материка лишь над самой землей, а выше пар сносило к морю. Эти полосы рукотворного тумана перемежались зловещими лентами стекавших с плато облаков, в которых притаилась смерть.

Толлер достал из кармана коротенькую подзорную трубу, с которой не расставался с мальчишеских лет, и навел на облака. Так и есть! Он сразу заметил среди белых клубов несколько красно-фиолетовых пятнышек. Случайный наблюдатель мог не обратить на них внимания или принять за оптический обман, но они подтверждали худшие опасения Толлера. Если уже в первое мгновение на глаза попалось не одно пятно, а несколько, значит, облако кишит птертой, и сотни этих тварей подкрадываются сейчас к воздушному кораблю.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул Толлер. — Тащите мигалку! Передайте этому идиоту, чтобы поворачивал, или пусть изменит высоту, пока... — Он разволновался настолько, что на какое-то время утратил дар речи и беспомощно огляделся по сторонам. Его окружали лишь полуголые кочегары, а надсмотрщики и чиновники, судя по всему, попрятались от наступающей дневной жары под крышу станции.

Придерживая рукой болтающийся меч, он побежал к конторе. Для представителя касты ученых Толлер был необычайно высок и мускулист; рабочие поспешно расступались перед ним.

Когда Толлер уже подбегал к одноэтажному строению, из дверей выскочил младший писарь Комдак Гурра с мигалкой в руках. Увидев Толлера, Гурра вздрогнул и хотел было отдать аппарат ему, но Толлер отмахнулся.

— Передавай сам, — нетерпеливо бросил он. Толлер был не в ладах с кодовой азбукой и набирал бы сообщение битый час.

— Прости, Толлер. — Гурра принялся наводить солнечный зайчик на приближающийся воздушный шар. Негромко задребезжали стеклянные пластинки.

Толлер приплясывал на месте, ожидая какой-нибудь реакции на переданное лучом предупреждение. Однако корабль упорно шел прежним курсом. Толлер принялся разглядывать в подзорную трубу синюю гондолу. В глаза бросилась эмблема: перо и меч. Это означало, что корабль несет королевское послание. С чего это король заинтересовался чуть ли не самой дальней из опытных станций магистра?

Прождав, казалось, целую вечность, Толлер наконец различил в подзорную трубу суету за перилами передней палубы. Через несколько секунд вдоль левого борта гондолы появились облачка серого дыма: залп из боковых движительных труб. По баллону воздушного корабля пробежала рябь, все сооружение накренилось, а команда перебежала на другой борт. Корабль стал быстро терять высоту; к несчастью, он уже зацепил облако. Неожиданно донесся приглушенный расстоянием вопль ужаса, люди на берегу вздрогнули.

Похоже, кто-то на борту воздушного шара достался птерте. Много раз Толлер видел в страшных снах, как это случается и с ним. Ужас вызывало не само столкновение со смертью, а полная обреченность, тщетность всякого сопротивления: когда птерта рядом, уже ничто не спасет.

— Что происходит? — спросил Ворндал Сисст, начальник станции, мужчина средних лет с круглой лысеющей головой и горделивой осанкой человека, сознающего, что ростом он ниже среднего. На его загорелом, с правильными чертами лице отражалось раздражение, смешанное с тревогой.

Толлер показал на снижающийся воздушный шар.

— Какой-то идиот забрался в наше захолустье, чтобы совершить самоубийство.

— Предупреждение отправили?

— Да, но, видимо, слишком поздно. Минуту назад он угодил в скопище птерты.

— Кошмар. — Голос Сисста дрогнул. — Я прикажу поднять экраны.

— Это лишнее: облако не опускается, а на открытом пространстве да средь бела дня шары не нападут.

— Я не собираюсь рисковать. Кто знает, что... — Тут до Сисста дошло, что Толлер чересчур много на себя берет, и он набросился на подчиненного, вымещая на нем свой гнев и страх. — С каких это пор ты здесь командуешь? Если мне не изменяет память, станцией заведую я. Или, — ядовито спросил он, — магистр Гло тебя тайно повысил?

Выяснять отношения Толлеру не хотелось, поэтому он отвернулся от начальника и побежал вниз, туда, где уже собрались рабочие. Многочисленные якоря воздушного шара пропахали полосу прибоя и въехали на песок, оставляя на нем темные борозды. Рабочие повисли на канатах, удерживая корабль, словно норовистое животное.

Наконец киль воздушного шара лег на песок, люди в желтых рубашках начали прыгать через

борт. Чувствовалось, что им до сих пор не по себе после встречи со смертью. Яростно ругаясь, они с неоправданной грубостью растолкали пиконщиков и принялись закреплять швартовы.

Толлер мог понять их чувства и снисходительно улыбнулся, протягивая свою веревку пилоту — человеку с покатыми плечами и лицом землистого цвета.

— Чему это ты ухмыляешься, пожиратель навоза? — прорычал тот, протягивая руку к веревке. Толлер отвел веревку и тем же движением свернул ее петлей, затянув на большом пальце летчика.

— Извинись!

— Какого!.. — Пилот попытался было оттолкнуть Толлера свободной рукой, но обнаружив в иеобычном технике недюжинную силу, повернул голову, чтобы призвать на помощь своих, однако Толлер мгновенно затянул петлю.

— Это касается только нас с тобой, — сказал он негромко. — Ну, что ты выбираешь: извиниться или носить большой палец на шее?

— Ты пожалеешь... — Тут сустав большого пальца отчетливо хрустнул, и пилот побледнел. — Я извиняюсь. Отпусти! Извиняюсь же!

— Так-то лучше, — сказал Толлер, освобождая веревку. — Теперь можно и помириться.

Толлер был недоволен собой. Он опять не удержался! Вспышка ярости мгновенно подчинила его себе. Он, ученый, готов был чуть ли не изувечить человека только за то, что тот в раздражении бросил ему обыденную фразу.

— Помириться?! — выдохнул летчик, прижимая к животу пострадавшую руку и кривясь от боли и ненависти. — Как только я смогу снова держать меч, я...

Он не закончил угрозу, так как к ним широкими шагами направился бородатый человек в роскошном мундире воздушного капитана. Капитану было около сорока, он шумно дышал, и на шафрановой ткани его мундира под мышками расползлись влажные бурые пятна.

— Что там у вас, Каприн? — спросил он, бросив сердитый взгляд на летчика. Каприн злобно сверкнул глазами на Толлера, затем склонил голову.

— У меня рука попала в петлю, сэр. Вывихнул палец, сэр.

— Значит, будешь работать вдвое больше другой рукой. — Капитан небрежным жестом отмел возможные возражения и повернулся к Толлеру. — Я — воздушный капитан Хлонверт. Ты не Сисст. Где Сисст?

— Вон он, — Толлер показал на начальника станции, который спускался по склону...

— Вот псих, который во всем виноват!

— В чем виноват? — хмуро спросил Толлер.

— В том, что запутал меня дымом из своих идиотских кастрюль. — Гнев и презрение звучали в голосе Хлонверта, когда он кивнул в сторону рядов пиконовых чанов и столбов пара, которые они выпускали в небо. — Мне сказали, что тут пытаются делать энергетические кристаллы. Это правда или только розыгрыш?

Больше всего в жизни Толлер жалел, что родился в семье ученых, а не военных, и был обречен принадлежать к этому сословию, однако сторонних насмешек над ним никому не позволял. Несколько секунд он холодно взирал на капитана и медлил с ответом до тех пор, пока это не оказалось на грани открытого оскорбления, а потом заговорил таким тоном, словно обращался к ребенку.

— Кристаллы не делают, их выращивают.

— Тогда чем вы тут занимаетесь?

— Добываем пикон и пытаемся очистить его, чтобы он мог участвовать в реакции.

— Пустое дело, — небрежно бросил Хлонверт и повернулся к подошедшему Ворндалу Сиссту.

— Добрый день, капитан, — сказал Сисст. — Очень рад, что вы благополучно приземлились. Я отдал приказ немедленно развернуть наши противоптертовые экраны.

Хлонверт покачал головой.

— В них нет необходимости. Вы и так уже натворили бед.

— Я?.. — Голубые глаза Сисста беспокойно забегали. — Не понимаю вас, капитан.

— Вы замарали все небо своим вонючим дымом и замаскировали настоящее облако. В моем экипаже ожидаются потери, и ты за них ответишь.

— Но облака и днем по цвету различны. Не станете же вы...

— Молчать! — Хлонверт резко опустил руку на меч, шагнул вперед и кулаком смазал Сисста по подбородку, отчего начальник станции полетел вверх тормашками. — Ты что, сомневаешься в моей компетенции? Обвиняешь меня в халатности?

— Никак нет. — Сисст неуклюже поднялся, отряхивая песок. — Простите меня, капитан. Теперь, когда вы обратили на это мое внимание, я осознал, что пар от наших чанов в определенных обстоятельствах может ввести в заблуждение летчиков.

— Вы должны были выставить оградительные буйки.

— Я прослежу, чтобы это сделали немедленно, — сказал Сисст. — И как только мы сами не сообразили?

Толлеру стало стыдно за своего начальника. Он уже повернулся, чтобы уйти, как вдруг натолкнулся на коротко остриженного летчика с белым значком лейтенанта.

— Команда построена, сэр, — деловито отрапортовал тот, салютуя Хлонверту. Капитан кивнул и окинул взглядом шеренгу людей в желтых рубашках.

— Сколько человек вдохнуло пыльцу птерты?

— Только двое, сэр. Нам повезло.

— Повезло?

— Я хотел сказать, сэр, что лишь благодаря вашему превосходному командованию наши потери не оказались гораздо большими.

Хлонверт снова кивнул.

— Кого мы потеряли?

— Пауксейла и Лейга, сэр, — ответил лейтенант.

— Свидетели были?

— Сэр, я видел своими глазами, как птерта лопнула рядом с ним, на расстоянии вытянутой руки, и он вдохнул пыльцу.

— Тогда почему он не ведет себя как мужчина? — раздраженно спросил Хлонверт. — Один такой трус может взбудоражить всю команду. — Капитан снова повернулся к Сиссту. — Я привез тебе сообщение от магистра Гло, но вначале должен выполнить некоторые формальности. Ты останешься здесь.

От лица Сисста отхлынула кровь.

— Капитан, было бы лучше, если бы я принял вас в моих покоях. И потом, я должен безотлагательно...

— Ты останешься здесь, — прервал Сисста Хлонверт. — Посмотришь, что натворили столбы твоего пара.

Как ни раздражало Толлера пресмыкательство Сисста, ему все же захотелось вмешаться и положить конец унижениям начальника. Однако по этикету колкорронского общества вступаться за человека без его согласия означало нанести тому жестокое оскорбление, выставив трусом.

— Давай заканчивать, — сказал Хлонверт своему лейтенанту. — Мы и так уже потеряли слишком много времени.

— Есть, сэр. — Лейтенант встал перед шеренгой и произнес громким голосом: — Все, кто чувствует, что скоро не сможет выполнять свои обязанности, — шаг вперед.

Секунду спустя из строя вышел темноволосый молодой человек. Он был бледен, но держался прямо и, безусловно, полностью владел собой.

Капитан Хлонверт подошел к нему и положил руку на плечо.

— Летчик Пауксейл, — сказал он негромко, — ты вдохнул пыльцу?

— Так точно, сэр. — Голос Пауксейла звучал безжизненно и покорно.

— Ты служил родине смело и доблестно, и о тебе доложат королю. А теперь ответь: какую Дорогу ты выбираешь — Яркую или Тусклую?

— Яркую, сэр.

— Молодец. Жалованье тебе сохранят до конца экспедиции и отправят твоим ближайшим родственникам. Можешь идти.

— Благодарю вас, сэр.

Пауксейл откозырял и двинулся прочь. Он обошел воздушный шар и скрылся с глаз товарищей, но Толлер, Сисст и многие рабочие-пиконщики, стоявшие на берегу, по-прежнему видели летчика и палача, который шагал ему навстречу.

Палач держал в руках широкий и тяжелый меч с лезвием из древесины бракки; эмалевой инкрустации, которой обычно украшалось колкорронское оружие, на клинке не было и в помине. Пауксейл смиренно встал на колени, и палач, взмахнув мечом, отправил его по Яркой Дороге.

Услышав глухой стук, с каким рухнуло на песок обезглавленное тело, летчики в строю беспокойно зашевелились. Некоторые подняли головы, устремили взгляды на Верхний Мир; они беззвучно молились о благополучном путешествии души своего товарища на планету-сестру. Большинство, однако, мрачно уставились в землю.

Их набрали в перенаселенных городах империи, жители которых весьма скептически относились к учению церкви о бессмертии человеческой души, которая якобы бесконечно перемещается между Нижним и Верхним Мирами. Для них смерть означала смерть, а не приятную прогулку по мистическому Горнему Пути, соединяющему две планеты.

Внезапно шеренга на мгновение распалась. Двое летчиков схватили третьего, высокого и тощего, и поставили его перед Хлонвертом.

— ...не мог меня видеть, сэр! — кричал он. — И ветер дул в другую сторону! Клянусь вам, сэр, я не вдыхал пыльцу!

Хлонверт подбоченился и несколько секунд, как бы подчеркивая тем самым свое недоверие к словам летчика, разглядывал небо, а затем заговорил:

— Летчик Лейг, по уставу я обязан принять это заявление. Но учти, второй раз тебе Яркую Дорогу не предложат. При первых же признаках лихорадки или паралича ты отправишься за борт. Живым. Твое жалованье за всю экспедицию удержат, а имя вычеркнут из королевского архива. Все ясно?

— Так точно, сэр. Благодарю вас, сэр. — Лейг попытался припасть к ногам Хлонверта, но двое мужчин по бокам ни на секунду не ослабили хватки.. — Не беспокойтесь, сэр, я не болен.

По приказу лейтенанта Лейга отпустили, и он медленно вернулся в строй. Шеренга расступилась, но не сомкнулась, когда он занял свое место. Между Лейгом и его товарищами словно возник незримый барьер.

Толлеру подумалось, что в ближайшие два дня (яд птерты начинал действовать в течение двух суток) Лейгу придется несладко.

Капитан Хлонверт передал командование лейтенанту и пошел вверх по склону, в направлении Сисста и Толлера. Он бросил взгляд на высокий купол неба, где восточный край Верхнего Мира начал светлеть в лучах солнца, и сделал нетерпеливый жест, как будто приказывая светилу исчезнуть побыстрее.

— Сейчас слишком жарко для неприятных разговоров, — проворчал он. — Мне предстоит далекий путь, а от команды не будет проку, пока трус Лейг не отправится за борт. Пожалуй, прежний устав изрядно устарел. Особенно если верить всяким слухам...

— Э... — Сисст выпрямился, изо всех сил пытаясь восстановить самообладание. — Каким слухам?

— Болтают, что в Сорке умерло несколько пехотинцев, которые случайно оказались рядом с пострадавшими от птерты.

— Но ведь птертоз не заразен!

— Знаю, — ответил Хлонверт. — Только слюнтяй и кретин может поверить в эти выдумки, но как раз таких и вербуют в наше время в воздушные экипажи. Пауксейл был одним из немногих толковых людей на борту, и я потерял его из-за вашего проклятого тумана.

— Вы не должны во всем винить туман, капитан, — сказал Толлер, многозначительно глядя на Сисста. — Наделенные властью не оспаривают факты.

Хлонверт круто развернулся к нему.

— Что ты хочешь этим сказать?

Толлер изобразил спокойную, приветливую улыбку.

— Я хочу сказать, мы все видели, что произошло.

— Как тебя зовут, солдат?

— Толлер Маракайн, я не солдат.

— Ты не... — Гнев на лице Хлонверта сменился некоторым удивлением. — Что такое? Что это за тип? — Он испытующе поглядел на Толлера.

Длинные волосы, серый мундир ученого в сочетании с высоким ростом и рельефной мускулатурой воина; на боку меч... Однако отсутствие шрамов и ветеранских татуировок доказывало, что Толлер отнюдь не бывалый вояка.

— Если ты не солдат, будь поосторожней с мечом, — бросил капитан. — А то еще сядешь на него и, неровен час, сделаешь себе бо-бо.

— Кому-кому, а мне нечего опасаться этого оружия.

— Я запомню твое имя, Маракайн, — негромко сказал Хлонверт. И тут протрубили малую ночь — прозвучала переливчатая двойная нота, которая означала, что нужно спешить в укрытие, ибо в любой момент может напасть птерта.

Хлонверт отвернулся от Толлера, обнял Сисста за плечи и повел к воздушному кораблю.

— Пойдем выпьем в моей каюте, — сказал он. — Там тепло и хорошо, и там я передам тебе послание магистра Гло.

Глядя им вслед, Толлер пожал плечами. Фамильярность капитана сама по себе являлась нарушением этикета, а вопиющее лицемерие — ведь он обнял человека, которого недавно сбил с ног, — сильно смахивало на оскорбление. Сисст очутился в положении собаки, которую хозяин может побить или погладить — как ему заблагорассудится, — и предпочел не возражать.

Интересно, подумалось Толлеру, а зачем, собственно, прилетел Хлонверт? Какого рода послание привез? Почему магистр Гло не стал дожидаться обычного транспорта? Неужели назрело нечто, способное прервать монотонную жизнь на удаленной станции? Или на такое везение нечего надеяться?

С запада набежала тень, и Толлер взглянул на небо. Ослепительно яркий ободок солнца исчез за громадой Верхнего Мира. Сразу стало темно, высыпали звезды, замерцали искры комет и светлые вихри туманностей. Начиналась малая ночь, под

покровом которой шары птерты вскоре покинут облака и бесшумно опустятся вниз в поисках своей исконной добычи.

Оглянувшись, Толлер обнаружил, что остался один-одинешенек. Весь персонал станции спрятался в помещениях, а команда воздушного корабля укрылась на нижней палубе воздушного шара. Впрочем, Толлеру было не привыкать: он частенько задерживался снаружи и, заигрывая с опасностью, скрашивал тем самым существование, а заодно доказывал своим поведением, что отличается от типичного представителя касты ученых.

На сей раз он поднимался по склону к станции еще медленнее, чем обычно. Не исключено, что за ним наблюдают, следовательно, вести себя иначе просто-напросто нельзя. У двери Толлер остановился и, хотя по спине бежали мурашки, немного помедлил перед тем как поднять задвижку и войти. У него за спиной кренились к горизонту девять сверкающих звезд Дерева.

Глава 2

Принц Леддравор Нелдивер предавался тому единственному занятию, благодаря которому вновь чувствовал себя молодым.

Как старший сын короля и глава вооруженных сил Колкоррона, он должен был заниматься политикой, а относительно ратных дел, разве что составлять планы компаний. Во время баталий ему надлежало находиться в глубоком тылу, на хорошо защищенном командном пункте, и оттуда руководить войсками. Но принц никогда не заботился о собственной безопасности и вовсе не стремился перекладывать заботы на плечи заместителей, в чьи способности ни капельки не верил.

Чуть ли не каждый младший офицер или солдат-пехотинец мог за кружкой пива рассказать историю о том, как внезапно в гуще боя рядом с ним появился принц и помог прорубить дорогу к спасению. Леддравор поощрял такие слухи, поскольку считал, что они способствуют поднятию дисциплины и морального духа.

На сей раз он руководил вторжением Третьей Армии на полуостров Лунгл на восточном берегу Колкорронской империи. Во время боя пришло сообщение о неожиданно сильном сопротивлении в одном горном районе. Когда же, вдобавок, стало известно, что в этой местности много деревьев бракки, Леддравор не смог усидеть на месте и отправился на передовую.

Он сменил белую кирасу на доспехи из вареной кожи и принял на себя командование частью экспедиционных сил.

Вскоре после восхода солнца он в сопровождении бывалого сержанта по имени Риф выполз из подлеска на край большой поляны. В этих восточных краях утренний день был намного длиннее вечернего, и Леддравор знал, что у него в запасе достаточно времени для атаки. Приятно было представлять, как падут под его клинком враги Колкоррона. Он осторожно раздвинул завесу листвы и принялся изучать открывшуюся глазам картину.

На круглой поляне, ярдов четыреста в диаметре, не было ни единого дерева, если не считать купы бракки в центре. Около сотни мужчин и женщин племени геф собрались вокруг деревьев; все глядели на макушку одного из тонких прямых стволов. Леддравор сосчитал деревья и обнаружил, что их девять — это число имело магические и религиозные связи с небесным созвездием Дерева.

Он посмотрел в полевой бинокль и, как и ожидал, увидел на макушке привязанную к стволу обнаженную женщину.

— Дикари затеяли свое идиотское жертвоприношение, — прошептал Леддравор, передавая бинокль Рифу.

Сержант долго не возвращал бинокль.

— Значит, мы наверняка застанем их врасплох.

Он взглянул на тонкую стеклянную трубку у себя на запястье. В нее был вставлен кусочек тростника, на котором через равные промежутки виднелись нанесенные черной краской метки. С одного конца тростник пожирал часовой жук, который двигался с неизменной скоростью, одинаковой для всех жуков этого вида.

— Прошел пятое деление, — сказал Риф. — Следовательно, остальные отряды уже должны быть на своих позициях. Сейчас бы и ударить, пока дикарям не до нас.

— Рано. — Леддравор продолжал изучать племя в бинокль. — Я вижу двух часовых, которые пока еще смотрят на лес. Дикари мало-помалу становятся осторожными. Не забывай, они научились делать пушки. Если мы не возьмем их тепленькими, они наверняка успеют по нам пальнуть.

— Понятно, будем ждать, пока дерево выстрелит. Да вон, верхняя пара листьев уже складывается.

Леддравор с интересом наблюдал, как верхняя пара огромных листьев бракки поднимается из обычного горизонтального положения и складывается вдоль ствола. В природных условиях это явление происходило два раза в год в течение периода зрелости дерева, но принц, урожденный колкорронец, видел его редко. Самопроизвольный залп бракки с потерей энергетических кристаллов являлся расточительством, которого не следовало допускать ни в коем случае...

Верхние листья сомкнулись вокруг ствола, последовала короткая пауза, затем дрогнула и стала подниматься вторая пара листьев. Леддравор знал, что глубоко под землей начала растворяться перегородка в камере сгорания. Скоро зеленые кристаллы пикона, извлеченного из почвы верхней частью корневой системы, смешаются с пурпурным халвеллом, собранным нижней сетью корней; выделятся тепло и газ, а затем громыхнет так, что будет слышно на много миль окрест, и дерево выстрелит свою пыльцу.

Леддравор сосредоточился на часовых. Те, как он и предполагал, все чаще поглядывали на жертвенное дерево, на котором начала подниматься уже третья пара листьев. Принц знал, что для такого поведения дерева существовало чисто ботаническое объяснение: горизонтально расположенные листья не выдержали бы ударной волны во время опылительного залпа. Леддравор был уверен, что, когда наступит кульминация, все гефское племя будет смотреть на дерево. Он спрятал бинокль и взялся за меч. Листья охватили ствол бракки, почти в то же мгновение зашевелилась четвертая пара. К истошным воплям женщины присоединился мужской голос, доносившийся откуда-то из толпы гефов.

Принц поднес руку к шлему и снял капюшон, скрывавший алый гребень. Юные лейтенанты, командовавшие остальными тремя отрядами, ждали, когда Леддравор выбежит из леса. Четвертая пара листьев поднялась и сомкнулась вокруг ствола бракки. Женщина затихла: то ли потеряла сознание, то ли обмерла от ужаса. Над поляной нависла жуткая тишина. Леддравор знал, что перегородка в камере сгорания уже исчезла, зеленые и пурпурные кристаллы перемешались между собой, и освобожденная энергия вот-вот устремится наружу...

Раздался оглушительный грохот, ствол бракки содрогнулся от корней до макушки, к небу рванулся столб газа, на мгновение окрасившийся алой кровью.

Леддравор ощутил, как дрогнула под ногами земля. В следующее мгновение он уже вскочил и

бросился вперед. Слева и справа мелькнули оранжевые гребни на шлемах лейтенантов, из леса высыпали солдаты. Гефы зачарованно разглядывали жертвенное дерево, листья на котором потихоньку начали разворачиваться, но могли выйти из транса в любую секунду.

Ближайший к принцу геф внезапно обернулся, увидел солдат, окликнул соплеменников и топнул по земле. Леддравор знал, что гефский вариант пушки — пустотелая трубка бракки, установленная на наклонной направляющей и предназначенная исключительно для уничтожения живой силы. Ударом ноги страж разбил стеклянную или керамическую капсулу в казеннике и смешал заряд из энергетических кристаллов, но (именно из-за этого колкорронцы мало уважали такой вид оружия) выстрелу неизбежно предшествовала секундная задержка. Принц метнулся вправо, криком предупредил солдат об опасности и напал на гефа в тот самый миг, когда пушка выстрелила. По-над травой промчалась каменная дробь. Геф успел выхватить меч, но — видимо, транс прошел не окончательно — не сумел среагировать на замах и рухнул наземь с раной в горле, а Леддравор двинулся дальше.

Некоторые из гефов пытались убежать, но натыкались на окруживших поляну колкорронцев. Другие сопротивлялись, но не слишком серьезно, и в результате сполна расплатились за потерю бдительности. Несколько дикарей укрылись в купе бракки, ранили двоих солдат Леддравора, но продержались недолго — до подхода копейщиков из второго отряда.

Схватка завершилась столь же внезапно, как началась.

Ярость уступила место благоразумию, к Леддравору вернулись другие инстинкты — трезвость и расчет. Он огляделся, убедился, что цел и невредим и вокруг только колкорронские солдаты и пленные гефские женщины, затем посмотрел на небо. Лес защищал от птерты, но на поляне они оказались под открытым небом, что означало немалый риск.

Для уроженца Колкоррона небо выглядело весьма необычно. Леддравор сызмальства привык к тому, что огромный туманный шар Верхнего Мира висит прямо над головой, а отсюда, с полуострова Лунгл, казалось, что планета-сестра сместилась далеко на запад. Ясное голубое небо вызывало неприятные ощущения. Однако среди дневных звезд не было заметно ни единого лиловатого пятнышка, и принц решительно отогнал мрачные мысли.

Трофеев оказалось немного; впрочем, за треугольные противоптертовые бумеранги вполне можно выручить приличную сумму в тавернах Ро-Атабри.

К Леддравору подошли Рейло, Нофналп и Хравелл — лейтенанты, которые вели три других отряда. В круглом кожаном щите Рейло зияли многочисленные дыры, левую руку перехватывала окровавленная повязка, но, несмотря на рану, держался он бодро. Нофналп и Хравелл чистили мечи, стирая пятна крови с эмалевых инкрустаций на черных лезвиях.

— По-моему, все прошло гладко, — сказал Рейло.

Принц кивнул.

— Какие у нас потери?

— Трое убитых и одиннадцать раненых. Двое угодили под выстрел из пушки и до малой ночи вряд ли доживут.

— Выберут ли они Яркую Дорогу?

— Разумеется. — Рейло притворился, будто обиделся: мол, разве можно сомневаться в доблести его людей?

— А не захватить ли нам заодно и деревню? — Хравелл, самый молодой из лейтенантов, вернул меч в ножны. — До нее чуть больше мили к северо-востоку, и гефы, вероятно, слышали пушечную стрельбу.

Леддравор подумал.

— Сколько взрослых осталось в деревне?

— По донесениям разведчиков — практически никого. Они все явились сюда смотреть представление. — Хравелл мотнул головой в сторону жертвенного дерева.

— В таком случае, деревня больше не представляет военной угрозы и становится ценным приобретением. Дай мне карту. — Леддравор расстелил на земле лист бумаги. Эту карту нарисовали незадолго до сражения с помощью воздушной разведки; на ней были отмечены особенности рельефа, размеры и расположение гефских поселений, реки и — что особенно важно со стратегической точки зрения — распределение бракки среди лесных массивов. Изучив карту, принц принял решение.

Милях в двадцати за деревней, о которой шла речь, находилось крупное поселение, способное при случае выставить около трехсот бойцов. Местность покрывал густой лес, пересекали крутые хребты, расселины и бурные потоки — невольно создавалось впечатление, что сама природа вознамерилась воспрепятствовать колкорронцам.

— Подождем, — объявил Леддравор. — Мне вовсе не улыбается карабкаться по этим кручам. Они наверняка скоро явятся сами. Насколько я понимаю, здесь их священное место?

— Святая святых, — ответил Рейло. — Девять бракк вплотную друг к другу — лично я таких рощ доселе не видел.

— Отлично! Прежде всего повалим эти деревья. Проинструктируйте часовых, чтобы не трогали дикарей из деревни, если те придут посмотреть, что тут происходит. А перед малой ночью отправьте отдельный отряд сжечь деревню. Если нам повезет, дикари настолько вымотаются по дороге, что им едва хватит сил напороться на наши мечи.

Леддравор усмехнулся и вернул карту Хравеллу. Он не стал говорить, что, на его взгляд, гефы из крупного поселения окажутся куда более опасными противниками, чем жители низинных деревень. Предстоящее сражение прибавит молодым офицерам опыта, а ему снова позволит доказать, что в свои сорок с лишним он лучший воин, чем юнцы вдвое моложе. Принц поднялся, предвкушая удачное окончание хорошо начавшегося дня.

Несмотря на благодушное настроение, укоренившаяся привычка заставила Леддравора снова посмотреть на небо. Птерта не показывалась, но что-то вдруг мелькнуло в просвете между деревьями. Принц достал бинокль и мгновение спустя различил летящий над самой землей воздушный корабль.

Воздушный шар, надо полагать, направлялся в штаб, который находился пятью милями западнее, на краю полуострова. Несмотря на расстояние, Леддравору показалось, что на борту гондолы изображены перо и меч. Он нахмурился, пытаясь сообразить, что понадобилось одному из посыльных отца в столь отдаленной местности.

Впрочем, голову он ломал недолго, его отвлекли насущные заботы, в первую очередь — деревья бракка, которые следовало выкорчевать, и как можно скорее. Наконец появились рабочие, которые тут же взялись за дело. Наблюдая за ними, принц заметил краем глаза некое движение. Оказалось, вернулся воздушный шар. Воздушный корабль явно направлялся на передовую. Следовательно, капитану поручили, судя по всему, доставить Леддравору срочное послание короля.

Озадаченный Леддравор прикрыл ладонью глаза и стал смотреть, как воздушный шар тормозит и готовится к посадке на лесную поляну.

Глава 3

Резиденция Лейна Маракайна — Квадратный Дом — располагалась на Зеленой Горе, в северном районе колкорронской столицы Ро-Атабри.

Из окна кабинета открывался вид на городские кварталы на берегу реки Боранн, за ними виднелись пять утопавших в зелени дворцов. Землю под резиденцию пожаловал магистру много веков назад король Битран IV (тогда труд ученых ценился не в пример нынешнему).

Сам магистр обитал в полуразрушенном здании под названием Зеленогорская Башня; все близлежащие сооружения были намного ниже, что облегчало связь по солнечному телеграфу с королевским дворцом.

Было начало вечернего дня, квартал как раз вынырнул из тени Верхнего Мира; пробудившийся после двухчасового сна город казался невыразимо прекрасным. Желтая, оранжевая, алая листва одних деревьев резко контрастировала с бледно- и темно-зелеными листьями других. В небе сверкали гондолы воздушных кораблей, а на реке белели паруса кораблей океанских, доставлявших в город различные товары из самых отдаленных уголков империи.

Но Лейн, хоть и сидел за письменным столом у окна, ничего этого не замечал. Весь день, томимый неким предчувствием, он ощущал возбуждение и любопытство. Судя по всему, вот-вот должно было произойти что-то крайне важное.

— Помоги мне составить список гостей, — сказала Джесалла. — Как я могу готовиться к приему, если не знаю даже, сколько у нас будет народу.

Лейн поднял голову и посмотрел на жену.

— По-моему, до Конца Года времени еще предостаточно.

— Как сказать. Во всяком случае, насчет гостей...

— Скорее всего, можно рассчитывать на всех, кто у нас обычно бывает, кроме, разве что, Толлера.

— Вот и хорошо. — Джесалла состроила гримасу. — Наконец-то праздник пройдет без споров и потасовок.

— Не забывай, что Толлер — мой брат, — миролюбиво возразил Лейн.

— Сводный брат.

— Я рад, что моя мать не дожила до того, чтобы услышать это замечание.

— Я не хотела обижать твою мать. Просто Толлер больше похож на солдата, чем на члена вашей семьи.

— Иногда случаются генетические неудачи.

— И потом, он даже не умеет читать.

— Мы это уже обсуждали, — терпеливо сказал Лейн. — Когда ты поближе узнаешь Толлера, увидишь, что он не глупее остальных и на самом деле читает вполне бегло. Быть может, он больше воин, чем ученый, но исследователь-практик из него вышел бы отменный. И потом, чем тебя раздражает Толлер? Между прочим, в нашем окружении на Зеленой Горе полным-полно индивидуалистов и оригиналов.

Джесалла подошла к окну и вдруг нахмурилась.

— Ты ждал магистра Гло?

— Нет.

— Увы. Он приехал. Я исчезаю.

Глядя вслед жене, Лейн подосадовал, что она никак не перестанет напоминать о происхождении Толлера. Эйфа Маракайн, его мать, умерла при родах, так что если она и согрешила, то расплатилась сполна. И вообще, сколько можно толковать об одном и том же?

Он посмотрел в окно. Магистр Гло как раз вышел из видавшего виды фаэтона, на котором всегда ездил по городу. Кучер, удерживая под уздцы двух синерогов, терпеливо выслушивал указания.

Вскоре магистр вошел в дом и появился в кабинете Лейна. Маракайн подал ему бокал с вином.

— Ты очень любезен, — сказал Гло и направился прямиком к ближайшему креслу. Хотя магистру шел всего-навсего пятый десяток, выглядел он гораздо старше: весь какой-то оплывший, обрюзгший, от зубов осталось лишь несколько бурых пеньков, которые выглядывали из-за нижней губы.

— Всегда рад видеть вас, магистр, — сказал Лейн, прикидывая, чем обязан посещению; впрочем, не стоит торопиться — Гло не будет долго ходить вокруг да около.

Магистр одним глотком наполовину осушил бокал.

— Взаимно, мой мальчик. У меня кое-что есть. Тебе понравится.

Он отставил вино, порылся в складках одежды, извлек листок бумаги и вручил Лейну. Посредине листка находилось круглое пятно.

— Дальний Мир. — Лейн узнал световой портрет единственной, не считая пары Мир —Верхний Мир, крупной планеты системы. — Изображения улучшаются.

— Да, но нам пока не удается сделать их стойкими. Этот экземпляр заметно выцвел с прошлой ночи. Видишь, полярные шапки едва заметны. Жаль. — Гло забрал фотографию и принялся ее изучать, непрерывно качая головой. — Юный Энтет получил подтверждение угла наклона. Лейн, ты когда-нибудь пытался представить себе, на что была бы похожа жизнь на планете с наклонной осью вращения? Жаркое время года, с длинными днями и короткими ночами, и холодное время года, с короткими днями и длинными ночами...

В детстве Лейн частенько задумывался о том, есть ли жизнь на других планетах, и заходил в своих фантазиях очень и очень далеко, но, повзрослев, обнаружил, что математика предоставляет куда больший простор для воображения. Поэтому сейчас он слушал магистра, который весьма пространно излагал свои соображения о природных условиях Дальнего Мира, что называется, вполслуха.

Наконец Гло кончил объяснять и откинулся на спинку кресла.

— Ты ни за что не угадаешь, что случилось.

— От вас забеременела какая-нибудь особа женского пола?

— Попробуй еще раз.

— Вы забеременели от какой-нибудь особы женского пола?

— Ошибаешься, Лейн. Но шутки в сторону. Король и принц Чаккел, наш главный промышленник, проснулись и неожиданно обнаружили, что у нас кончается бракка. Король созывает заседание высшего совета.

— Никогда бы не подумал. Вы что, прямо из дворца?

— Э... нет. Я знал про заседание уже несколько дней, но тебя известить не мог, поскольку меня отправили в Сорку. Я вернулся как раз сегодня, утренним днем.

— Я на вашем месте устроил бы себе там лишний выходной.

— Там было не до отдыха, мой мальчик. — Гло вдруг помрачнел. — Наши солдаты и летчики утрачивают боевой дух. Ходят слухи, что находиться рядом с пострадавшими от птерты чрезвычайно опасно, и люди этим слухам верят.

— Не понял.

— Говорят, несколько рядовых заразились птертозом, пообщавшись с больными.

— Полная чушь, — сказал Лейн, делая очередной глоток.

— Вот именно. Ладно, вернемся к нашим заботам. — Гло встал и принялся расхаживать по

кабинету. — Это заседание, мой мальчик, дает сословию ученых прекрасную возможность восстановить утраченный авторитет. Я хочу, чтобы ты подготовил графики, показывающие, сколько пикона и халвелла произведет Колкоррон в течение следующих пятидесяти лет. Вдобавок, нужно продемонстрировать, что по мере того как потребность в натуральных кристаллах будет уменьшаться, мы начнем высаживать все больше бракки, чтобы...

— Погодите, магистр, — перебил Лейн. — Я не уверен, что в ближайшие годы мы сумеем получить искусственный пикон хорошего качества. Тот, которым мы располагаем сегодня, мало на что годится, да и халвелл немногим лучше.

— Послушай, мой мальчик, окажи мне услугу — не заводи об этом речь на совете. Договорились?

— Хорошо. Знаете, магистр, я, конечно, рад, что заседание состоится, однако провести его следовало гораздо раньше. Вам ведь известно, что бракка достигает зрелости и вступает в фазу опыления за пятьдесят — шестьдесят лет. Было время, когда Колкоррон мог уравновесить производство и потребление, но даже тогда принцы ничего не желали слушать. В нынешнем положении требуются радикальные меры. Но вы представляете, как отреагирует тот же Леддравор на предложение приостановить производство оружия?

— Ты не преувеличиваешь?

— Посмотрите на графики. — Лейн вынул из шкафа лист бумаги, разложил его на столе и с жаром пустился в объяснения. Какое-то время спустя он заметил, что Гло слушает не слишком внимательно. — Может, лучше прислать вам в Башню письменный отчет, чтобы вы просмотрели его на досуге? А, кстати, когда состоится заседание совета?

— Утром двухсотого дня. Так сказал король. Как видишь, сроки поджимают. Ладно, присылай мне свой отчет, там поглядим. Да, вспомнил, на заседании будет и твой брат. Мне кажется, мы слишком сурово с ним обошлись — на целый год заслали в такую дыру, как Хаффангер, только за то, что он врезал по физиономии Онгмату.

— И сломал тому челюсть.

— Если хочешь знать, я считаю, что Онгмат получил по заслугам. — Гло усмехнулся и, шаркая ногами, вышел из кабинета.

Лейн опустился в кресло и погрузился в размышления. Вполне возможно, Гло предложит ему выступить на заседании. Одна только мысль о том, чтобы бросить вызов Чаккелу и Леддравору, повергла Маракайна в ужас. Он отставил бокал и несколько раз глубоко вздохнул, дабы успокоиться и унять нервную дрожь.

Глава 4

Королевский дворец выделялся среди прочих скорее размерами, нежели архитектурными достоинствами. Сменявшие друг друга на троне правители пристраивали к нему крылья, башни и купола — что кому вздумается, — как правило, в стиле своего времени; в результате здание стало до некоторой степени напоминать коралл или нечто вроде громадного муравейника. В дворцовом парке поначалу росли исключительно кудрявцы и «стропильные деревья», но за минувшие столетия туда просочились и другие виды, так что теперь дворец, сам по себе пестрый из-за разнородной каменной кладки, теперь окружала столь же многоцветная растительность.

Однако Толлер Маракайн, сопровождавший брата, который направлялся на заседание совета, думал совсем о другом. Перед рассветом прошел дождь, утренний воздух был прозрачен и свеж. В небе ослепительно сверкал огромный диск Верхнего Мира, вокруг него мерцали мириады звезд. Воды реки Боранн отливали синевой, на фоне которой белели паруса.

Толлер размышлял о том, чем бы ему заняться в будущем. Причем желательно, чтобы занятие, которое он себе выберет, понравилось бы Лейну — очень уж не хочется снова огорчать брата. По слухам, несколько ученых пытаются создать смесь керамики со стеклом, достаточно прочную, чтобы заменить бракку, которая используется при изготовлении мечей и брони. Совершенно очевидно, что ничего у них не выйдет, но это все же лучше, чем измерять количество выпавших осадков, да и Лейну будет приятно узнать, что Толлер поддерживает движение за сохранение бракки...

В королевском дворце Толлер бывал лишь однажды, еще в детстве, но помнил Радужный Зал, где намечалось провести заседание совета. То, что Прад Нелдивер решил провести заседание совета именно в Радужном Зале, говорило о многом. Очевидно, король придавал предстоящему обсуждению большое значение, что было достаточно странно. Толлер привык к тому, что брат и его единомышленники без устали твердят об исчезновении бракки, но ведь на их речи никто не обращает внимания.

На переднем дворе скопилось множество экипажей, среди которых Толлер сразу заметил кричаще-яркий фаэтон магистра Гло. Рядом с фаэтоном стояли трое мужчин в серой одежде ученых: невысокий, тщедушный Ворндал Сисст, Датхун, отвечавший за добычу халвелла, и Боррит Харгет, который занимался новыми видами оружия. Они приветствовали братьев. Магистра же поблизости видно не было.

У дверей Радужного Зала Толлер пропустил брата вперед. Когда Толлер очутился внутри, у него внезапно перехватило дыхание. Детские впечатления, видимо, все же подзабылись. Купол из квадратных стеклянных панелей поддерживали опоры из древесины бракки. Часть панелей была белой, часть голубой, под цвет неба и облаков, но семь, расположенных дугой, вплотную друг к другу, повторяли цвета радуги. Сквозь панели, дробясь на бесчисленные разноцветные лучики, струился солнечный свет.

У дальней стены зала возвышался большой трон, рядом с которым располагались три трона пониже, предназначенные для принцев. В прежние времена все принцы были сыновьями правителя, но с годами на некоторые правительственные посты стали допускать и потомков по боковой линии. Обычно среди них удавалось найти подходящих людей, способных не только буянить и воевать, но и трудиться на благо государства. Что касается Прада Нелдивера, то сыновей у него было всего двое — Леддравор и Пауч, распорядитель общественных фондов.

Перед тронами выстроились полукругом разделенные поперечными проходами скамьи для представителей сословий, от врачей и художников до священников и учителей. Ученые по традиции, существовавшей со времен Битрана IV, который полагал, что научное знание — та опора, на которой Колкоррон построит в будущем всемирную империю, заняли средний сектор.

Какое-то время ничего не происходило, слышались лишь кашель и отдельные нервные смешки, затем прозвучал церемониальный горн, и через дверь позади тронов в зал вошли король Прад и три принца.

Облаченный в алые одежды Прад являл собой истинного правителя, стройного и широкоплечего, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет, однако

внимание Толлера привлек не он, а принц Леддравор. Толлер знал, что принц — безжалостный вояка, побывавший в сотнях кровопролитных сражений, и испытал острый укол бешенства, смешанный с пониманием, заметив явное презрение, с которым Леддравор оглядел собрание, перед тем как сесть на трон, центральный из трех у подножия королевского.

Церемонимейстер трижды гулко ударил по полу жезлом, давая сигнал к началу заседания.

— Я благодарю всех собравшихся за то, что они смогли найти время и прибыть на совет, — произнес король. — Как вы знаете, предмет сегодняшнего обсуждения — острая нехватка бракки и энергетических кристаллов. Однако прежде чем мы приступим к обсуждению, я хотел бы услышать ваше мнение по другому поводу.

Я имею в виду не сообщения из различных источников о якобы резко возросшей численности птерты. Думается, эти сообщения объясняются тем, что мы впервые ведем боевые действия в тех краях, где вследствие естественных условий птерта всегда водилась в больших количествах. Магистр Гло, поручаю вам провести тщательное исследование и представить подкрепленный фактами отчет, однако сам особых поводов для беспокойства не вижу. Принц Леддравор заверил, что существующих средств борьбы с птертой более чем достаточно, чтобы справиться с любым осложнением. Гораздо сильнее меня тревожат слухи о том, что несколько солдат погибли, будто бы заразившись птертозом. Если мне не изменяет память, этими байками раньше всего стали запугивать себя подразделения Второй Армии соркского фронта, а поскольку слухи распространяются с невероятной скоростью, они успели достичь и Лунгла, и Ялрофака. Паникерство угрожает безопасности империи куда больше, нежели двукратное или троекратное увеличение численности птерты. Все сидящие в этом зале знают, что птертоз не передается ни при физическом контакте, ни каким-либо другим путем, поэтому ваш долг — действуя быстро и решительно, справиться с распространением подобных выдумок.

Толлер огляделся по сторонам. Многие из присутствовавших делали какие-то пометки в своих бумагах. Интересно, мелькнула шальная мысль, а что если в этих слухах есть хотя бы крупица истины? Ну да, солдаты, моряки и летчики, как правило, невежественны и легковерны, однако в здравомыслии им все же не откажешь.

— Переходим к основному вопросу, — сказал король. — Из отчета Управления Портов следует, что в 2625 году поставки бракки из шести провинций составили всего 118 426 тонн. Общий объем падает двенадцатый год подряд. Производство пикона и халвелла снижается. Об урожае на местах данных нет, но, по предварительным оценкам, на многое рассчитывать не приходится. Положение усугубляется тем, что затраты на оборону и промышленность продолжают расти. Очевидно, мы вступаем в критический период, угрожающий благополучию страны, поэтому я предлагаю обсудить, что можно предпринять.

Принц Леддравор, которому явно не сиделось, тотчас вскочил.

— Ваше величество, при всем моем уважении к вам не хочу и не стану скрывать, что меня разговоры о нехватке ресурсов безмерно раздражают. Бракки сколько угодно, хватит еще на века. Нужно только проявить решимость — выступить в поход, подчинить Страну Долгих Дней и забрать то, что принадлежит нам по праву.

По залу пронесся ропот. Король повелительно взмахнул рукой.

— Я не желаю даже слушать об этом, — бросил он.

— Рано или поздно воевать все равно придется.

— Могу лишь повторить то, что сказал.

— В таком случае, ваше величество, прошу разрешения удалиться, — дерзко заявил Леддравор. — Какой толк в обсуждении, в котором заведомо отсутствует обыкновенная логика?

— Изволь сесть на место. Твое неожиданное уважение к логике еще может пригодиться.

Заседание продолжалось. Толлер не сводил глаз с Леддравора, который развалился на троне и время от времени демонстративно зевал. Значит, он считает, что войны с Хамтефом — Страной Долгих Дней — не избежать? Очень интересно.

Старые, сомнительной точности карты показывали, что Хамтеф, расположенный в широтах, где не бывает малой ночи, по размерам не меньше Колкорронской империи и столь же населен. По словам немногочисленных путешественников, которые сумели вернуться домой из такой дали, бракки там видимо-невидимо. Кроме того, хамтефцы якобы считают смертным грехом прерывать жизненный цикл дерева. Они извлекают ограниченное количество кристаллов, просверливая отверстия в камерах сгорания, а древесину получают только из поваленных ветром или рухнувших от старости деревьев.

Эта баснословная сокровищница и в прошлом привлекала интерес колкорронских правителей, но они никогда не предпринимали решительных действий. Хамтеф находился очень далеко, его жители имели репутацию свирепых бойцов. Всегда считалось, что цена, которую так или иначе придется заплатить при попытке завоевать Хамтеф, окажется слишком высокой.

Кроме того, война с Хамтефом вызвала бы глубокие перемены в Колкорроне. Однако король Прад не вечен, и скоро он, возможно, уступит трон Леддравору, а когда это случится, от старых порядков не останется и камня на камне.

— Кажется, не все понимают, в каком положении мы очутились, — произнес король. — Где магистр Гло? Сейчас магистр расскажет, как идет работа над созданием искусственных пикона и халвелла.

Магистр поднялся с места, неожиданно покачнулся, схватился рукой за бок и рухнул на скамью. «О, Небеса», — с отчаянием подумал Толлер. Магистр, как частенько водилось за ним в последнее время, был просто пьян.

— Боюсь, я слегка нездоров. Если не возражаете, от моего имени выступит старший математик Лейн Маракайн.

Лейн поднялся, поклонился королю и принцам. Толлер с тревогой отметил про себя, что брат неестественно бледен и дрожит от волнения.

— Что ты нам скажешь, Маракайн? — дружелюбно спросил король.

— Подождите минутку, ваше величество. Сейчас мои помощники развернут схемы и... — Конец фразы Лейн произнес так тихо, что никто его не услышал.

— Громче! — раздраженно бросил принц Чаккел.

— Где твои манеры? — спросил Леддравор, поворачиваясь к нему. — Разве так обращаются к молоденькой застенчивой девушке?

По залу прокатился смешок. Толлер понимал, что брат не сможет и не захочет ответить на вызов Леддравора, а оскорбление, безусловно, было вызовом. Сознавал и то, что по этикету вмешиваться в ссору не положено, иначе сам окажешься в оскорбителях.

— Довольно, Леддравор. — Король стукнул по подлокотникам трона. — Я хочу услышать, что он может сказать. Продолжай, Маракайн.

— Ваше величество, я... — Лейн никак не мог успокоиться.

— Я не требую от тебя подробного отчета. Просто скажи, через сколько лет мы начнем выпускать пикон и халвелл. Пяти лет хватит?

— Нет, ваше величество. — Голос Лейна внезапно сделался тверже и громче. — Даже если мы вдесятеро увеличим расходы на исследования, никто не может поручиться, что успех придет к нам в ближайшие годы. Лично я сомневаюсь, что мы вообще способны чего-то здесь добиться. Есть лишь один выход — полностью запретить на двадцать — тридцать лет вырубку бракки. В этом случае...

— С меня довольно! — воскликнул Леддравор. — Я сказал «девушка»? Я ошибся — это дряхлая старуха! Ваше величество, — прибавил принц, повернувшись к отцу, — позвольте мне раз и навсегда избавить вас от этих так называемых ученых.

— Ты забываешься, — сурово произнес король. — Это зал заседаний королевского совета, а не армейская казарма, и вести себя здесь следует соответствующим образом.

В помещении установилась мертвая тишина, которую нарушил голос Толлера.

— Судя по сравнениям, к которым прибегает принц Леддравор, он привык воевать исключительно с женщинами, — сказал он, обращаясь к стоявшему рядом Сиссту. Тот побледнел и отодвинулся, показывая всем своим видом, что оказался поблизости от младшего Маракайна совершенно случайно. Принц обернулся и оглядел Толлера с ног до головы.

— Кто ты? — спросил наконец Леддравор.

— Меня зовут Толлер Маракайн, принц.

Леддравор улыбнулся, и Толлеру почему-то стало страшно.

— Что ж, Толлер Маракайн, — сказал Леддравор, — счастье, что в доме моего отца не носят личного оружия.

— Счастье? — переспросил Толлер, не обращая внимания на голос рассудка, который настойчиво убеждал остановиться. — Для кого?

Леддравор по-прежнему улыбался, но теперь это была улыбка, способная повергнуть в трепет даже отчаянного храбреца. Он шагнул вперед.

— Ваше величество! — воскликнул магистр Гло. Умоляю, ради блага нашего любимого Колкоррона, выслушайте меня. Я хочу предложить то, что связано с самим существованием нашей великой нации.

— Подожди, Гло. Леддравор, сейчас же вернись на место!

Леддравор помедлил, отвернулся от Толлера, медленно направился к трону. Опустившись, он тут же вполголоса сказал что-то королю и задумчиво поглядел на Толлера.

Король сделал знак церемонимейстеру, и по залу вновь прокатился гулкий звук.

— Магистр Гло! — голос короля Прада звучал теперь угрожающе спокойно. — Приношу извинения за неучтивость по отношению к людям, которые тебя сопровождают. Но прежде чем получишь слово, ответь на такой вопрос: сможешь ли ты изложить все коротко и сжато?

— Конечно!

— В таком случае, излагай.

Гло поклонился и начал:

— Ваше величество, у ученого есть много обязанностей и за многое он несет ответственность... Он должен не только постигать прошлое и настоящее, но и проникать в будущее... И чем оно загадочнее, тем...

— Дальше, Гло, дальше!

— Хорошо, ваше величество. Исследования привели меня к выводу, что трудности с получением бракки и энергетических кристаллов, угрожающие благополучию Колкоррона, в ближайшее время не преодолеть. Проблем множество, каждый день приносит все новые, и встречать их нужно во всеоружии. Если мы хотим сохранить за собой первенство среди народов, населяющих Мир, нам следует забыть о стычках с соседями и устремиться в небо! Над нами целая планета — Верхний Мир, который, точно спелый плод, ждет чтобы его сорвали. Нашим ученым вполне по силам сконструировать такой воздушный корабль... — Конец фразы потонул в хохоте: смеялись все, за исключением помощников Гло и какого-то человека в одежде священника. Толлер узнал прелата Балаунтара.

— Заставь старого дурака сесть, — злобно прошипел Харгет, стискивая плечо Лейна.

— Каким образом? — Лейн страдальчески сморщился.

— Сделай что-нибудь, а то он всех нас выставит полными идиотами!

— Давно доказано, что Мир и Верхний Мир имеют общую атмосферу, — разглагольствовал Гло. — Архивы Зеленой Горы содержат подробные чертежи воздушных кораблей, способных подняться...

— Именем Церкви повелеваю тебе прекратить кощунственные речи! — вскричал прелат.

Судя по всему, в отличие от многих клириков, которые верили только на словах, он являлся истинным приверженцем учения о переселении душ. Это учение утверждало, что душа человека после смерти отправляется в Верхний Мир, откуда со временем возвращается в тело очередного новорожденного; иными словами, существует бесконечная цепь смертей и рождений души.

Гло лишь отмахнулся.

— Основная трудность заключается в том, как преодолеть полосу невесомости. Эту проблему можно решить, оборудовав каждый корабль реактивными трубками, которые...

Гло вдруг замолчал: Балаунтар, от которого никто не ожидал такой прыти, в два шага преодолел разделявшее их расстояние и зажал магистру рот. Толлер вскочил, схватил прелата за руки и оттащил от Гло. Балаунтар беспомощно трепыхался, не в силах вырваться из железной хватки. Толлер приподнял священника над полом и отнес на скамью.

Все снова засмеялись, но смех мгновенно стих, едва король поднялся со своего места.

Прад заговорил громко и отчетливо, каждое слово разило подобно клинку.

— Магистр Гло, ты посмел надругаться над нашей верой. Избавь нас от своего присутствия и учти — как только освобожусь от срочных дел, я серьезно обдумаю твое будущее. Да, и не забудь прихватить с собой своих помощников, которые, похоже, ничуть не умнее господина. Что же касается тебя, Балаунтар, — продолжал король, поворачиваясь к прелату, — ты повел себя самым возмутительным образом. Священнику не пристало поддаваться на провокации. Потому мне не в чем упрекнуть этого молодого человека, хоть он и не отличается изысканностью манер.

Лейн и Боррит Харгет подхватили Гло и повели к выходу. Толлер двинулся следом. Внезапно он сообразил, что принц Леддравор, должно быть, получил от отца изрядный нагоняй, раз до сих пор помалкивает. Толлер оглянулся и увидел, что Леддравор не сводит с него глаз. Когда принц поймал взгляд Толлера, его губы тронула злобная усмешка.

Глава 5

Генерал Рисдел Далакотт проснулся на рассвете и немедленно встал с постели — за шестьдесят

восемь лет жизни он редко нарушал это правило. Он несколько раз прошелся по комнате. Боль и онемение в ноге постепенно проходили, шаг становился все тверже. Минуло около тридцати лет с того вечернего дня, когда во время первой кампании в Сорке тяжелое меррилское копье раздробило ему бедренную кость. С тех пор рана не переставала беспокоить; боль отпускала нечасто и ненадолго.

Размяв мышцы, он прошел в примыкавшую к спальне маленькую ванную, повернул бракковый рычаг на стене, и из дырчатого потолка полилась горячая вода. Это напомнило генералу, что он не дома, в Тромфе, не в своем спартанском жилище.

Сегодня его внуку Хэлли исполняется двенадцать лет, и, чтобы доказать свое право на поступление в военную академию, мальчик должен пройти посвящение — в одиночку расправиться с птертой. Далакотту вспомнилось, с какой гордостью он наблюдал, как проходил испытание его сын Одеран.

Одеран! Военная карьера сына оборвалась, когда ему было тридцать три года — он погиб в воздушной катастрофе в Ялрофаке.

Далакотт оделся, вышел из спальни и спустился в столовую. Там, несмотря на ранний час, сидела за круглым столом невестка Конна.

— Доброе утро, Конна, — поздоровался Далакотт. — Неужели Хэлли еще спит?

— В свой день рождения? — Конна кивнула в сторону высокого — от пола до потолка — окна, за которым была видна часть обнесенного стеной сада. — Он где-то там. Тренируется. На завтрак даже не взглянул.

— Для него сегодня великий день. Да и для всех нас.

— Я знаю. — В ее тоне сквозила горечь; чувствовалось, что она еле сдерживается.

— Поверь мне, я понимаю твои чувства. Но Одеран хотел, чтобы мы провели этот день как можно лучше. Ради Хэлли.

Конна промолчала, однако ее губы тронула улыбка.

Далакотт принялся за еду. Неожиданно нахлынули воспоминания. Интересно, почему так получается, что наибольшее влияние на судьбу человека оказывают те события, которые на первый взгляд кажутся ничем не примечательными?

Если бы его не застали врасплох в небольшой стычке в Ялрофаке, он не получил бы серьезного ранения в ногу. И не попал бы в тихую провинцию Редант, куда прибыл на лечение. И не наткнулся бы случайно, гуляя по берегу реки Бес-Ундар, на очень странный предмет, который подобрал и с тех пор повсюду носил с собой.

Будучи как-то проездом в столице, он внезапно решил заглянуть к ученым на Зеленую Гору, чтобы выяснить, нельзя ли как-то объяснить диковинные свойства предмета. О предмете он не узнал ничего, зато многое узнал о себе.

Как человек, посвятивший себя военной карьере, женился генерал чуть ли не из соображений долга перед государством. Так сказать, чтобы было кому заботиться о солдате в мирное время. В их с Ториэйн отношениях страсти не было и в помине, зато присутствовало дружелюбие и уважение друг к другу, что было неизмеримо важнее. Страсть же Далакотт считал глупостью, пока не встретил Эйфу Маракайн. Эта встреча перевернула жизнь, подарила блаженство и обернулась немыслимой болью. Он ни за что бы не поверил, что можно так страдать, пока не испытал это сам...

— Дедушка! Экипаж приехал! — раздался за окном голос Хэлли.

— Иду, иду. — Далакотт помахал внуку рукой. Крепкий паренек, ростом пошел в отца и вполне способен управиться с птертобойками, которые висят у него на поясе.— Беспокоиться совершенно не о чем, — сказал генерал, поворачиваясь к невестке. — Птерта, дрейфующая в открытом пространстве среди бела дня, никого не напугает. Справиться с ней по силам кому угодно; и потом, я все время буду рядом с Хэлли.

— Спасибо. — Конна осталась сидеть за столом, уставясь в тарелку с нетронутой кашей.

Далакотт вышел в сад, который, как принято в сельской местности, окружали высокие стены, увенчанные противоптертовыми экранами частой сеткой. На ночь и в туман эти экраны воздвигали, и над участком возникало нечто вроде купола.

Хэлли подбежал к деду и взял его за руку, совсем как когда-то Одеран. Они пошли к запряженному четверкой синерогов экипажу, там уже сидели трое мужчин. Обряд посвящения требовал свидетелей. Далакотт поздоровался с соседями, и они с Хэлли уселись на обитые кожей скамейки. Возница щелкнул кнутом, и экипаж тронулся с места.

— Ого! Да ты у нас просто ветеран! — сказал Джихейт, ушедший на покой торговец. Он постучал по треугольной птертобойке, которая составляла вооружение Хэлли наряду с обычными крестовинами.

— Баллинская, — гордо сообщил Хэлли, поглаживая отполированное и богато украшенное дерево оружия, подаренного Далакоттом год назад. — Летает дальше остальных. Действует в тридцати ярдах. У гефов такие же. У гефов и циссорцев.

Мужчины оценили познания Хэлли снисходительными улыбками.

Для защиты от птерты с древнейших времен все нации Мира применяли метательные снаряды разной формы; время отобрало самые эффективные.

Загадочные шары подбирались к человеку вплотную и лопались, как мыльные пузыри, выпуская облачко пыльцы. Чтобы справиться с ними, требовалось особого вида оружие, поскольку стрелы и копья проходили сквозь птерту, не причиняя вреда. Шар только вздрагивал, а отверстие мгновенно затягивалось. Разорвать птерту и рассеять в воздухе ее ядовитую пыльцу мог только вращающийся метательный снаряд наподобие боло. Правда, последние слишком много весили и метать их было трудновато, а вот деревянная птертобойка подходила для этой цели как нельзя лучше. Далакотта всегда удивляло, насколько быстро даже самые отсталые племена усвоили, что если сделать у каждого лезвия один край острым, а другой закругленным, то получится оружие, которое держится в воздухе, будто птица, и летит намного дальше обычного метательного снаряда.

Наверное, это свойство казалось баллинцам волшебством. Во всяком случае, они выделывали свои птертобойки очень старательно и даже покрывали их резьбой. Прагматичные колкорронцы поставили на поток производство оружия «одноразового применения» — двух склеенных крест-накрест реек с лезвиями.

Зеленые поля и сады Клинтердена постепенно остались позади; экипаж подкатил к подножию горы Фарот. Наконец дорога кончилась, они въехали на покрытую травой площадку. Дальше начинался крутой подъем, вершина куталась в туман.

Далакотт с Хэлли вышли из экипажа. Купол неба сверкал перламутром. Звезд не было видно совсем, даже огромный диск Верхнего Мира казался бледным и призрачным.

— Птерт полно, — заметил Джихейт.

В небе дрейфовали многочисленные пурпурные шарики.

— В последнее время ее всегда в избытке, — откликнулся Ондобиртр, второй из свидетелей. — Клянусь, птерты становится все больше, что бы там

ни говорили. Я слышал, несколько штук недавно проникло даже в Ро-Бакканту.

Джихейт помотал головой.

— Они не залетают в города.

— Я только повторяю то, что слышал.

— Ты, друг, слишком доверчив и слушаешь много всякого вранья.

— Хватит спорить, — вмешался Тесаро. — У нас есть дела поважнее. — Он сунул руку в холщевый мешок и принялся раздавать мужчинам птертобойки — по шесть каждому.

— Они тебе не понадобятся, дедушка, — обиженно сказал Хэлли. — Я не промахнусь.

— Знаю, Хэлли, но так полагается. Кроме того, кое-кому из нас, возможно, не мешает попрактиковаться. — Далакотт обнял мальчика за плечи и пошел с ним к тропинке, что бежала по склону между двумя высокими сетками.

Сетки эти использовали для того, чтобы отловить пару-тройку птерт. Они образовывали коридор, который пересекал площадку, взбирался на склон и исчезал в тумане наверху. Как ни странно, несколько шаров всякий раз обязательно попадало в ловушку — возможно, из-за чрезмерного любопытства. Кстати говоря, кое-кого подобное поведение птерты наводило на мысль, что шары отчасти разумны, однако Далакотт никогда этому не верил: ведь внутри у птерты была только пыльца, чем же ей думать?

— Я готов, дедушка, можешь меня оставить, — сказал Хэлли.

— Хорошо, молодой человек. — Далакотт отошел на дюжину шагов и присоединился к свидетелям. Он вдруг осознал, что его внук уже не тот маленький мальчик, который сегодня утром играл в саду. Хэлли шел на испытание с достоинством и мужеством взрослого. Неожиданно генерал сообразил, что не понял Конну, которую пытался подбодрить за завтраком. Она была права — ребенок к ней больше не вернется.

— Я знал, что долго ждать не придется, — прошептал Ондобиртр.

Далакотт посмотрел вверх, на стену тумана в дальнем конце сетчатого коридора. Сердце тревожно сжалось, когда он увидел, что появились две птерты сразу. Низко над землей, рыская из стороны в сторону, багровые шары диаметром не меньше двух ярдов каждый спускались по склону.

Хэлли сжал в руке крестовину, слегка изменил позу и приготовился к броску.

«Подожди!» — мысленно скомандовал Далакотт, опасаясь, что присутствие второй птерты заставит мальчика попытаться уничтожить хотя бы одну на максимальном расстоянии.

Пыльца из лопнувшей птерты почти мгновенно теряет ядовитые свойства, и минимальная безопасная дистанция составляет около шести шагов, если, конечно, нет ветра. На таком расстоянии промахнуться практически невозможно, и хладнокровному человеку одинокая птерта, в общем-то, не противник. Но Далакотту случалось видеть, как новички от волнения теряли голову; некоторые даже впадали в оцепенение и глядели, словно завороженные, как шары неумолимо приближаются к добыче.

Птерта надвигалась на Хэлли. Их разделяло шагов тридцать. Мальчик отвел назад правую руку, но метать снаряд не спешил.

Далакотт стиснул одну из своих птертобоек, готовый в любой момент броситься вперед. Хэлли шагнул к левой сетке.

— Ты понимаешь, что этот чертенок задумал? — выдохнул Джихейт. — Он, по-моему, и впрямь...

В этот миг птерты оказались на одной линии, и Хэлли метнул оружие. Крестовина угодила точно в цель: пурпурные шары исчезли, будто их и не было...

Хэлли подпрыгнул от восторга и вновь принял боевую стойку: из тумана выплыла третья птерта. Мальчик отстегнул с пояса еще одну птертобойку, и Далакотт увидел, что это треугольное баллинское оружие.

Птертобойка пронеслась над тропинкой и уже на излете — все-таки расстояние было весьма приличным — рассекла и уничтожила птерту. Радостно улыбаясь, Хэлли обернулся к мужчинам и, как полагалось по ритуалу, низко поклонился. Он предъявил три обязательные победы и теперь официально вступал во взрослую жизнь.

Во дворике перед особняком стояло множество карет, в саду играли дети. Хэлли первым выпрыгнул из экипажа и помчался искать мать. Далакотт последовал за ним.

Конна встретила генерала в дверях и крепко обняла.

— Спасибо, что присмотрели за Хэлли, — сказала она. — Он действительно совершил все подвиги, о которых рассказывает?

— Он был просто великолепен!

Оставив Конну встречать других гостей, Далакотт направился в гостиную, взял с накрытого для детей стола бокал фруктового сока и встал у окна.

Солнце приближалось к Верхнему Миру, наступало время красочного зрелища: вот-вот в атмосфере планеты-сестры заиграют, заискрятся солнечные лучи. На глазах у Далакотта холмы и дальние поля полыхнули всеми цветами радуги и резко потускнели. За сумеречной полосой, что мчалась по земле, следовала густая черная тень. Не прошло и минуты, как дом погрузился во тьму — началась малая ночь.

Зажгли свечи и масляные фонари; их запах будил воспоминания, и мысли Далакотта вернулись к прошлому, к немногим драгоценным ночам, которые он провел вдвоем с Эйфой Маракайн. Они подолгу обсуждали свое будущее: Эйфе предстоял развод с прежним мужем, а новое замужество могло породить проблемы, поскольку она собиралась замуж за военного, хотя сама принадлежала к другому сословию. Перед Далакоттом стояли те же проблемы, но он не сомневался, что сумеет с ними справиться. Потом началась падалская кампания, разлучившая влюбленных почти на год. Затем пришло известие, что Эйфа умерла, родив мальчика. Поначалу Далакотт хотел усыновить ребенка и сохранить тем самым верность Эйфе. Но вмешался здравый смысл, точнее, боязнь пересудов. Он ничего бы не добился, лишь опозорил бы доброе имя Эйфы, поставил крест на своей карьере и испортил жизнь мальчику, которого назвали Толлером...

Ну да ладно, что было, то было. Сейчас ему предстоит произнести короткую речь перед гостями, так что не мешало бы сосредоточиться.

Далакотт подошел к стулу с высокой спинкой, в честь Хэлли украшенному голубыми стрелоцветами, и тут сообразил, что внук куда-то запропастился.

— Где же наш герой? — крикнул кто-то из гостей. — Предъявите героя!

— Он, наверно, ушел в свою комнату, — сказала Конна. — Сейчас я его приведу.

Она виновато улыбнулась и выскользнула из гостиной. Через минуту она вновь появилась в дверях со странным, застывшим лицом, кивнула Далакотту и, не сказав ни слова, снова исчезла. Убеждая себя, что ничего страшного произойти попросту не могло, генерал прошел по коридору в спальню Хэлли.

Мальчик лежал на узкой кровати. Его лицо раскраснелось и блестело от пота, руки и ноги судорожно подергивались.

Не может быть, подумал Далакотт, не может

быть! Он сразу понял, что Хэлли изо всех сил пытается сесть, но не может. Паралич и лихорадка!

Далакотт медленно опустился на колени рядом с кроватью, положил ладонь на живот мальчика и нащупал еще один симптом заболевания — вздувшуюся селезенку. С губ генерала сорвался горестный стон.

— Ты обещал присмотреть за ним, — безжизненным голосом прошептала Конна, — ведь он совсем еще ребенок!

Далакотт встал и обнял ее за плечи.

— Среди гостей есть врач?

— Что толку?

— Я вижу, на что это похоже, Конна, но Хэлли ни разу не подошел к птерте ближе тридцати шагов, а ветра не было. И потом, птертоз проявляется не сразу, а через два дня. Ну что, есть в доме врач или нет?

— Есть, Визиган, — прошептала она. — Я приведу его. — Конна повернулась и выбежала из комнаты.

— Ты поправишься, Хэлли. — Далакотт снова опустился на колени у койки. Он вытер краем маленького одеяла пот с лица мальчика и ужаснулся тому, какой жар излучает покрытая капельками пота кожа.

Хэлли смотрел на него с немой мольбой, губы мальчика дрогнули. Далакотт заметил баллинскую птертобойку и вложил ее в негнущиеся пальцы Хэлли, потом поцеловал внука в лоб. Внезапно он осознал, что происходит что-то странное: Конна слишком долго не возвращается, а откуда-то доносится женский крик.

— Я вернусь через секунду, солдат. — Генерал вышел в коридор. В гостиной он увидел, что гости столпились вокруг корчившегося на полу человека.

Это оказался Джихейт. Лихорадка, крупные капли пота, судорожные движения — все признаки птертоза были налицо...

Ожидая, пока отвяжут воздушный шар, Далакотт сунул руку в карман и нащупал странный безымянный предмет, который нашел когда-то на берегу Бес-Ундара. Большой палец генерала будто сам собой принялся поглаживать зеркальную поверхность. Далакотт пытался свыкнуться с чудовищными событиями последних девяти дней.

Хэлли умер до исхода малой ночи, в день своего совершеннолетия. Джихейт и Ондобиртр пали жертвами новой страшной формы птертоза к концу того же дня, а на следующее утро скончалась на руках Далакотта и Конна. Так генерал впервые столкнулся с тем, что птертоз стал заразным. В ту же ночь умерло тридцать два человека из сорока присутствовавших на празднике. И на этом наступление смерти не остановилось. Население деревушки Клинтерден и ее окрестностей в три дня сократилось с трехсот до пятидесяти человек, после чего зараза наконец-то отступила...

Гондола слегка накренилась. Далакотт пододвинулся ближе к иллюминатору и посмотрел вниз. Все знакомо до боли: домики с красными крышами, сады, полоски полей. Минувшие девять дней превратили генерала в старика. Неожиданно для себя он постиг, что можно, оказывается, завидовать мертвым.

ЧАСТЬ II

ИСПЫТАТЕЛЬНЫЙ ПОЛЕТ

Глава 6

Опытный оружейный завод располагался на юго-западной окраине Ро-Атабри, в старом фабричном районе Мардаванских Набережных.

Район находился в болотистой низине, по которой в свое время проложили канал. Заросшие сорняками пустыри, сточные колодцы, скотомогильники соседствовали с многочисленными заводами и фабриками, мастерскими и складами, поблизости от которых лепились друг к другу хибарки рабочих.

На Толлера Маракайна окружающая обстановка наводила жуткую тоску. Кроме того, ему не нравилась сама работа, тем более что в глубине души он считал планы Харгета создать новое оружие из заменителя бракки пустой затеей. Ни один из созданных на станции композитов не выдерживал сравнения с браккой — самым твердым и стойким материалом на планете. А если природа столь любезно предлагает идеальный материал, какой смысл искать другой?

Впрочем, хотя нередко и ворчал, работал Толлер усердно, так как твердо решил доказать Лейну, что он тоже на что-то годится.

Однажды утренним днем в складское помещение, где Толлер развешивал нарезанное стекловолокно, вошел Харгет.

— Пошли, Толлер, — позвал он, — нам понадобятся твои крепкие мышцы.

— Зачем?

— Ты вечно жалуешься, что тебе не дают работать с машинами, так? Считай, что твои мольбы услышаны.

Харгет подвел Толлера к небольшому передвижному крану, который установили на площадке между двумя мастерскими. Обычная конструкция из бревен стропильника, за исключением того, что зубчатые колеса, которые у кранов всегда делают из бракки, у этого образца были из созданного на опытной станции сероватого композита.

— Скоро должен прибыть магистр Гло, — сказал Харгет. — Он собирается продемонстрировать эту зубчатую передачу финансовому инспектору принца Пауча. Мы сейчас проведем пробное испытание. Проверь тросы, получше смажь шестерни и нагрузи короб камнями.

Толлер кивнул и начал готовить кран. Не успел он нагрузить короб, как послышался цокот копыт. В ворота станции вкатился красно-оранжевый фаэтон магистра Гло. Магистр вылез из экипажа, поздоровался с Харгетом, о чем-то у него спросил, а затем направился к крану.

— Вот ты где, мой мальчик! — воскликнул Гло, увидев Толлера.

— Здесь шестерни из старого композита номер 18, — сказал Харгет, — которые мы испробовали на низкотемпературную выдержку и получили весьма обнадеживающие результаты. Конечно, на деле этот кран — всего лишь опытный образец, но я уверен, что мы движемся в правильном направлении.

— Конечно, конечно, но позволь мне посмотреть его в работе.

— Разумеется. — Харгет кивнул Толлеру, и тот взялся за рычаг.

Вообще-то по проекту крановщиков должно было быть двое, однако Толлер легко справлялся один. Несколько минут он под командованием Харгета поворачивал стрелу и демонстрировал, с какой точностью машина кладет груз. Все шло гладко, и вдруг, когда Толлер уже заканчивал испытание, собачка храпового механизма дробно застучала и срезала несколько зубьев на главной шестерне. Короб с грузом полетел вниз, затем барабан заклинило, трос перестал разматываться и кран опасно наклонился. Несколько рабочих бросились к машине, навалились на задравшуюся «лапу» и прижали ее к земле. Кран был спасен.

— Поздравляю, — злобно сказал Харгет, когда

Толлер спрыгнул на землю. — Как это ты сумел?

— Если бы ваш кран был из бракки, а не из остывшей каши, ничего бы... — И тут Маракайн заметил за спиной у Харгета магистра Гло, который лежал на земле и не шевелился. Испугавшись, что в Гло попал отлетевший зуб шестерни, Толлер подбежал к магистру и опустился рядом на колени.

— Унеси меня отсюда, мой мальчик, — пробормотал Гло. — Я, кажется, наполовину мертв.

Толлер отвез магистра к нему домой, после чего отправился бродить по городу, чтобы слегка развеяться. Впрочем, ему было не до веселья — уж слишком мрачные мысли его одолевали. Он узнал от Гло, что сразу в нескольких провинциях началось что-то вроде птертовой чумы. Первые сведения о вспышке болезни поступили из воинских частей, расквартированных в провинциях Кейл и Миддак, затем настал черед других — Сорка, Меррил, Падал, Баллин, Ялрофак, Лунгл... Власти, естественно, призывали не поддаваться панике и утверждали, что столице не грозит никакая опасность. Толлер Маракайн отнюдь не разделял оптимизма властей имущих. Если птерта и впрямь стала гораздо агрессивнее, что помешает ей напасть на главный город Колкоррона?

Вдруг Толлер заметил, что прохожие на улице все как один уставились вверх. Он поднял голову. В небе виднелись пурпурные шары. Птерта!

Как ни странно, люди не спешили прятаться под крыши. Хотя что же тут странного? Все твердо верили, что птерта не меняет своих привычек и не нападает среди бела дня.

Где-то поблизости взвизгнула женщина. Толлер резко обернулся и увидел, что один из шаров опускается на многолюдную площадь. Затрубили горны, раздались испуганные вопли. Птерта лопнула в метре от земли.

Толлер метнулся к ближайшему зданию. Краем глаза он заметил, что площадь буквально усеяна птертой.

То, что происходило в городе в течение часа, напоминало кошмарный сон. Птерта вела себя с небывалой дерзостью. Шары наводняли сады и дворики, неспешно пересекали городские площади, ныряли в проходы между домами, под арки и колоннады. Их уничтожали, однако казалось, что меньше шаров не становится. Толлер не сомневался, что видит птерту-мутанта.

Чума пришла и в столицу.

Те, кто утверждал, что птерта отчасти разумна, всегда подкрепляли свои слова будто бы неоспоримым доводом: шары избегали нападать на крупные города, словно понимали, что там их перебьют в мгновение ока. Так оно и было, пока не появились мутанты — багровые шары, которые разносят чуму. Да, эти шары можно уничтожить, однако ядовитая пыльца наверняка успеет погубить множество людей. Вдобавок, всякий, кто ее вдохнет, становится не менее опасен, чем птерта, ибо превращается в разносчика заразы.

Наконец ветер переменился, и птерта отступила. Но радоваться было нечему: ведь теперь следовало опасаться едва ли не каждого встречного. Судя по всему, этот кошмарный сон никогда не кончится.

С того дня, как птерта впервые напала на Ро-Атабри, минуло без малого два года.

Толлер Маракайн проснулся рано. С недавних пор его сон стал беспокойным. Он встал и вышел наружу, решив прогуляться в одиночестве по территории Башни.

Сначала Толлер проверил, надежно ли закреплены сетки внутреннего защитного экрана. До нашествия чумы экраны устанавливали только в сельской местности, и в те времена достаточно было простых сеток. Теперь же и в городах, и в деревнях появились новые конструкции — двойные, с крепкими подпорками.

Магистр Гло поручил Толлеру важное и довольно опасное дело: руководить сооружением экранов для Башни и других домов ученых. Сознание того, что наконец-то он занимается чем-то полезным, помогло Маракайну слегка обуздать свой буйный нрав; кроме того, работать приходилось на открытой местности, что было достаточно рискованно, а потому приносило известное удовлетворение.

Боррит Харгет создал новое противоптертовое оружие — странный с виду метательный снаряд в форме уголка. Снаряд летел быстрее и дальше, чем обычная колкорронская крестовина, и в руках сильного мужчины мог поражать шары на расстоянии свыше сорока ярдов.

Пока Толлер руководил постройкой защитных экранов, он в совершенстве овладел искусством обращения с новым оружием и гордился тем, что не потерял за время работы никого из подчиненных, хотя шары-мутанты успели за тот же срок истребить две трети населения империи.

Несмотря на бодрящую свежесть утреннего воздуха, Толлер вдруг почувствовал, что ему трудно дышать. Догадываясь, что близок к панике, он сделал то, чего не делал со времен ссылки на Хаффангер — открыл ворота во внутреннем экране Башни, пересек буферную зону и вышел за внешний экран, на незащищенный склон Зеленой Горы.

Ветра не было и в помине, и опасность нарваться на случайный шар не грозила, но символический акт непослушания снял накопившуюся усталость и тревогу.

Толлер отцепил с пояса птертобойку и собрался было спуститься по склону, но вдруг заметил у подножия горы, на опушке леса, что отделял территорию Башни от квартала Силарби, одинокого всадника. Толлер поднес к глазам подзорную трубу.

Всадник оказался королевским посланцем: на груди у него красовалась синяя с белым эмблема — перо и меч.

Какое-то время спустя он поднялся на гору.

— Добрый день, — поздоровался Толлер. — Что привело тебя в Башню?

— Я привез послание магистру Гло, — отозвался курьер.

— Он еще спит. Я Толлер Маракайн, личный помощник магистра и наследственный член сословия ученых. У меня нет желания совать нос в чужие дела, но мой хозяин болен и рассердится, если я сейчас разбужу его, разве что дело очень срочное. Может, расскажешь мне, что там написано, чтобы я мог решить, как поступить?

— Свиток опечатан. И потом, я же не знаю его содержания.

Толлер пожал плечами.

— Какая жалость! А я-то надеялся, что мы с тобой сумеем договориться. Что ж, пойду будить магистра.

— Не стоит, пускай его светлость отдыхает. — Курьер спешился. — Король вызывает магистра на заседание совета, которое состоится через четыре дня. Как видишь, спешить особенно некуда.

— Может быть. — Толлер нахмурился, пытаясь переварить поразительную новость: ведь после того скандала во дворце король Прад словно забыл о существовании магистра. — Может быть.

Глава 7

— Я вовсе не уверен, что поступаю правильно, — сказал магистр Гло. — Думаю, куда разумнее было

бы оставить тебя здесь. По-моему, тебе во дворце не обрадуются.

— Прошло два года, — ответил Толлер. — Леддравор наверняка забыл обо мне.

— На это рассчитывать не стоит, мой мальчик. Принц никогда не забывает тех, кто осмелился ему перечить. Кроме того, насколько я знаю тебя, ты вполне способен напомнить ему о себе.

— С какой стати? Уверяю вас, я не собираюсь этого делать!

— Что ж, молодой человек, уговорил, — устало сказал Гло. — Я поверю тебе, но ты уж, пожалуйста, веди себя соответственно. Ты, конечно, понимаешь, почему король призывает меня к себе?

— Честно говоря, не совсем.

— Идея, которую я два года назад посеял в уме короля, наконец дала плоды. Вот о чем тебе нужно подумать, Толлер. Я старею, мне немного осталось, однако готов поспорить на тысячу монет, что до того как умру, ступлю на Верхний Мир.

Толлер кивком выразил согласие, хотя сам предполагал, что Гло вызывают во дворец, чтобы он отчитался за провал попытки создать эффективное противоптертовое оружие дальнего действия.

Когда экипаж достиг городских кварталов, невольно возникло впечатление, что близится ночь. Во-первых, небо с самого рассвета затянули облака, а во-вторых, противоптертовые экраны над домами и улицами превратили город в скопище сумрачных пещер. Битранский мост, по которому пересекала реку дорога на юг, полностью обшили досками, что придало ему вид громадного склада. Королевский дворец тоже не избежал общей участи: над ним построили навес.

На переднем дворе оказалось на удивление мало экипажей — несколько дворцовых фаэтонов и легкая двухместная карета Лейна — брат приобрел ее после запрета на большие экипажи с кучером. Лейн стоял у кареты с бумагами под мышкой.

Они обменялись приветствиями. Толлер не видел брата больше месяца. За это время тот, судя по всему, изрядно сдал.

Король ожидал их в крохотном зальчике с единственным окном. Всю обстановку составляли стол и шесть стульев, один из которых занимал сам Прад, а рядом с ним, справа и слева, расположились Чаккел и Леддравор. Свободное шелковое одеяние короля дополнял висевший на груди большой синий самоцвет на стеклянной цепочке.

— Благодарю тебя за то, что ты откликнулся на мое приглашение, — начал король. — Как видишь, мы решили обойтись без формальностей. Надеюсь, это пойдет на пользу обсуждению.

Толлера немало удивил королевский тон. Похоже, Прад и впрямь стал думать о магистре лучше. Толлер посмотрел на Леддравора и испытал нечто вроде шока: принц не сводил с него презрительно-злобного взгляда.

— Я хочу поговорить о полете на Верхний Мир, — объявил король. — Помнится, ты утверждал, что такой полет осуществим.

— Совершенно верно, ваше величество. Вполне осуществим.

— Каким образом?

— С помощью очень больших аэростатов, ваше величество.

— Продолжай.

— Их подъемную силу придется увеличить газовыми реактивными двигателями, которые будут работать в условиях относительной невесомости. Кроме того, на заданной высоте реактивный двигатель развернет воздушный шар так, чтобы он опустился корзиной вниз. Повторяю, ваше величество, нам по плечу покорить Верхний Мир.

В зале воцарилась тишина. Пораженный услышанным, Толлер взглянул на брата. Лейн вовсе не казался изумленным. Должно быть, он давно осведомлен о планах Гло; а уж если Лейн полагает, что полет возможен, значит, так оно и есть на самом деле!

«У меня есть будущее», — подумал Толлер.

— Объясни поподробнее, магистр Гло, — произнес король. — Аэростаты, о которых ты упомянул, когда-нибудь проектировали?

— Их даже строили, ваше величество. В 2187 году. А в 2188-м ученый по фамилии Юсейдер предпринял попытку достичь Верхнего Мира.

— И получилось?

— Трудно сказать. Он не вернулся.

— Тебя не смущает расстояние? Ведь наши миры находятся в пяти тысячах миль друг от друга.

— Если быть точным, ваше величество, в четырех тысячах шестьсот пятидесяти.

— И сколько времени займет полет?

— К сожалению, пока я не могу ответить.

— Однако это крайне важно...

— Основное значение имеет скорость подъема. Однако приходится учитывать множество переменных величин. Мой старший математик проделал предварительные вычисления. Если позволите, я передам слово ему.

Трясущимися руками Лейн развернул лист бумаги, который держал под мышкой, и предъявил собравшимся схематические изображения двоичной планетной системы и разнообразных воздушных шаров с диковинными гондолами.

— Первый круг изображает нашу планету, диаметр которой 4 100 миль, — произнес он дрожащим голосом. — Второй круг изображает Верхний Мир. Его диаметр обычно принимают равным 3220 милям в точке над нашим экватором на нулевом меридиане, проходящем через Ро-Атабри. Планеты соприкасаются атмосферами...

— Все мы в детстве изучали астрономию и вряд ли успели ее забыть, — бросил Прад. — Ответь прямо: сколько времени займет путешествие с одной планеты на другую? Допустим, экипаж корабля состоит из двадцати человек, кристаллов вполне достаточно. Сколько понадобится такому кораблю, чтобы достичь Верхнего Мира?

— Двенадцать дней, ваше величество, — выдавил Лейн, сверившись со своими расчетами.

— Замечательно! — Прад со значением посмотрел на Леддравора и Чаккела. — А сколько потребуется зеленых и пурпурных кристаллов?

— Ваше величество, речь идет о полете в одну сторону?

— Да.

— В таком случае, ваше величество, потребуется по тридцать фунтов пикона и халвелла.

— Благодарю. Ты ценный человек, Лейн Маракайн.

— Ваше величество, я не понимаю, — запротестовал Гло. — С какой стати заправлять корабль горючим на перелет лишь в одну сторону.

— Сейчас поймешь. Мы говорим не об одном корабле, а о воздушном флоте численностью в... — король посмотрел на Лейна: — Помогай, старший математик.

— По-моему, ваше величество, тысячи будет вполне достаточно.

— Тысячи?! О чем вы говорите? Похоже, от меня что-то скрывают, — с обидой в голосе произнес Гло.

— Магистр Гло, — сказал Прад, — твой старший математик, кажется, умеет читать мысли. Интересно, как он догадался, что у меня на уме?

— Все равно ничего не понимаю, — пожаловался Гло.

— Нашей планете приходит конец.

Толлер вздрогнул как от удара. На какое-то мгновение ему стало страшно. Но страх пришел и ушел, уступив место восторгу перед неизведанным.

—Птерта становится все многочисленнее и агрессивнее, — продолжал король. — Никто не может поручиться, что в ближайшем будущем ее пыльца не станет еще ядовитее. Ро-Атабри находится в относительной безопасности, однако другие города и деревни постепенно вымирают. Наиболее уязвимы новорожденные, которые суть наше будущее. Вдобавок, перед нами маячит призрак голода. Сельскохозяйственные угодья уже не способны снабжать города продовольствием, хотя городское население сократилось чуть ли не вполовину. — Прад горько усмехнулся. — Кое-кто утверждает, что надо подождать, положиться на волю случая. Но Колкоррон стал великим именно потому, что никогда не ждал, а действовал. Когда нас теснили враги, мы укрывались в какой-нибудь крепости, собирали войска, а затем наносили ответный удар. Сегодня для нас такой крепостью может и должен стать Верхний Мир. Мы отступим, чтобы выиграть время и придумать, как раз и навсегда уничтожить птерту, чтобы рано или поздно вернуться на родную планету.

Толлера удивило, что королевская речь не произвела, по-видимому, никакого впечатления ни на Гло, ни на Лейна. Магистр застыл на стуле, точно изваяние, а Лейн упорно смотрел себе под ноги.

— Лейн Маракайн, — произнес король, — я вижу, ты снова прочел мои мысли?

Лейн поднял голову и твердо встретил взгляд короля.

— Ваше величество, — отозвался Лейн, вскинув голову, — даже когда наша армия была гораздо сильнее, мы избегали войны с Хамтефом.

— Чушь! — рявкнул принц Леддравор. — Я требую, чтобы...

— Леддравор, ты обещал! — Король в гневе повернулся к сыну. — Потерпи! Твое время на подходе.

Леддравор развел руками, откинулся на спинку стула и устремил взгляд на Лейна.

Толлер понимал чувства принца. Признаться, он тоже разозлился на брата. Интересно, где Лейн собирается найти такое количество кристаллов, которое потребуется для флота в тысячу кораблей? Подобные запасы существуют только в одном месте, а именно — в Хамтефе. Отныне Хамтеф и Верхний Мир — звенья одной цепи; они взаимосвязаны: покорить один значит покорить другой...

— Война с Хамтефом стала неизбежной, — проговорил король. — Что скажешь, магистр Гло?

— Ваше величество, я... — Магистр откашлялся и выпрямился на стуле. — Ваше величество, я всегда считал себя творчески мыслящим человеком, но с готовностью признаю, что от величия и масштаба ваших планов захватывает дух. Могу вас заверить, что справлюсь... — Он не докончил фразы, ибо король покачал головой.

— Мой дорогой магистр Гло, ты недостаточно здоров, — сказал Прад, — и с моей стороны будет нечестно возлагать на твои плечи такую ношу.

— Но, ваше величество...

— Не перебивай! — сурово произнес Прад. — Положение, в котором мы оказались, вынуждает меня пойти на крайние меры. Я отменяю прежнее сословное деление и распускаю королевский совет. Вся полнота власти переходит к принцу Леддравору, которому будет помогать принц Чаккел. Последнему поручается строительство воздушного флота. — Король сделал паузу, а когда заговорил снова, в его голосе не было ничего человеческого: — Все должны понять, что идти против желаний и требований принца Леддравора — преступление, равносильное государственной измене.

Толлер крепко зажмурился. Он знал, что, когда откроет глаза, увидит вокруг совершенно новый мир, в котором, может быть, не проживет и дня.

Глава 8

Заседание утомило Леддравора, и он надеялся расслабиться за обедом, но отец и за столом продолжал рассуждать о подготовке к полету. Поэтому Леддравор вздохнул с облегчением, когда трапеза кончилась, и король вышел на балкон с бокалом вина в руке.

— Проклятое стекло, — проворчал Прад и постучал по прозрачному куполу, покрывавшему балкон. — Совершенно нечем дышать.

— А без стекла ты уже вообще бы не дышал. — Леддравор показал на трех птерт, что неторопливо проплывали над куполом.

— Проклятая птерта, — буркнул Прад. — Мы ведь до сих пор так и не знаем, откуда берутся эти шары. Но когда-нибудь люди уничтожат их всех!

Леддравор кивнул и подумал, что лично его занимает не столько птерта, сколько будущее империи — великой империи размерами со всю планету; империи, которая покорит всех, в том числе и Хамтеф. Правда, теперь осуществление заветного желания неожиданно оказалось под угрозой: предстоял какой-то совершенно идиотский полет, не известно куда и зачем.

— Полагаю, ты выбрал себе в помощники Далакотта? — поинтересовался король.

— Он по-прежнему наш лучший тактик.

— Ему, должно быть, уже под семьдесят. И потом, у него умерли от птертоза невестка и внук, причем в один день. Не боишься, что Далакотт сдал?

— Ни чуточки, — ответил Леддравор. — Он из тех людей, которых не берут никакие напасти. Не то что эти олухи, Гло и Маракайн. Жду не дождусь, когда...

— Довольно! Поклянись, что не причинишь зла Гло и Маракайну. Я не хочу, чтобы наш род вспоминали недобрым словом.

Леддравор пожал плечами.

— Хорошо.

— Заодно обещай, что не тронешь брата Маракайна, того, который теперь помогает Гло.

— Этого болвана? У меня есть дела поважнее.

— Знаю. Но смотри, не перегни палку. — Прад осушил бокал до дна и собрался уходить. — Доброй ночи, сын.

Проводив отца, Леддравор вернулся на балкон со стаканом огненной падалской водки, сел на кожаную кушетку и угрюмо уставился в звездное небо, которое украшали своими султанами три крупные кометы.

Отец все еще лелеет надежду остаться в истории вторым Битраном и не желает понимать, что история скоро оборвется, закончится жалко и нелепо — как раз накануне расцвета Колкорронской империи.

«И я-то как раз теряю больше всех, — думал Леддравор, — я так и не стану королем».

Оптимизм — удел молодости, а все же король смотрит в будущее с уверенностью. Пессимизм — характерная черта старости, но именно Леддравор растравляет себя мрачными предчувствиями. В чем тут дело?

Принц запрокинул голову, чтобы допить последние капли водки, скользнул взглядом по небу — и внезапно понял.

Большой диск Верхнего Мира осветился почти полностью, по его лику как раз начала свой бег радужная полоса, за которой следовала тень Мира.

Приближалась глубокая ночь, во время которой планета погрузится в полную темноту.

Считается, что солдату страх неведом. Леддравор разделял эту точку зрения, вот почему он так долго не признавался себе и даже не догадывался, что за чувство скрывалось за мрачными мыслями.

Он боялся лететь на Верхний Мир!

Причем не просто страшился неизбежного риска, какой представляла собой встреча с неизведанным. Нет, его терзал первобытный, недостойный мужчины ужас. Вполне может случиться так, что во время полета он утратит самообладание — он, принц Леддравор Нелдивер...

Леддравор вскочил и швырнул стакан в стеклянный купол. Брызнули осколки.

Впервые в жизни узнать, что такое страх — и вовсе не на поле брани! Испугаться каракулей, нацарапанных на бумаге двумя слабоумными! В этом заключалась какая-то отвратительная ирония.

Леддравор глубоко вздохнул. Ярость понемногу отпустила, и вскоре его лицо приобрело привычное насмешливо-презрительное выражение.

Глава 9

— Уже поздно, — сказал Толлер. — Леддравор, наверно, не присядет.

— Поживем — увидим, — пробормотал Лейн и снова занялся своими бумагами.

Понимая, что брату не до него, Толлер подошел к одному из стеллажей со старинными рукописями из архивов Зеленой Горы, вытащил фолиант в кожаном переплете и посмотрел на название. На обложке значилось:

Мьюэл Уэрби. Полеты на аэростатах на дальний север.

После вчерашнего знаменательного совещания Толлер всерьез заинтересовался воздушными шарами; любопытство усиливал и почтенный возраст книги — лет пятьсот, не меньше. Каково приходилось в ту древнюю пору пилотам? Толлер открыл книгу посередине и начал читать. К сожалению, в книге речь шла больше о политике, чем о полетах. Он уже собирался поставить фолиант на место, когда ему попалось упоминание о птерте: «И далеко по левую руку от нас поднимались розовые шары птерты».

Толлер нахмурился.

— Лейн, тут сказано, что птерты розовые.

Лейн не поднял головы.

— Ты, наверно, неправильно прочел, должно быть «пурпурные».

— Нет, розовые.

— Книга написана не ученым, а путешественником, значит, в ней предостаточно неточностей. И потом, сколько прошло лет — смысл слова вполне мог измениться.

— Да, но... — Толлер почувствовал разочарование. — Значит, ты не думаешь, что раньше птерта была дру...

— Толлер! — Лейн отбросил ручку. — Не подумай, что я тебе не рад, но почему ты обосновался в моем кабинете?

— Извини. Я больше не буду тебе мешать.

— Подожди. Толлер, я хочу, чтобы ты запомнил следующее. Я убежденный пацифист и всячески избегаю насилия. Леддравор и ему подобные — люди прошлого, а мы представляем будущее. Поэтому я хочу, чтобы ты обещал, что не станешь вмешиваться, как бы Леддравор меня ни оскорблял. Дай мне слово, Толлер.

— Даю. Кстати говоря, ссориться с принцем мне не резон. Я хочу стать пилотом небесного корабля.

— Вот и хорошо. С твоего разрешения, я вернусь к работе.

— А я пойду посмотрю, как там мой хозяин.

Шагая по коридору, Толлер размышлял, почему Леддравор решил приехать в Квадратный Дом, а не в Башню к Гло. В переданном из дворца по солнечному телеграфу послании сообщалось лишь, что принцы Леддравор и Чаккел прибудут в дом до малой ночи для предварительного технического совещания, на которое также должен прибыть магистр Гло. Он спустился по главной лестнице и прошел в гостиную, где и застал магистра, который сидел за столом и читал какую-то книжку.

Внезапно за спиной послышались шаги. Толлер обернулся и увидел перед собой Джесаллу. Та смерила его холодным взглядом — очевидно, иного он, по ее мнению, не заслуживал — и обратилась к Гло:

— Магистр, у подъезда конюший принца Чаккела. Он сообщает, что принцы Чаккел и Леддравор поднимаются по дороге к дому.

— Спасибо, дорогая. — Гло закрыл книгу.

Толлер помог магистру встать. Они вышли в холл и увидели, что Лейн и Джесалла разговаривают с мужчиной лет сорока в щегольском, расшитом крошечными хрустальными бусинками костюме. На бедре у мужчины висела шпага.

— Я Канрелл Зотьерн, представляю принца Чаккела, — объявил он так величественно, словно сам являлся принцем. — Принц ожидает, что его будут встречать магистр Гло, члены семьи Маракайнов, и больше никто.

Толлер подвел Гло к Лейну и Джесалле. Он ожидал, что магистр одернет наглого придворного, однако старику, похоже, не было дела ровным счетом ни до чего.

— Эй, ты! Телохранитель! — рявкнул Зотьерн. — Оглох? Пошел отсюда!

— Мой помощник — член семьи Маракайнов и останется со мной, — спокойно сказал Гло. — Оказывается, старик все прекрасно слышал! — Между прочим, — прибавил магистр, — я что-то не помню, чтобы принцы Чаккел и Леддравор поделились властью, дарованной им королем, со своими прислужниками. Запомни это, лакей!

— Тысяча извинений, господин, — произнес Зотьерн со столь явной издевкой в голосе, что Толлер не выдержал. Левая рука словно сама собой метнулась вперед. Удар в плечо поверг Зотьерна на пол. Придворный немедленно вскочил и собрался было выхватить шпагу, но Толлер его опередил и ребром правой ладони рубанул Зотьерна по шее. Тот отлетел на несколько шагов, врезался в стену, упал и остался лежать неподвижно. Джесалла пронзительно вскрикнула.

— Что здесь происходит? — В парадную дверь вошел принц Чаккел, за которым следовали четверо охранников. Принц подошел к Зотьерну, наклонился, затем повернулся к Толлеру, который и не подумал отвести взгляд.

— Снова ты! — Смуглое лицо принца стало еще темнее. — Что это значит?

— Он оскорбил магистра Гло, — объяснил Толлер. — А потом и меня.

— Именно так все и было, — подтвердил Гло. — Поведение вашего слуги было совершенно непрости...

— Молчать! Довольно с меня дурацких выходок. Убейте его! — воскликнул Чаккел, показывая на Толлера.

Стражники выхватили из ножен мечи. Толлер попятился, уперся спиной в стену; солдаты выстроились полукругом и медленно приближались. Джесалла в ужасе прижалась к Лейну, Гло застыл, как вкопанный.

Внезапно в холле появился еще один человек. Принц Леддравор! Что ж, он прибыл как раз

вовремя, чтобы насладиться смертью Толлера Маракайна.

— Назад! — негромко произнес Леддравор. Стражники послушно отступили.

— Какого?!. — Чаккел повернулся к Леддравору. — Это мои охранники, они исполняют только мои приказы.

— Неужели? — с любопытством спросил Леддравор и щелкнул пальцами. Стражники замерли в неподвижности у стены.

— Ты не понимаешь! — кипятился Чаккел. — Этот мерзавец убил Зотьерна.

— Вот как? Безоружный Маракайн справился с вооруженным Зотьерном? Мой дорогой Чаккел, ты расплачиваешься за то, что окружаешь себя самодовольными болванами, которые ничего не смыслят в боевом искусстве. — Леддравор подошел к Зотьерну, посмотрел на него и хмыкнул. — Кстати, он еще жив. Верно, Зотьерн? — Принц пошевелил лежащего мыском сапога и улыбнулся. — Поскольку ты о нем столь высокого мнения, окажем Зотьерну честь — отправим по Яркой Дороге. Возможно, если бы он мог говорить, сам бы ее выбрал... Вам все ясно? — обратился Леддравор к стражникам.

Те торопливо подхватили Зотьерна и понесли наружу. Чаккел метнулся было за ними, но раздумал. Леддравор насмешливо похлопал его по плечу, опустил руку на рукоять своего меча, пересек холл и остановился перед Толлером.

— Зачем ты это сделал?

— Принц, он оскорбил магистра Гло и меня.

— Ясно. А каким образом ты его одолел?

— Ударил кулаком.

— Один раз?

— Больше не понадобилось.

— Понятно. Правда ли, что ты несколько раз пытался поступить на военную службу?

— Да, принц.

— В таком случае, я тебя обрадую, Маракайн, — сказал Леддравор, — ты уже в армии. Обещаю, что в Хамтефе ты получишь прекрасную возможность расстаться с жизнью, к чему, похоже, настойчиво стремишься. На рассвете доложишь о себе в Митхолдских Казармах.

Не дожидаясь ответа, Леддравор отвернулся и заговорил с Чаккелом. Между тем Толлер, который все еще прижимался спиной к стене, пытался овладеть собой. Впервые в жизни он убил человека; да, впервые, если не считать двоих бандитов, что как-то напали на него, когда он возвращался ночью домой. Они были в масках, лиц он не видел, поэтому не особенно переживал. Но сейчас... Сколько ужаса было в глазах поверженного Зотьерна!

Леддравор кончил совещаться с Чаккелом.

— Мы с принцем Чаккелом возьмем с собой Лейна Маракайна и уединимся в отдельной комнате, — объявил он. — Беспокоить нас категорически запрещается.

— У нас все готово, принц, — проговорил Гло. — Осмелюсь предложить вам...

— Не надо мне ничего предлагать, — перебил Леддравор. — Жди, пока тебя позовут, хотя я, признаться, не уверен, что твои услуги могут кому-то понадобиться. — Принц холодно посмотрел на Лейна. — Куда?

— Сюда, принц. — Лейн направился к лестнице. Как только трое мужчин скрылись наверху, Джесалла выбежала из холла, и Толлер остался наедине с Гло.

— Помоги мне вернуться в кресло, мой мальчик, — попросил Гло. — Жизнь не перестает преподносить сюрпризы, верно?

— Мне очень жаль, магистр. — Толлер пытался найти подходящие слова. — Я ничего не мог поделать.

— Не беспокойся. Ты поступил так, как подсказывало тебе сердце. Что же касается твоего будущего, боюсь, Леддравор вовсе не оказывает тебе благодеяния.

— Я сам ничего не понимаю. Когда он шел ко мне, я решил, что он собирается меня прикончить.

«Гло совершенно прав, — подумал Толлер. — Леддравор зачислил его в армию отнюдь не по доброте душевной. Принц наверняка надеется, что он погибнет не в первом, так во втором бою. Но почему в таком случае Леддравор остановил охранников Чаккела?»

В том, что мечта всей его жизни осуществилась именно тогда, когда уже начала превращаться в несбыточную, и таким странным образом, заключалась ирония судьбы. Утром доложить о себе в Митхолдских Казармах, а что дальше? Толлер вдруг сообразил, что совершенно не представляет своего будущего. Мироздание словно разлетелось на тысячи осколков. Леддравор... Армия... Хамтеф... Полет... Верхний Мир... Неизвестность... Чудовищный вихрь, увлекающий в неведомое...

Глава 10

Решение напасть на Хамтеф с запада приняли по географическим соображениям.

У западных пределов Колкорронской империи, несколько к северу от экватора, располагалась цепочка вулканических островов, которая оканчивалась необитаемым островом Олдок. Этот остров находился поблизости от берегов Хамтефа и мог служить промежуточной базой для морских сил Колкоррона. Кроме того, он густо порос стропильником и деревьями-каланчами, которые отлично защищали от птерты. А ее было в избытке — багровые шары стаями кружили над морем; правда, на транспорт они не нападали — ветер дул в противоположную сторону.

По мере приближения к Хамтефу утренний день становился все короче, а вечерний удлинялся, так как Верхний Мир перемещался от зенита к восточному краю горизонта. Наконец малая ночь слилась с основной, и стало ясно, что до Страны Долгих Дней буквально рукой подать.

Перво-наперво следовало захватить плацдарм. Командование колкорронской армии долго не могло поверить, что хамтефцев удалось застать врасплох: на берегу не было ни одного часового.

Вскоре разведчики обнаружили рощи бракки, и с того момента в тылу войск заработали команды корчевщиков.

Выпотрошенные из бракк зеленые и пурпурные кристаллы мешками грузили на морской транспорт — отдельно пикон, отдельно халвелл.

На двенадцатый день с начала вторжения был наконец-то замечен враг — воздушный корабль незнакомой конструкции. К тому времени авангард Третьей Армии вышел из заболоченного прибрежного района к возвышенности; с севера на юг протянулась гряда холмов, у подножия которых и встретили колкорронцев обитатели Страны Долгих Дней.

Облаченные в доспехи из бракки, они атаковали сразу со всех сторон, причем сражались не щадя ни врагов, ни себя. Вдобавок, колкорронцы попали под артобстрел: жители Хамтефа вовсю использовали различные пушки, мортиры и механические катапульты, которые швыряли пиконо-халвелловые бомбы.

Битва продолжалась почти до вечера. Естественно, хамтефцы не смогли устоять под натиском противника, в рядах которого было множество

закаленных в боях ветеранов. Колкорронцев погибло меньше тысячи, а враг получил вдвое больше потерь и вынужден был с позором отступить.

Теперь пехота двигалась под воздушным прикрытием. Сопротивления армия почти не встречала. Казалось, беспокоиться не о чем, но командиры не обольщались: они понимали, что война только началась.

Глава 11

Генерал Рисдел Далакотт откупорил пузырек с ядом и настороженно принюхался. Яд представлял собой концентрированную вытяжку из приворожника, растения, которое регулярно жуют женщины, не желающие забеременеть.

Этот яд, позволявший быстро и без мучений уйти из жизни, высоко ценился среди колкорронских аристократов, которые достаточно прохладно относились к традиционным способам самоубийства.

Далакотт вылил жидкость из пузырька в бокал с вином, помедлил — сделал пробный глоток.

Странное ощущение. Яд, несомненно, улучшил вкус дешевого вина, сделал его более пряным. Далакотт вновь пригубил вино, затем поставил бокал на стол. Слишком торопиться не следует, остается еще одно дело, которое необходимо закончить.

Он оглядел палатку. Всей мебели — узкая койка, дорожный сундучок, переносной столик и несколько складных стульев. Штабные офицеры, как правило, окружали себя роскошью, но Далакотт такого не допускал. Он всегда был солдатом, жил как подобает солдату, а умереть решил не от меча, а от яда, потому что, по собственному мнению, не заслуживал иной участи.

В палатке царил сумрак. Далакотт зажег фонарик и поставил на стол; генерал еще не привык к тому, что ночью нельзя читать без света. Войска продвинулись далеко на запад, за Оранжевую реку; Верхний Мир скрылся за горизонтом, суточный цикл в этой местности состоял из двенадцати часов непрерывного дневного света, за которыми следовали двенадцать часов полной темноты. Если бы Колкоррон размещался в этом полушарии, его ученые, наверное, давно разработали бы эффективную систему освещения.

Далакотт раскрыл дневник и принялся медленно перелистывать, как бы заново переживая все то, что в конце концов побудило его протянуть руку к пузырьку с ядом.

ДЕНЬ 84. Сегодня на штабном совещании принц Леддравор был в странном настроении. Я видел, что, несмотря на сообщения о тяжелых потерях на южном фронте, он возбужден и полон надежд. Чуть ли не через слово он повторял, что здесь практически нет птерты. Делиться своими мыслями с кем бы то ни было Леддравор не склонен, поэтому могу лишь высказать догадку: принц не желает переселяться на Верхний Мир. Иначе как объяснить его слова: мол, в крайних мерах пока нет необходимости, если птерта и впрямь по каким-то непостижимым причинам избегает Страны Долгих Дней. Нужно всего-навсего покорить Хамтеф, перенести сюда столицу и перевезти оставшееся население.

ДЕНЬ 93. Для солдат полезно, что эта страна богата природным сырьем, особенно браккой и съедобными злаками. Они все время по ошибке принимают за вражескую канонаду или бомбардировку пыльцевые залпы бракки, следовательно, ни на секунду не утрачивают бдительности. Энергетических кристаллов у нас в избытке, люди сыты, хотя хамтефцы и стараются сжигать посевы, которые им приходится оставлять.

Этим занимаются хамтефские женщины и дети, даже совсем крохотные. Численность нашей армии невелика, поэтому принц Леддравор приказал пленных не брать — дескать, охранять их все равно некому. Признаться, никогда не думал, что стану на старости лет мясником. Солдаты, естественно, выполняют приказ, но отводят душу вечерами, устраивая шумные попойки.

Одно дело — приобщать к благам цивилизации грубые, невежественные племена, и совсем другое — уничтожать великую нацию, единственным преступлением которой является рачительное и экономное обращение с природными запасами бракки.

У меня никогда не было времени на религию, но теперь, впервые в жизни, я начинаю постигать смысл слова «грех»...

Далакотт оторвался от дневника и взял в руку бокал. Ему казалось, множество людей зовет его из-за барьера, который разделяет мертвых и живых — Ториэйн, Эйфа Маракайн, Одеран, Конна Далакотт и маленький Хэлли...

Сам того не сознавая, Далакотт опустил правую руку в карман и нащупал странный предмет, который нашел на берегу Бес-Ундара много-много лет назад. Круговым движением большого пальца он погладил зеркальную поверхность и вернулся к дневнику.

ДЕНЬ 102. Как объяснить козни судьбы? Сегодня утром начал подписывать наградные листы с объявлениями благодарности (откладывать дальше было невозможно) и обнаружил, что в одной из частей под моим командованием числится рядовой Толлер Маракайн! Оказалось, его, несмотря на то, что он из новобранцев, уже трижды представляли к медали за доблесть.

Возможно, семейство Маракайнов использовало личные связи, чтобы помочь Толлеру сделать карьеру. Хотя какая там карьера! До чего мы дожили — военные не только принимают в свои ряды посторонних, но и швыряют их в самое пекло!

Я сделаю все, что смогу, чтобы повидать сына. Встреча с Толлером будет единственным светлым пятном в беспросветном мраке этой преступной войны.

ДЕНЬ 103. Несколько дней назад разведывательные воздушные шары заметили большую стаю птерты, дрейфовавшую в направлении экватора. По мнению ученых, птерта двинулась на юг, чтобы воспользоваться попутным ветром, которая перенесет ее далеко на запад, а затем вновь на север, в Хамтеф.

Я никогда не верил в теорию разумности шаров, но если они и вправду способны «оседлать ветер», значит, действительно обладают зачатками сознания. Вероятно, у них имеется некий общий разум, как у муравьев и некоторых других насекомых, однако отдельные особи мыслить не в состоянии.

ДЕНЬ 106. Мечтам о мире, в котором нет птерты, конец. Воздушная разведка Первой Армии засекла шары. Они приближаются с юга к Адрианскому побережью. Поступило также достаточно странное сообщение с передовой: двое рядовых утверждают, что видели птерту бледно-розового цвета. Шар якобы подлетел к позиции шагов на сорок, затем взмыл в небо и двинулся на запад. Непонятно... Что бы это могло значить?

ДЕНЬ 109. Как выяснилось, я ошибался относительно птерты, полагая, что жителям Хамтефа она не страшна (я не раз замечал, что они не обращают на шары в небе ни малейшего внимания).

Принц Леддравор, который, как известно, предпочитает не рассуждать, а действовать, приказал провести эксперимент. На открытой местности в качестве приманки оставили две группы — пленных хамтефцев и наших раненых, у которых было мало шансов на выздоровление. Вскоре появилась птерта. Колкорронцы, несмотря на ослабленное состояние, сопротивлялись смерти целых два часа, а злополучные хамтефцы умерли почти мгновенно.

Чем объясняется эта странность?

Кое-кто утверждает, что хамтефцы слабы от природы, следовательно, более уязвимы для различных болезней. Но я полагаю, что истина гораздо глубже; кстати, вот какую идею выдвинули наши медицинские советники. Они считают, что имеются две разновидности птерты. Пурпурная, наша старая знакомая, ядовита, а розовая, обитающая в Хамтефе, относительно безобидна.

За столетия войны с птертой, говорят советники, уничтожены миллионы шаров, и все население Колкоррона благополучно наглоталось пыли,. что отчасти увеличило наш иммунитет к яду. У хамтефцев же иммунитета нет и в помине, чем и объясняется их быстрая гибель.

Далакотт оторвался от чтения и взглянул на часовую трубку. Жук внутри трубки приблизился к восьмому делению. Что ж, время сводить последние счеты с жизнью.

Генерал пробежал глазами последнюю страницу дневника. Эту запись он сделал много дней назад, после чего отказался от, казалось бы, въевшейся в сознание привычки — записывать дела и мысли каждого дня.

ДЕНЬ 114 Война окончена. Мы победили. Нам помогла птертовая чума.

Ей понадобилось всего-навсего шесть дней, чтобы прикончить миллионы людей. Настоящий геноцид!

Теперь мы — полноправные хозяева целого континента бракки и зеленых и пурпурных кристаллов.

Мне довелось пролетать над городами, поселками, деревушками, фермами, где не осталось ничего живого Хамтефская архитектура впечатляет, но восхищаться ею приходится издалека Зловоние от разлагающихся трупов поднимается на изрядную высоту ..

Мы больше не солдаты.

Мы разносчики чумы.

Мы и сами чума.

Мне больше нечего сказать.

Глава 12

В ночном небе над Хамтефом нет Верхнего Мира, и потому оно менее яркое, чем над Колкорроном. Зато через весь небосвод протянулась огромная светящаяся спираль, в которой искрятся бесчисленные белые, голубые и желтые алмазы звезд. Толлер Маракайн, стоявший на берегу Оранжевой реки, видел отражение этой спирали в темной воде. Зрелище впечатляло, однако Толлеру было не до красот природы. Он ломал голову над вопросом, зачем, собственно, понадобился генералу Далакотту?

Пару дней назад командир батальона приказал ему явиться в штаб. Там Толлера ожидали несколько офицеров, в том числе генерал-адъюнкт Ворикт, который сообщил, что генерал Далакотт хочет лично вручить лейтенанту Маракайну медаль за доблесть. В ходе разговора офицеры, явно воспринимавшие желание генерала как пустую прихоть, исподволь старались выспросить у Толлера, чем он заслужил такую честь, но ничего не добились, поскольку он и сам этого не понимал.

— Лейтенант Маракайн, генерал ждет, — проговорил, подойдя к Толлеру, какой-то юный капитан.

Толлер козырнул и двинулся следом за капитаном к генеральской палатке. Вскоре он уже стоял, вытянувшись в струнку, перед худощавым, суровым на вид мужчиной, который выглядел удивительно молодо для человека с пятьюдесятью годами воинской службы за спиной. Возраст выдавали только глаза.

— Садись, сынок, — сказал генерал. — Потолкуем, как говорится, по душам.

— Благодарю вас, сэр. — Теряясь в догадках, Толлер занял указанный стул.

— Я пролистал твое личное дело. Ты в армии недавно. Скажи, что заставило тебя, бывшего ученого, взяться за оружие?

— Меня зачислил в армию принц Леддравор.

— Вы с принцем друзья?

— Вряд ли я достоин подобной чести, сэр. — Толлер позволил себе усмешку.

— Ясно. — Далакотт улыбнулся в ответ. — Итак, менее чем за год ты дослужился до лейтенанта...

— Вы же знаете, на передовой выбиться в офицеры достаточно просто. Если все старшие по званию погибли...

— Ясно, — повторил Далакотт. — Как тебе понравится вот это? — Генерал вручил Толлеру три медали за доблесть, которые представляли собой круглые кусочки бракки, инкрустированные белым и красным стеклом, и откинулся на спинку стула, изучая реакцию лейтенанта.

— Благодарю вас, сэр. — Толлер пощупал диски и убрал их в карман.

— Не стоит, сынок. Скажи, армейская жизнь не обманула твоих ожиданий?

— Стать военным я мечтал с детства, но...

— Но не ожидал, что настоящая война настолько уродлива, верно?

Толлер посмотрел генералу в глаза.

— Сэр, я не понимаю, зачем вы меня вызвали.

— Пожалуй, для того, чтобы подарить тебе вот это. — Далакотт разжал правую руку и положил на ладонь Толлеру диковинный предмет.

Предмет оказался неожиданно тяжелым. Толлера поразил блеск полированной поверхности — так блестит на рассвете море, когда дробятся в волнах лучи солнца.

— Что это? — спросил Толлер.

Далакотт покачал головой.

— Не знаю. Много лет назад я нашел его на берегу Бес-Ундара, и никто до сих пор так и не смог объяснить, что это такое.

Внезапно большой палец Толлера сам собой принялся описывать круги по гладкой поверхности предмета.

— А почему вы мне его дарите, сэр?

— Потому что он в свое время свел меня с твоей матерью.

В палатке воцарилось молчание. Толлер пытался осознать услышанное, а генерал сидел и смотрел на сына.

— Не знаю, что и сказать, — признался наконец Толлер. — Все случилось настолько неожиданно... и поздно.

— Ты еще не знаешь, насколько поздно. — Далакотт поднес к губам бокал с вином. — У меня были достаточно веские причины, чтобы хранить тайну. Но теперь... Ты не обнимешь меня... как обнимают отца?

Толлер обнял Далакотта — и тут уловил исходивший от него пряный аромат. Что-то заставило его посмотреть на генеральский бокал. На глаза внезапно навернулись слезы.

Далакотт невозмутимо продолжил разговор.

— Что ты намерен делать дальше? Колкоррон в союзе с птертой одержал славную победу. Сражаться больше не с кем.

— Честно говоря, не знаю.

— Неужели ты ни о чем не мечтаешь?

— Я хотел бы повести корабль на Верхний Мир, — сказал Толлер. — Но, по-моему, это пустая греза.

— Почему же? У тебя влиятельная семья.

— Мой брат — главный советник принца Леддравора по небесным кораблям, но принц ненавидит его почти так же сильно, как меня.

— Ты действительно хочешь пилотировать небесный корабль? Подняться в небеса на тысячи миль? Доверить свою жизнь шару, веревкам и кусочкам дерева?

— А почему бы нет? — удивился Толлер.

— Поистине новый век выдвигает новых людей, — тихо сказал Далакотт самому себе. — Что ж, тебе пора. Я имею кое-какое влияние на Леддравора, а командующий Воздушными Силами — мой хороший приятель. Если у тебя есть способности, ты станешь пилотом небесного корабля.

— Я снова не знаю, что сказать, отец...

— Не надо ничего говорить, сынок. Поверь, я любил твою мать и... — Далакотт вдруг замолчал и огляделся по сторонам, словно заподозрил, что в палатку проник посторонний.

Толлер встревожился.

— Тебе плохо?

— Пустяки.

— Может, тебе лучше лечь?

— Ступай, лейтенант.

Толлер откозырял, вышел из палатки, обернулся и увидел, как отец взял ручку и начал писать.

Из глаз хлынули слезы. Сколько уместилось в одну ночь! И радость, и печаль, и боль...

Глава 13

Ночь как всегда принадлежала птерте.

Марин Ибблер служил в армии с пятнадцати лет и, подобно многим старослужащим колкорронской армии, приобрел нечто вроде инстинкта, который позволял безошибочно определять приближение птерты.

Неудивительно, что именно он первым заметил перемену, случившуюся с заклятыми врагами империи.

Ибблер стоял на посту в лагере Третьей Армии с двумя молодыми часовыми, которые долго и нудно плакались по поводу скудного пайка. Пост находился около внутреннего экрана, за которым тянулась тридцатиярдовая буферная зона, а дальше располагался внешний экран. Через сетки виднелись плодородные поля Миддака, над которыми нависал диск Верхнего Мира. Внезапно Ибблер уловил краем глаза какое-то движение и сразу понял — птерта. Поскольку за двойным экраном часовым ничто не угрожало, Ибблер как ни в чем не бывало продолжал разговор, однако стал то и дело поглядывать на небо.

Вскоре показались новые шары; всего их оказалось восемь. Они проплыли с юго-востока на северо-запад и скрылись из виду. Ибблер ждал, когда птерта снова появится в поле зрения. Шары непременно должны были наткнуться на внешний экран.

Однако время шло, а шары не показывались. Молодые товарищи Ибблера, с которыми тот поделился своей тревогой, предположили, что птерта — если то и впрямь была птерта, а не плод его воображения — попала в восходящий воздушный поток. Ибблер не стал возражать, хотя и подумал, что вблизи людских поселений птерта обычно держится над самой землей.

На следующее утро нашли пятерых мертвых землекопов. Солдат, который обнаружил трупы, тоже умер, как умерли и двое его приятелей, к которым он в страхе прибежал.

Ибблер, который прикинул, что хижина землекопов находится по ветру, что задувал ночью со стороны лагеря, добился разговора с командиром. Он высказал догадку, что шары, натолкнувшись на внешний экран, лопнули все разом, из-за чего возникло облако ядовитой пыльцы настолько плотное, что сумело преодолеть тридцатиярдовую буферную зону. Командир воспринял идею Ибблера весьма скептически, однако события последующих дней подтвердили правоту бывалого воина. Вспышка птертовой чумы унесла сотни жизней, и лишь тогда власти поняли, что война между Колкорроном и птертой вступила в новую фазу.

Буферные зоны стали делать вдвое шире, но и это не гарантировало безопасности. Пыльце птерты, чтобы преодолеть любые заслоны на своем пути, достаточно было, как вскоре выяснилось, даже легкого ветерка. Раньше хоть как-то выручал порывистый, переменчивый ветер, однако теперь и он не мог разогнать большие скопления птерты. Численность населения империи быстро сокращалась — как от чумы, так и от голода, поскольку сельскохозяйственное производство падало не менее стремительно.

Из Хамтефа в Ро-Атабри по-прежнему доставляли в огромных количествах энергетические кристаллы, однако тем, кто их добывал, приходилось несладко. Солдатам пяти армий, которые овладели Страной Долгих Дней, запретили возвращаться на родину, чтобы они не занесли в Колкоррон очередную эпидемию.

Принц Леддравор теперь прекрасно сознавал, что, по большому счету, сопротивляться бесполезно. Поначалу он не хотел переселяться на Верхний Мир, попросту боялся этого переселения, но выхода не оказалось, и страх отступил перед неизбежностью. Принц стал уделять повышенное внимание строительству небесного флота, всем своим поведением давая понять — будущее Колкоррона отныне связано исключительно с Верхним Миром.

Глава 14

— Судя по сообщениям наблюдателей, в пределах ближайших пятидесяти миль птерты нет и пока не предвидится, — сообщил главный инженер экспериментальной эскадрильи небесных кораблей Вато Армдюран. — Однако ветер мог бы быть и послабее.

— Если мы станем ждать идеальных условий, то никогда не взлетим. — Заслонив глаза ладонью, Толлер взглянул на небо. Широкий световой клин на диске Верхнего Мира указывал время — разгар утреннего дня.

— Все равно, осторожность не помешает.

Толлер улыбнулся.

— Не поздновато ли для наставлений?

— Если ты погибнешь, отвечать, между прочим, придется мне, — язвительно заметил Армдюран.

— Ради вашего благополучия обещаю остаться в живых. — Толлеру пришлось повысить голос, чтобы перекричать шум в ангаре. Рабочие деловито крутили большой вентилятор. Его шестерни и деревянные лопасти непрерывно стучали, загоняя холодный воздух в баллон небесного корабля, находившийся на некотором удалении от гондолы. Таким образом внутри баллона создавалось свободное пространство, предназначенное для горячего газа маглайна; оболочка из холодного воздуха, по замыслу конструкторов, должна была помешать маглайну прожечь стенки баллона.

Квадратную гондолу величиной со средних размеров комнату полностью загрузили всем необходимым На борту имелись горючее, съестные припасы, а также мешки с песком, общий вес которых соответствовал весу шестнадцати человек. Около гондолы стояли трое товарищей Толлера по предстоящему путешествию.

Предстартовая суета помогла Толлеру отвлечься от печальных мыслей, связанных со смертью магистра Гло — старика, который в последнее время окончательно превратился в развалину, похоронили накануне. Да и прощание с братом как-то не настраивало на веселый лад. Впрочем, это все уже позади...

Послышался цокот копыт. Толлер обернулся. В ангар въехал принц Леддравор, следом вкатился открытый экипаж принца Чаккела. Леддравор оделся как на парад: белая кираса, на бедре боевой меч, на левом предплечье метательный нож в ножнах. Принц спешился, огляделся по сторонам и неторопливой походкой направился к Армдюрану с Толлером.

Когда Толлер служил в армии, он Леддравора не встречал, а по возвращении в Ро-Атабри видел только издали. За это время принц постарел: черные волосы тронула седина, тело отчасти утратило прежнюю стройность.

— Что ж, Маракайн, — проговорил Леддравор, приветствуя инженера и пилота небрежным кивком, — со времени нашей последней встречи ты многого добился. Надеюсь, это научило тебя не лезть в бутылку.

— Спасибо на добром слове, принц, — отозвался Толлер, пытаясь догадаться, в каком Леддравор настроении.

— Человек, который поведет первый корабль на Верхний Мир. Это большая честь, Маракайн, и ты вполне ее заслужил. Знаешь, некоторые говорили, что ты слишком молод, что пилотом надо назначить опытного офицера, но я быстро прекратил эти разговоры. В учебе ты показал лучшие результаты среди всех курсантов, на тебя не будет действовать сила привычки, которая наверняка подчинила бы себе любого из нынешних воздушных капитанов. К тому же тебе не занимать мужества, поэтому я и решил, что в испытательном полете пилотом будешь ты. Что скажешь?

— Большое спасибо, принц, — поблагодарил Толлер.

— За что? — На лице Леддравора промелькнула ухмылка, та самая, от которой собеседников принца обычно бросало в дрожь. — Ты просто пожинаешь плоды своих трудов.

Эта улыбка принца позволила Толлеру понять, что ничего не изменилось, что Леддравор попрежнему смертельный враг, он ничего не забыл и не простил и явно жаждет крови Толлера.

Он надеется, что полет будет неудачным! Надеется, что корабль не вернется! Внезапно Толлеру стало жаль принца. В самом деле, человека, жизнь которого до такой степени отравлена злобой и ненавистью, можно только пожалеть.

Леддравор пристально поглядел на Толлера, кивнул и повернулся к кораблю. Наполненный на три четверти баллон трепыхался между опорами и походил на выброшенное на берег морское чудовище со шкурой из пропитанного лаком полотна.

— Если не ошибаюсь, — произнес Леддравор, — тебе пора, Маракайн.

Толлер откозырял принцу, похлопал по плечу Армдюрана и побежал к гондоле. По его сигналу в гондолу забрались остальные члены экипажа: второй пилот и «летописец» экспедиции Завотл, механик Рилломайнер и техник по такелажу Фленн. Толлер занял место около системы управления горелкой.

Основной деталью горелки служил ствол молодого дерева бракки. Слева от утолщенного основания помещалась небольшая загрузочная воронка с пиконом, снабженная пневматическим клапаном, через который кристаллы поступали в камеру сгорания. Справа аналогичное устройство контролировало подачу халвелла; обоими клапанами управлял один рычаг. Проход в правом клапане был чуть шире, в результате халвелла подавалось больше; инженеры утверждали, что это обеспечивает ровную тягу.

Толлер махнул рукой бригадиру рабочих, что суетились вокруг гондолы. В ангаре сразу стало тише. Толлер осторожно переместил рычаг управления клапанами на одно деление вперед. Раздался оглушительный рев — энергетические кристаллы выстрелили залпом горячего газа в разверстую пасть баллона. Огромный баллон начал надуваться. Теперь готовый к полету корабль удерживал на земле только якорь. И вот наступил торжественный момент (который захваченный работой Толлер, к сожалению, прозевал): якорь отцепили, и шар взмыл в небо.

Поначалу подъем проходил плавно, но едва корабль угодил в восходящий воздушный поток, он столь стремительно рванулся вверх, что Рилломайнер громко охнул.

Остались внизу ангары, толпа зрителей, среди которых Толлер легко различил по белой кирасе Леддравора, деревья, окружавшие по периметру летное поле...

— Записывай, — обратился Толлер к Илвену Завотлу. — Стартовать следует при скорости ветра не более десяти миль в час. Кроме того, необходимо срубить все деревья.

Толлер оглядел гондолу, проверяя, все ли в порядке. Рилломайнер (его, судя по всему, слегка укачало) устроился на мешках с песком в пассажирском отсеке. Фленн, весело посвистывая, сидел на перилах гондолы и поглаживал пушистого карбла по кличке Тинни, с которым ни за что не желал расставаться; в итоге Толлеру пришлось уступить, и на корабле появился пятый член экипажа.

Корабль продолжал уверенно подниматься над пригородами Ро-Атабри. Сети противоптертовых экранов совершенно преобразили столицу, однако некоторые здания и сооружения вполне можно было узнать. К примеру, королевский дворец. «Должно быть, — подумалось Толлеру, — король Прад сейчас глядит не отрываясь на этот воздушный шар — свою надежду на будущее».

Внезапно Толлер заметил в небе красную точку.

— Рилломайнер, поднимайся, — скомандовал он. — Пора отрабатывать жалованье за полет.

Механик кое-как выбрался из пассажирского отсека.

— Простите, капитан, у меня нелады с желудком.

— Если не хочешь, чтобы тебе действительно стало плохо, становись к пушке. К нам, кажется, скоро пожалует гость.

Рилломайнер выругался и направился к ближайшей пушке. Завотл и Фленн между тем уже заняли боевые посты. На каждом углу гондолы были установлены по два противоптертовых орудия: стволы из тонких полос бракки, свернутых в трубки и скрепленных смолой. Под каждой пушкой имелись стеклянные энергокапсулы и магазины со снарядами новейшего типа — пучками деревянных лезвий на шарнирах. Теперь от стрелков требовалось целиться гораздо тщательнее, зато они получили возможность уничтожать врага на значительно большем расстоянии.

— Следи за птертой, — велел Толлер Завотлу, —

кажется, она держится на одном с нами уровне. Я хочу выяснить, на какую высоту она способна подняться.

— Хорошо, капитан. — Завотл взял бинокль и поднес его к глазам.

Толлер оглядел свои небольшие владения и попытался представить, насколько тесно будет на борту при полном экипаже в двадцать человек плюс восемнадцать пассажиров, для которых имелись два отсека, расположенные на противоположных сторонах гондолы. Похоже, во время перелета достанется всем без исключения.

В одном из углов гондолы разместился камбуз, а в противоположном по диагонали — примитивный туалет, просто дыра в полу. В центре корзины находились горелка и реактивный двигатель. Все оставшееся пространство заполняли емкости с пиконом и халвеллом, еда, канистры с водой и ящики с инструментами.

Баллон был гораздо больше гондолы. Его полотняная оболочка была окрашена в темно-коричневый цвет для того, чтобы поглощать солнечное тепло, увеличивая тем самым подъемную силу. Черные ленты оплетки и швы выглядели, как сетка на глобусе.

Возле места пилота имелся крюк, от которого тянулся вверх, к макушке баллона, красный канат. С его помощью можно было сорвать верхнюю часть оболочки, что могло понадобиться, к примеру, при посадке на сильном ветру. Кроме того, этот канат служил чем-то вроде определителя скорости. Когда баллон сталкивался с встречным воздушным потоком, натяжение каната сразу ослабевало. Толлер пощупал канат и прикинул, что скорость шара составляет около двенадцати миль в час.

Минули первые полчаса полета. Корабль поднялся выше вершины горы Опелмер. На юге виднелась провинция Кейл; сады и поля фермеров блестели, как мозаика из разноцветных кубиков. На западе лежало Отоланское море, а на востоке, на голубом просторе Мирлгиверского океана, белели паруса кораблей. На севере возвышались светло-коричневые скалы Горного Колкоррона. Далеко внизу сверкали крошечные искорки: то были торговые воздушные шары.

Лицо Мира с высоты шести миль казалось безмятежным и прекрасным. Но залитая ласковым солнечным светом планета на самом деле представляла собой поле боя, который человечество проиграло. И подтверждением тому служило весьма незначительное число парусных судов и воздушных кораблей.

Толлер нащупал странный тяжелый предмет, подарок отца, и по привычке погладил большим пальцем блестящую поверхность. Интересно, подумалось ему, если бы обстоятельства сложились иначе, сколько бы понадобилось времени, чтобы организовать экспедицию на Верхний Мир? Да, если бы не надо было убегать от птерты... Толлер поискал взглядом красный шар, который недавно заметил в небе. Тот находился на прежнем расстоянии и, что было куда важнее, поднимался с той же скоростью, что и корабль. Неужели птерта и впрямь разумна? А если так, почему она воюет только с людьми?

Завотл, опустив бинокль, сообщил:

— Она, кажется, увеличилась в размерах.

Толлер поднес к глазам свой бинокль.

— Трудно сказать.

— Скоро малая ночь, — заметил Завотл. — Честно говоря, мне становится как-то не по себе при мысли, что эта тварь будет ошиваться рядом с нами в темноте.

— Она не сможет к нам приблизиться, поскольку ветра практически нет.

— Надеюсь, вы правы, — мрачно ответил Завотл.

Толлер решил подрегулировать тягу и немного увеличить скорость подъема. Вскоре та возросла до восемнадцати миль в час.

Фленн подал еду, приготовленную, по счастью, не из консервов, а из ограниченного запаса свежих продуктов. Мясо под соусом, бобы и блинчики с горячим зеленым чаем. От черной камеры сгорания исходило тепло, из камбуза доносились вкусные запахи; гондола превратилась в уютный домашний оазис в лазурной пустоте.

Посреди трапезы с востока накатила малая ночь. Друг за другом пробежали все цвета радуги, затем наступила полная темнота, но когда глаза привыкли к ней, небеса вокруг ожили и засверкали.

Толлер видел таинственно светящиеся веера комет и бесчисленные звезды. Тишину нарушало разве что поскрипывание веревок, по небосводу чертили свои быстро исчезающие письмена метеоры.

Внизу, под кораблем, раскинулась кромешная тьма, как будто люди уже покинули Мир; внезапно у горизонта на западе возникли разноцветные полосы — красные, зеленые, фиолетовые. Они становились все ярче, непрерывно увеличиваясь в размерах, и вдруг со скоростью, от которой замерло сердце, по поверхности планеты, выхватив на секунду из мрака океан и сушу, промчался луч света. Терминатор, граница ночи и дня. Луч миновал воздушный корабль, и Толлер, который почему-то весь напрягся, словно ожидал столкновения, облегченно вздохнул.

Завотл встал, вгляделся в темноту.

— Что скажете о нашей птерте, капитан? Она и впрямь разбухла или просто приблизилась?

— Возможно и то, и другое, — ответил Толлер, наводя бинокль на птерту. — Чувствуешь, корабль покачивает? Наверно, после малой ночи нас колеблет холодный воздух. Может, от этого птерта и подплыла поближе.

— Она держится на одном уровне с нами, хотя мы изменили скорость подъема.

— Да. Мне кажется, мы ей зачем-то нужны.

— А вот мне нужно кое-что другое! — объявил Фленн и проскользнул мимо Толлера к туалету. — Я намерен первым испытать небесную канализацию.

— Смотри, не провались в дыру, — посоветовал Рилломайнер.

Птерта лопнула неожиданно. Разбухший шар внезапно исчез, не было видно даже облака пыльцы. Толлер не сомневался, что с одной птертой они бы справились запросто, однако был рад, что все закончилось именно так. В конце концов, хлопот им хватало и без птерты.

— Отметь, что птерта лопнула по собственной инициативе, — с усмешкой сказал он Завотлу и прибавил: — А случилось это приблизительно через четыре часа после старта, как раз когда Фленн воспользовался туалетом. Возможно, конечно, что никакой связи тут нет, но все же...

Толлер проснулся вскоре после рассвета. Его разбудили голоса товарищей, оживленно о чем-то споривших рядом с горелкой.

— Вы только посмотрите, капитан, измеритель высоты действительно работает! — воскликнул Завотл.

Толлер поднялся с мешка, на котором худо-бедно продремал полночи, и подошел к Завотлу. Тот показывал на крохотный столик с миниатюрным прибором, что состоял из вертикальной шкалы, к верхней части которой на тонкой, как волос, пружинке из стружки бракки подвесили грузик. Про-

шлым утром, в начале полета, грузик находился напротив нижней метки шкалы, а теперь поднялся на несколько делений. Толлер внимательно осмотрел прибор.

— Кто-нибудь его трогал?

— Никто, капитан, — заверил Завотл. — Выходит, все, что нам говорили, правда. Чем выше, тем меньше вес.

— Естественно, — отозвался Толлер, покривив душой: ничего «естественного» для него не было и в помине, поскольку даже после разговора с Лейном, когда брат усиленно пытался втолковать, что к чему, он не особенно в это поверил.

— Значит, через пару-тройку дней мы вообще ничего не будем весить и сможем плавать по воздуху как... как птерта! Верно, капитан?

— Какую высоту он показывает?

— Триста пятьдесят миль.

Толлер подошел к борту. У него чуть было не закружилась голова. Такой планету еще никто не видел — огромная, круглая, выпуклая, наполовину темная, наполовину покрытая искрящимся голубым океаном и окрашенными в нежные тона континентами и островами.

«Если бы вы стартовали с Хамтефа, то улетели бы в открытый космос, — словно наяву услышал Толлер голос Лейна. — А так вы вскоре достигнете средней зоны — вообще-то она немного ближе к Верхнему Миру, чем к нашему; там притяжение двух планет взаимно уничтожается. В нормальных условиях гондола тяжелее баллона, и корабль обладает устойчивостью маятника. Но когда ни баллон, ни гондола не будут иметь веса, корабль утратит устойчивость, и вам придется запустить боковые реактивные двигатели».

Толлер понял, что мысленно брат уже совершил этот полет, и все, о чем он говорит, обязательно произойдет. Лейн Маракайн и другие ученые разметили воздушную дорогу, и следовало лишь обращать внимание на вехи...

К ночи грузик на измерителе высоты поднялся почти до середины шкалы, и то, что сила тяжести непрерывно уменьшается, стало очевидно для всех.

Предметы, которые роняли, падали гораздо медленнее. Рилломайнер дважды просыпался с криком; у него было полное ощущение, что он свалился за борт.

Толлер велел всем членам экипажа привязаться веревками. Ведь одно-единственное неосторожное движение может привести к тому, что человек окажется за бортом.

Несмотря на уменьшение веса, подъем несколько замедлился. Лейн предупреждал, что так оно и будет, причина в том, что, чем выше поднимаешься, тем холоднее становится воздух и тем быстрее остывает газ в баллоне. Загрузочные воронки на горелке все чаще приходилось пополнять кристаллами; и хотя топлива взяли достаточно, Толлер слегка забеспокоился: что произойдет на высоте тысяча триста миль? Там вес корабля, который убывает пропорционально квадрату расстояния, составит всего четверть от обычного; чтобы расходовать поменьше кристаллов, в зоне нулевой гравитации надо будет, пожалуй, перейти на реактивную тягу.

Толлер приобрел привычку подолгу стоять, облокотившись о перила гондолы, словно впадая в транс, и глядеть куда-то в пространство, благоговейно взирая на окружающее. Верхний Мир находился прямо над шаром, но его закрывала громада баллона, а родная планета постепенно скрывалась в дымке, знакомые очертания расплывались, делались непередаваемо зыбкими...

На третий день полета небо стало темно-синим, на нем высыпали мириады звезд, число которых возрастало чуть ли не ежесекундно.

Как-то, стоя у борта, Толлер увидел, как под кораблем чиркнул по небу метеор, прочертивший огненную прямую из бесконечности в бесконечность. Через несколько минут послышался звук наподобие громового раската — глухой и печальный. Остальные члены экипажа спали, чему Толлер искренне обрадовался: почему-то ему не хотелось ни с кем делиться своими чувствами.

Подъем продолжался, Завотл вел подробные записи.

Ученые утверждали на основании теоретических выкладок и сведений, полученных от участников разведывательных экспедиций в верхние слои атмосферы, что безвоздушного пространства, которое отделяло бы Мир от Верхнего Мира, не существует, поскольку планеты соприкасались атмосферами. Хотя воздуха на большой высоте будет меньше, хотя это утверждение следовало проверить.

На третий день полета Толлер ощутил, что дышать стало труднее. Ученые снова оказались правы. Однако вскоре выяснилось, что кое-чего они не учли.

Мудрецы, включая Лейна, в один голос заявляли, что в разреженном воздухе температура повысится, поскольку степень отражения солнечного света станет меньше. Толлер, уроженец Колкоррона, никогда не сталкивался с настоящим суровым холодом и не задумываясь отправился в межпланетный полет в рубашке, бриджах и жилете-безрукавке. В результате он потихоньку начал превращаться в сосульку. Неужели придется возвращаться только из-за того, что никто не догадался захватить с собой теплых вещей?

В итоге каждый из членов экипажа натянул на себя всю одежду, которую прихватил с собой, а Фленну было велено почаще заваривать чай. Это распоряжение капитана, продиктованное заботой о команде, едва не привело к серьезным осложнениям. Рилломайнер упорно утверждал, что Фленн, то ли назло, то ли от неумения, заваривает чай до того, как вода по-настоящему закипит, или дает чаю остыть, а потом уж разливает. Слово за слово, вспыхнула ссора... Наконец Завотл решил заварить чай сам, и тут правда выплыла наружу: вода закипала, не достигнув нужной температуры. Она была горячей, но не «как кипяток».

— Это явление сильно меня беспокоит, капитан, — сказал Завотл, сделав запись в журнале. — Единственное объяснение, которое приходит мне в голову: вода закипает при более низкой температуре оттого, что стала легче. Если так, что будет с нами, когда все потеряет вес? У нас что, слюна во рту закипит?

— Не думаю, что нам угрожает подобная опасность, — отозвался Толлер. — И потом, мне кажется, ты ошибаешься. Возможно, причина происходящего — воздух.

— Не понимаю, как воздух может влиять на воду.

— Я тоже не понимаю, поэтому не забиваю себе голову всякой ерундой, — отрезал Толлер. — Обрати лучше внимание на измеритель высоты. Он показывает, что мы поднялись выше тысячи миль, из чего следует, что подъем идет быстрее, чем нам казалось.

Завотл оглядел прибор, пощупал канат, заглянул в отверстие в баллоне.

— Вот это как раз может быть связано с воздухом, — сказал он. — Разреженный воздух меньше давит на верхушку шара, и возникает впечатление, что скорость меньше, чем на самом деле.

Толлер обдумал его слова и согласно кивнул.

— На такой скорости мы достигнем высоты в тысяча триста миль к рассвету. Там выключим

горелку и проверим, как действуют реактивные двигатели.

К утру измеритель высоты показал четырнадцать сотен миль, а гравитация, если верить второй шкале, составляла уже всего лишь четверть от привычной.

Толлер для проверки подпрыгнул на месте, взмыл вверх, гораздо выше, чем ожидал, и понял вдруг, что вот-вот покинет корабль. Да, его вынесет из корзины, и он будет падать долго-долго, пока не достигнет поверхности планеты... Ужаснувшись собственным ощущениям, он покрепче ухватился за одну из веревок, которыми баллон крепился к гондоле.

— Капитан, похоже, наша скорость за ночь изрядно упала, — сказал Завотл с места пилота. — Канат натянулся, как струна.

— Значит, пора переключаться на реактивный двигатель, — ответил Толлер. — Теперь до самого переворота горелку будем зажигать только для того, чтобы поддерживать объем баллона. Где Рилломайнер?

— Здесь, капитан. — У механика, который выбрался из пассажирского отсека, вид был неважный: весь бледный, он дрожал с ног до головы и упорно глядел себе под ноги.

— Что с тобой, Рилломайнер? Тебе плохо?

— Я здоров, капитан. Только... просто... не хочу смотреть по сторонам.

— Почему?

— Не могу, капитан. Так и тянет махнуть через борт. Мне кажется, я уплыву.

— Что за чушь ты несешь? — Внезапно Толлер вспомнил о том страхе, который испытал сам, и сменил тон. — Работать-то сможешь?

— Смогу, капитан. Работа — это как раз то, что мне сейчас нужно.

— Хорошо. Тщательно осмотри все реактивные двигатели и убедись, что кристаллы подаются в нужных количествах. Если начнется качка, то сам понимаешь, чем она грозит.

Рилломайнер, по-прежнему не поднимая головы, откозырял и отправился за своими инструментами. Тем временем Фленн приготовил и подал на завтрак кашу-размазню с маленькими кубиками соленой свинины. Он все время жаловался на холод и на то, что в камбузе трудно поддерживать огонь, однако немного воспрял духом, когда узнал, что Рилломайнер есть не собирается и принялся донимать механика шутками насчет того, что тот рискует умереть с голоду.

Фленн гордился тем, что не боится высоты. Под конец завтрака, чтобы поддразнить несчастного Рилломайнера, он уселся на борт гондолы. Толлер видел, что Фленн привязался, поэтому велел ему слезть лишь какое-то время спустя.

Рилломайнер закончил работу и вновь скрылся в пассажирском отсеке, а Толлер занял место пилота и стал проверять реактивную тягу, включая и выключая один двигатель за другим. В конце концов он остановился на такой тяге, которая обеспечивала постоянную и не слишком высокую скорость. Короткий залп горелки один раз в две-три минуты поддерживал давление в баллоне.

— Корабль хорошо слушается, — сказал Толлер Завотлу, который раскрыл журнал полета. — Похоже, нам с тобой удастся немного отдохнуть.

Второй пилот утвердительно кивнул.

Что ж, подумалось Толлеру, если все пройдет гладко, через каких-нибудь семь или восемь дней они окажутся вблизи Верхнего Мира. Жаль, что не получится сесть; вернее, сесть-то можно, но тогда они не смогут вернуться домой, поскольку посадка связана с необходимостью сорвать с баллона верхнюю часть оболочки. Тем не менее, их корабль пролетит над самой поверхностью чужой планеты, о которой до сих пор достоверно ничего известно не было, кроме, быть может, того, что в полушарии, которое обращено к Миру, расположен экваториальный континент.

Испокон веку считалось — немалую роль тут сыграло религиозное учение о переселении душ, — что Верхний Мир похож на Мир. Однако полностью исключить возможность того, что он по какой-то причине может оказаться непригоден для жизни, было нельзя.

И еще одно... А вдруг Верхний Мир обитаем? Если так, то какие из себя верхнемирцы? Строят ли они города? И как поступят, увидев спускающийся с неба инопланетный корабль?

Неожиданно Толлер осознал, что в гондоле царит ледяная стужа.

— Замерз до полусмерти, капитан, — пробормотал Фленн, пытаясь выдавить улыбку. — Вам не кажется, что не мешало бы чем-нибудь согреться?

— Казаться-то кажется, но... Почему температура упала так резко? Ну да! — Толлера словно осенило. — Мы ведь выключили горелку и тем самым лишили себя тепла от баллона. Что ж, придется поддать жару. Кристаллов у нас много, однако...

— Однако при спуске могут возникнуть проблемы, — мрачно докончил Завотл.

Толлер закусил губу: он снова столкнулся с трудностями, которых ученые не предусмотрели. Чтобы снизиться, требовалось постепенно избавиться от горячего воздуха. Однако этот самый воздух жизненно необходим для экипажа. Как же быть? Продолжать полет или вернуться?

Может, разумнее повернуть обратно? Ведь они уже получили массу ценных сведений, которые обязательно нужно доставить на родную планету...

Толлер повернулся к Рилломайнеру, негромко стонавшему в пассажирском отсеке:

— Эй, лежебока! Ты, кажется, хотел занять мозги работой? Так найди способ отвести часть тепла от выхлопа двигателя в гондолу.

— Как же это сделать, капитан? — Рилломайнер явно заинтересовался.

— Не знаю. Ты механик, тебе и карты в руки. Хватит валяться, точно боров в луже.

— Капитан, а вы не боитесь, что наш пассажир обидится? — лукаво поинтересовался Фленн.

— Кончай болтать и займись делом. У тебя найдется нитка с иголкой?

— Конечно, капитан, сколько угодно. Маленькие иголки, большие иглы, а нитками и шпагатом можно оснастить парусное судно.

— Тогда опорожни несколько мешков с песком и сшей нам костюмы из мешковины. Не забудь про перчатки.

— Положитесь на меня, капитан. Я одену всех, как королей. — Весьма довольный тем, что наконец-то ему нашлось дело, Фленн, насвистывая, направился к ящику со своими принадлежностями.

На пятый день полета, незадолго до малой ночи, прибор показал высоту в 2600 миль и нулевую силу тяжести.

Четверо путешественников сидели на плетеных стульчиках, протянув ноги к теплому основанию реактивной камеры. Они кутались в грубые одеяния из мешковины. Над людьми витали вырывавшиеся из четырех ртов облачка пара. В темно-синей бесконечности, наобум прокладывая дорогу между звездами, мелькали метеоры.

— Приехали, — нарушив долгое молчание, сказал Толлер. — Самое трудное позади, мы справились со всеми неприятными сюрпризами, которые нам подбросило небо, и остались в добром здравии.

— Капитан, — проговорил Завотл, — меня, признаться, по-прежнему беспокоит спуск.

— Раз мы еще живы, можем продолжать полет. — Толлер посмотрел на обогреватель. Это устройство спроектировал и установил с помощью Завотла Рилломайнер. Оно напоминало по форме букву S и состояло из бракковых трубок, скрепленных шнуром из стекловолокна и огнеупорной глиной. Верхний конец входил в устье камеры сгорания, а нижний прикрепили к палубе позади места пилота. При каждом выхлопе в систему поступало некоторое количество тепла, и по гондоле проходила волна горячего воздуха. — Пора составить медицинский отчет. Как себя чувствует команда?

— Мне все еще чудится, будто мы падаем, — признался Рилломайнер.

— Упасть мы не можем, раз ничего не весим, — резонно возразил Толлер. — Привыкай. А ты, Фленн?

— Я в порядке, капитан. Высота на меня не действует.

— На меня, в общем, тоже. — Завотл записал все в журнал. — А вы, капитан? В бодром здравии?

— Совершенно верно. И ничто не заставит меня изменить решение — сразу после малой ночи я переворачиваю корабль.

Толлер знал, что второй пилот все еще цепляется за свою теорию, согласно которой после прохождения точки нулевой гравитации с переворотом лучше подождать денек-другой. Завотл доказывал, что тогда корабль гораздо быстрее пройдет наиболее холодную зону.

Толлер в принципе был с ним согласен, однако в память ему крепко-накрепко врезались слова Лейна, который предупреждал: «Как только вы минуете среднюю точку, вас начнет притягивать Верхний Мир. Поначалу притяжение будет слабым, но станет нарастать с каждой секундой. И если вам взбредет в голову включить реактивный двигатель, корабль не выдержит. У него имеется определенный запас прочности, но он не слишком велик».

Завотл возражал — мол, ученые не предвидели, что наверху царит ледяной холод, и не учли, что разреженный воздух меньше давит на оболочку, и, следовательно, максимальная безопасная скорость должна возрасти. Но Толлер оставался непреклонен. Как капитан корабля он обладал большой властью и мог самостоятельно принимать решения... если они не противоречили приказам командования, которое основывалось на мнении ученых.

Кроме того, Толлеру — в чем он не признался бы даже под пыткой — страшно не хотелось пилотировать корабль вверх ногами.

Он не очень-то верил в существование зоны невесомости, однако прекрасно понимал, что корабль, как только пройдет среднюю точку, мгновенно окажется в поле притяжения Верхнего Мира. И в этом смысле путешествие можно будет считать законченным, поскольку, согласно астрономии, они станут инопланетянами.

Толлер решил, что может отложить переворот только до конца малой ночи. Верхний Мир постепенно увеличивался в размерах; чем больше он становился, тем длиннее делалась малая ночь. Ближайшая должна продлиться три часа; к ее исходу корабль начнет падать на планету-сестру.

Непрерывное изменение соотношения между продолжительностью дня и ночи не переставало напоминать Толлеру о неправдоподобности, фантастичности этого путешествия. Ребенок, каким он оставался в глубине души, изумлялся и благоговел перед происходящим. Малая ночь удлинялась, ночь укорачивалась, вскоре они должны будут поменяться. Ночь Мира превратится в малую ночь Верхнего Мира...

До наступления темноты экипаж и капитан исследовали явление невесомости. Они увлеченно подбрасывали в воздух мелкие предметы и смотрели, как те, опровергая здравый смысл, парят над полом корзины; однако в момент, когда происходил выхлоп реактивного двигателя, все предметы медленно опускались.

Завотл записал в журнал: «Кажется, реактивный двигатель каким-то образом восстанавливает часть веса. Впрочем, это объяснение явно надуманное. На самом деле все гораздо проще: предметы связаны каждый со своим местом незримыми нитями, а поскольку двигатель позволяет кораблю обгонять их, они...»

Малая ночь наступила неожиданно и гондола погрузилась во тьму. Люди негромко переговаривались между собой. Обсуждали, какие чудеса ожидают тех, кто ступит на поверхность Верхнего Мира, и можно ли слетать на Дальний Мир, планету, сверкавшую на западе этаким зеленым фонариком.

— Итак... — Толлер огляделся по сторонам. — Все готовы? Тогда переворачиваемся..

Ученые предсказывали, что в зоне невесомости корабль может утратить устойчивость. Так оно и случилось, но тут здорово помогли боковые реактивные двигатели. Теперь, однако, Толлер сознательно собирался лишить корабль устойчивости и перевернуть его — или Вселенную — вверх ногами. Он накачал до отказа пневматический резервуар, затем дернул за рычаг.

В первое мгновение показалось, что ничего не произошло. Потом из-за края баллона выскользнул огромный диск Верхнего Мира, залитый ослепительно ярким солнечным светом. Одновременно с противоположной стороны стал виден Мир. Корабль дернулся и словно застыл в положении, из которого экипаж мог видеть обе планеты.

Толлер завороженно следил за тем, как тень Верхнего Мира ползет по лику родной планеты. Ему вдруг почудилось, будто он очутился в центре мироздания, у непостижимого механизма, который управляет движением планет.

— Ради всего святого, капитан! — хрипло воскликнул Рилломайнер. — Поставьте корабль нормально!

— Тебе нечего бояться. — Толлер снова дернул за рычаг, и Верхний Мир неторопливо переместился вниз, а Мир скрылся за баллоном.

Толлер еще поработал двигателями, чтобы уравновесить корабль в новом положении, и позволил себе победно улыбнуться — он стал первым в мире человеком, который перевернул небесный корабль. Маневр прошел быстро и гладко, а дальше — слово за силами природы.

— Запиши, — сказал Толлер Завотлу, — мы успешно преодолели среднюю точку. Теперь, я думаю, ничто не помешает нам достичь Верхнего Мира.

Завотл взял карандаш, раскрыл журнал.

— Мы все еще рискуем замерзнуть, капитан.

— Ничего, справимся. Если понадобится, сожжем немного кристаллов прямо здесь, на палубе. — Толлер внезапно оживился и повернулся к Фленну. — Как ты себя чувствуешь? Сможешь приготовить что-нибудь вкусненькое?

— Капитан, я устрою вам пир!

Фленн отвязался от кресла и направился в камбуз. Вскоре он вернулся и вручил Толлеру фляжку с водкой, а сам отправился обратно.

Толлер отхлебнул водки, передал фляжку Завотлу, и тут до него дошло, что Фленн, похоже, пытается приготовить горячее.

— Ничего не грей! — крикнул он. — Хватит хлеба с вяленым мясом.

— Все в порядке, капитан, — откликнулся Фленн. — Угольки еще светятся... нужно только подуть посильнее... Человеку требуется хорошо... Стой! Ты куда?

Из камбуза донесся грохот. Толлер обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как из-за перегородки выплывает объятое бледно-желтым пламенем полено. Медленно поворачиваясь, оно коснулось оболочки и, казалось, уже выплыло за борт, когда неожиданный порыв ветра швырнул его в переплетение веревок под баллоном.

— Я достану! — крикнул Фленн. — Я сейчас! — Он взобрался на борт, отстегнул страховочный трос и полез вверх по сетке.

Тем временем одна из веревок начала дымиться. Толлер облегченно вздохнул, когда Фленн добрался до полена, схватил его рукой в перчатке и отшвырнул в сторону. Внезапно произошло нечто странное: Фленна отбросило от корабля, и он, бестолково размахивая руками, поплыл прочь.

Толлер застыл, как вкопанный. Он был в полной растерянности. Что делать? Тушить пламя? Оно вроде бы погасло. Спасать Фленна? Но как до него дотянуться?

Фленна отнесло ярдов на тридцать. Толлер наконец сбросил с себя оцепенение, подбежал к борту и крикнул:

— Фленн! Ты жив?

— Не беспокойтесь за меня, капитан! — Фленн помахал рукой; как ни странно, голос его звучал почти весело. — Мне отсюда хорошо виден баллон. С ним все в порядке.

— Мы тебя вытянем! — Толлер повернулся к Завотлу и Рилломайнеру. — Надо бросить ему веревку.

Рилломайнер согнулся пополам.

— Не могу, капитан, — пробормотал он. — Не могу туда смотреть.

— Сможешь как миленький, — мрачно заверил Толлер.

Между тем Завотл, не тратя времени даром, достал несколько мотков веревки. Толлер схватил один, закрепил конец, примерился и бросил. Однако в момент броска его ступни оторвались от пола, поэтому попытка окончилась неудачей. Толлер втянул веревку обратно; пока он ее сворачивал, Завотл бросил вторую — с тем же успехом.

Рилломайнер, тихонько постанывая, швырнул в сторону Фленна моток стеклянного шнура. Шнур развернулся полностью и в нужном направлении, но не долетел.

— Неумеха! — съязвил Фленн. Его явно не пугали тысячи миль пустоты внизу. — Даже твоя бабушка бросила бы лучше.

Толлер снял перчатки и снова бросил веревку. Та, схваченная морозом, опять не развернулась на всю длину. Сматывая ее, он отметил одно тревожное обстоятельство.

Раньше Фленн висел над гондолой, приблизительно на одном уровне с серединой баллона, а теперь он находился чуть выше перил.

Толлер понял, что Фленн падает. Корабль тоже падал, но, пока в баллоне оставался горячий газ, сохранял какую-то подъемную силу и спускался медленнее, чем Фленн. В зоне, близкой к средней точке, скорость падения была крайне малой. Тем не менее, Фленн попал в поле притяжения Верхнего Мира и медленно, но верно опускался на поверхность.

— Ты заметил, что происходит? — вполголоса спросил Толлер у Завотла. — У нас осталось мало времени.

Завотл призадумался.

— Может, включить боковые двигатели?

— Мы просто начнем вращаться на месте.

— Положение хуже некуда, — проговорил Завотл.

— Думай же, думай! — крикнул Толлер и вдруг повернулся к Рилломайнеру. — Пушка! Подумай, быть может, нам удастся выстрелить шнуром.

В этот миг Фленн наконец-то сообразил, в какую угодил переделку, и сделал надлежащие выводы. Он задергался, стал размахивать руками и ногами, будто пародируя движения пловца. В других обстоятельствах это выглядело бы комично. Удостоверившись, что лишь зря расходует силы, Фленн перестал двигаться. Завотл во второй раз бросил веревку, которая снова не долетела.

— Мне становится страшно, капитан! Вы должны меня вытащить!

— Мы тебя вытащим! У нас еще... — Толлер не докончил фразу. Он собирался сказать, что времени вполне достаточно, однако испугался, что не сумеет солгать убедительно. Фленн не просто падал, но, в соответствии с непреложными физическими законами, мало-помалу набирал скорость. Ускорение, сперва ничтожное, постепенно возрастало, становилось смертельным...

— Капитан, с пушкой ничего не выйдет, — произнес Рилломайнер. — Но я взял два стеклянных шнура и привязал к ним вот это. — Он показал большой молоток из бракки. — Думаю, долетит.

— Молодец. — Толлер отодвинулся, освобождая место. Рилломайнер привязал конец шнура к перилам, примерился и швырнул молоток в пространство.

Толлер сразу заметил ошибку Рилломайнера. Тот прицелился слишком высоко, по привычке ожидая, что брошенный предмет будет лететь, снижаясь под действием своего веса. Но в условиях почти нулевой гравитации вышло иначе. Молоток завис в нескольких ярдах над Фленном. Тот встрепенулся, замахал руками, но дотянуться до молотка не сумел. Рилломайнер дернул за шнур, но только подтянул молоток к кораблю.

— Так не годится! — рявкнул Толлер. — Быстро смотай и бросай снова, прямо в него. — Он старался подавить растущую тревогу. Фленн опустился ниже гондолы, да и угол не слишком удобный для точного броска. Вот если бы он смог приблизиться к кораблю... Но это невозможно, если только...

В сознании Толлера прозвучал знакомый голос. «Действие и противодействие, — говорил Лейн, — это универсальный принцип...»

— Фленн, у тебя есть возможность подплыть ближе! — крикнул Толлер. — Отшвырни от себя карбла, тогда ты приблизишься к нам. Швырни его как можно сильнее!

— Не могу, капитан!

— Это приказ! — гаркнул Толлер. — Немедленно бросай карбла! Время на исходе!

Фленн помедлил, затем пошарил у себя за пазухой, медленно вытащил пушистого зверька.

— Быстрее! Ну быстрее же! Ты можешь погибнуть!

— Я уже погиб, капитан. Пожалуйста, отвезите Тинни домой. — Он широко размахнулся и бросил. Карбл поплыл к кораблю, а Фленн, кувыркаясь, полетел прочь. Однако его самопожертвование оказалось напрасным: карблу не хватило высоты. Толлер подумал, что до конца своих дней не забудет, каким взглядом смотрело на него животное. Фленн отвернулся, раскинул руки в стороны, словно собираясь обнять Верхний Мир, и не обратил ни малейшего внимания на молоток, который кинул ему Рилломайнер. Правда, механик вновь промахнулся, ибо Фленн падал все быстрее.

— Возможно, он будет падать целый день, — прошептал Завотл. — Только подумать... целый

день... Будет ли он жив, когда долетит до поверхности?

— Понятия не имею. — Толлер отвернулся, не в силах больше смотреть на Фленна.

По инструкции, в случае гибели кого-либо из членов экипажа или повреждения корабля надлежало прервать полет.

Никто не мог даже предположить, что пустяковое происшествие в камбузе приведет к гибели их товарища...

— Включай реактивную тягу, — сказал Толлер Рилломайнеру. — Мы возвращаемся.

ЧАСТЬ III

ОБЛАСТЬ НЕВЕДОМОГО

Глава 15

Пещера находилась в склоне горы с иззубренной вершиной; добраться до нее было не так-то просто — многочисленные выступы, расщелины и колючие кусты затрудняли дорогу.

Лейн Маракайн позволил синерогу самому выбирать путь. Следом за Лейном ехали четверо солдат — личная охрана, обязательная для каждого офицера экспериментальной эскадрильи небесных кораблей. Малая ночь закончилась несколько часов назад, солнце изрядно припекало, горизонт затягивало дрожащее пурпурное марево.

На душе у Лейна было не то чтобы тяжело, но и не слишком весело. С одной стороны, ему представился случай на какое-то время забыть о приближающейся гибели Мира и межпланетном путешествии. А с другой — десять дней назад из испытательного полета возвратился Толлер; потребовалось изучить собранные им сведения, начались бесконечные совещания и консультации. Часть членов администрации эскадрильи настаивала на втором испытательном полете с посадкой на Верхний Мир и картографической съемкой центрального континента. В иных условиях Лейн, пожалуй, согласился бы на это предложение, однако ситуация на Колкорроне стремительно ухудшалась, поэтому было не до научных изысканий...

«Производственную задачу» — постройку небесных кораблей — выполнили даже раньше срока, благодаря целеустремленности и жестокости принцев Леддравора и Чаккела.

Для королевского семейства и аристократов Колкоррона выделили пятьдесят кораблей. Благородным, из которых далеко не все решили расстаться с родной планетой, предстояло лететь с относительными удобствами — по крайней мере, без толчеи на борту.

Еще двести кораблей предназначались для перевозки грузов: птицы, скота, семян, оружия, машин и материалов. Сотню отвели военным. Остальные шестьсот пятьдесят кораблей с экипажем из двух человек каждый должны были доставить на Верхний Мир без малого двенадцать тысяч горожан и фермеров.

Уже на первом этапе подготовки к переселению король Прад издал указ, гласивший, что принуждать к отлету никого не будут, что количество мужчин и женщин среди переселенцев должно быть одинаковым и предпочтение будет отдаваться людям, владеющим жизненно важными профессиями.

Довольно долго указ не принимали всерьез, относились к нему как к пустой королевской прихоти и язвительно высмеивали за столиками в тавернах. Тех немногих, кто подал заявки, презирали; казалось, что людей придется загонять в небесные корабли силой.

Прад терпеливо выжидал. Птертовая чума, голод и разруха сделали свое дело, и число тех, кто надумал лететь, стало быстро увеличиваться, несмотря на наложенный церковью запрет. Но все-таки большинство никак не могло отделаться от мысли, что любые лишения и опасности на Мире лучше неизбежной гибели в голубой бесконечности неба.

Затем пришло сообщение, что небесный корабль эскадрильи преодолел больше половины расстояния до Верхнего Мира и вернулся невредимым, после чего все места на борту кораблей обрели своих владельцев, которым не у дел завидовали черной завистью. В общественном сознании произошел переворот, и многие из тех, кто еще недавно отвергал саму идею, стали считать себя жертвами дискриминации. Население, в общем и целом не слишком озабоченное космическими свершениями, начало роптать по поводу того, что продовольствие, которого и так в обрез, исчезает в бездонных трюмах небесных кораблей.

Лейн доказывал маловерам, что испытательный полет достиг цели, ибо корабль удачно выполнил переворот и прошел среднюю точку. Спуск на Верхний Мир должен пройти гладко, поскольку Завотл представил вполне приличные карты центрального континента Верхнего Мира. Из этих рисунков следовало, что особенности тамошнего рельефа благоприятствуют посадке.

Командира корабля нужно похвалить — он вполне справился со стоявшей перед ним задачей, несмотря на потерю члена экипажа, а переселение оттягивать не следует ни в коем случае.

Доводы Лейна приняли.

Первая группа кораблей со строительными рабочими и солдатами на борту должна была отправиться 80-го числа 2630 года.

До старта оставалось всего шесть дней. Если все пойдет по плану, подумалось Лейну, они с Джесаллой полетят на корабле десятой эскадрильи, которая должна покинуть планету через каких-то двадцать дней. Почему же его не очень-то волнует предстоящее путешествие, почему он столь равнодушно относится к этому событию, едва ли не величайшему в истории Колкоррона и всего человечества?

Может, он попросту боится полета? Или его рассудок пока не в силах осознать всю грандиозность происходящего? Или причина заключается в том, что отношения с Джесаллой день ото дня становятся все прохладнее?

Синерог обогнул уступ, и Лейн увидел пещеру: вход отмечал оранжевый флажок. Он спешился. Вскоре подъехали солдаты. Сержант, который командовал охраной, беспокойно оглядывался по сторонам.

— Подождете меня здесь, — сказал Лейн. — Позовите, если появится птерта.

— Слушаюсь, сэр.

Лейн порылся в одной из навьюченных на синерог корзин, достал четыре масляных фонаря, зажег первый и вошел в пещеру. На мгновение почудилось, что внутри теплее, чем снаружи; стены расступились, и Лейн оказался в просторном гроте. Поставив фонари на пол, он подождал, пока глаза привыкнут к полумраку.

Пещеру обнаружили совсем недавно. На нее наткнулся некий геолог, изучавший гору. Пораженный увиденным, он поспешил в Башню и поведал о своих находках магистру Гло, который, естественно, изложил его рассказ Лейну. Тот решил, что обязательно осмотрит пещеру, как только выкроит время. Стоя под темным сводом, Лейн понял, что пришел сюда неспроста: повернувшись лицом к прошлому Мира, он как бы бросает вызов будущему, связанному с Верхним Миром, — будущему, в котором никак не определит свое место...

Наконец глаза привыкли к скудному освещению и начали различать изображения на стенах пещеры.

Древние художники ухитрились заполнить рисунками все свободное пространство, причем они искусно использовали в качестве орнамента пустоты и трещины в скале.

Полуобнаженные охотники, семейные группы, стилизованные деревья бракка, демоны, кухонная утварь, цветы, человеческие скелеты, сосущие грудь младенцы, геометрические абстракции, рыбы, змеи, диковинные артефакты, загадочные символы... Лейн вдруг остро ощутил неразрывность веков.

Основной постулат колкорронской религии гласил, что Мир и Верхний Мир существуют вечно и почти не меняются со временем. Четыреста лет назад церковь расправилась с битианской ересью, приверженцы которой утверждали, что в вознаграждение за добродетельную жизнь на одной планете душа после воскрешения на другой обретет более высокое положение. Основное недовольство церкви вызывал прогресс, идея которого противоречила той точке зрения, что нынешний порядок вечен и неизменен. Лейн верил, что Вселенная всегда была такой, как сейчас, однако за последнее время его вера не раз подвергалась серьезным испытаниям.

Он догадывался, что возраст наскальных изображений исчисляется не сотнями лет, а тысячелетиями. Рисунки доказывали: когда-то люди иначе жили, иначе думали и делили планету с животными, которых больше нет. Внезапно Лейну стало ясно, что вот материал, изучению которого можно посвятить жизнь, и это было бы поступком куда более естественным для ученого и куда более мужественным, нежели бегство на другую планету.

Лейн знал, что пройдут годы, даже десятилетия, прежде чем на Мире не останется людей. Не останется, по крайней мере, на его поверхности; вполне возможно, найдутся безумцы, которые, не желая покидать родную планету, спрячутся от птерты под землю. Так, может, никуда не лететь? Ведь, если постараться, он найдет, чем себя занять и тихомирно доживет свой век в компании тех, кто решил не улетать...

Но как же Джесалла? Она наверняка не согласится лететь одна, несмотря на охлаждение в отношениях. Взгляд Лейна остановился на изображении играющего ребенка. Мальчик сосредоточенно разглядывал игрушку, которую держал в одной руке. Другую руку он протянул в сторону, к большому кругу — то ли мячу, то ли воздушному шару. А может, это Верхний Мир? Или птерта?

Лейн поднял фонарь и подошел поближе. Как ни странно, круг и не подумали раскрасить, хотя все остальные рисунки поражали богатством тонов и оттенков. Отсюда следовало, что художник изобразил вовсе не птерту, багряную, пурпурную или пусть даже розовую; тем более, ребенок на рисунке явно не испытывал страха.

Послышались шаги. Лейн нахмурился, обернулся — и непроизвольно попятился, увидев перед собой Леддравора. Принц поскреб мечом стену, мельком осмотрел рисунки и криво усмехнулся.

— Добрый вечерний день, принц, — поздоровался Лейн. За время работы он много раз на неделе встречался с Леддравором и научился сохранять присутствие духа. Однако они никогда не оставались наедине друг с другом. В полумраке пещеры Леддравор показался Лейну огромным, страшным, нечеловечески могучим.

— Маракайн, мне сказали, что здесь нашли что-то, представляющее интерес. Меня ввели в заблуждение?

— Не думаю, принц, — ответил Лейн, стараясь унять дрожь в голосе.

— Вот как? Тогда объясни, что тут может быть интересного?

— У меня не было времени как следует изучить рисунки, принц, но с первого взгляда видно, что они очень древние.

— Насколько?

— Возможно, им три-четыре тысячи лет.

Леддравор удивленно фыркнул.

— Чушь! Ты хочешь сказать, что эти каракули намного старше самого Ро-Атабри?

— Мне так кажется, принц.

— Ты ошибаешься. Скорее всего, эта пещера — подземное убежище. Во время одной из гражданских войн здесь прятались какие-нибудь трусы... — Леддравор не докончил фразы, хмыкнул, пожал плечами и продолжил: — Не трясись, Маракайн, я не собираюсь тебя наказывать. Мой отец, который откуда-то узнал об этой вонючей дыре, распорядился тщательно скопировать рисунки. Как, по-твоему, сколько на это понадобится времени?

Лейн прикинул.

— Четверо хороших рисовальщиков управятся за день, принц.

— Организуй. Не понимаю, кому какое дело до всяких там рисунков? Большую часть населения уничтожила чума, оставшиеся готовы взбунтоваться, даже в армии началось брожение: солдаты считают, что после того как я улечу, о них некому будет позаботиться. Однако отец озабочен лишь тем, чтобы собственными глазами увидеть эти несчастные каракули! Почему, Маракайн, ну почему?

— Наверно, у короля Прада есть инстинкты ученого, принц, — растерянно пробормотал Лейн.

— Ты хочешь сказать, он похож на тебя?

— Я не...

— Не юли. Значит, таков твой ответ? Он интересуется всем подряд просто потому, что хочет больше знать?

— Таковы все настоящие ученые, принц.

Внезапно в гроте появился сержант охраны, который откозырял Леддравору.

— Выкладывай, — буркнул тот.

— Поднимается ветер, принц. Мы опасаемся птерты.

— Ступай. Мы скоро выйдем.

— Ветер усиливается, принц, — сказал сержант. Ему явно не хотелось попусту рисковать головой.

— Ладно, сержант, бери своих людей и уезжай. Мы доберемся до города сами. — Сержант отдал честь и исчез, а Леддравор вновь повернулся к Лейну. — Продолжай.

— В моей профессии полезным считается любое знание.

— Почему?

— Оно — часть целого. Когда целое сложится из кусочков, человек обретет власть над судьбой.

— Неужели? Ты действительно веришь, что будущее нашего рода зависит, к примеру, от этого вот мальчишки с мячом?

— Я этого не сказал, принц.

— «Я этого не сказал, принц», — передразнил Леддравор. — Ты ничего не сказал, ученый.

— Сожалею, что вы ничего не услышали, принц, — тихо произнес Лейн.

Леддравор усмехнулся.

— Ты намеревался оскорбить меня? Должно быть, в любви к знаниям и впрямь есть что-то этакое, раз она придает храбрости даже такому слизняку, как ты. Ладно, продолжим беседу по дороге. Пошли!

Лейн задул фонарь и, оставив его в пещере, последовал за Леддравором к выходу.

Сержант не преувеличивал. Снаружи было достаточно ветрено.

Леддравор, сидя в седле, насмешливо наблюдал, как Лейн, подобрав полы мундира, неуклюже взби-

рается на синерога, а затем посмотрел на небо и поехал вниз по склону; он держался прямо и управлял скакуном с небрежностью прирожденного наездника.

Лейн послал своего скакуна вперед по извилистой тропинке, решив не отставать от принца, и лишь на середине склона обнаружил, что вот-вот влетит на полном скаку на сланцевую осыпь. Он попытался взять правее, но только все испортил. Синерог тревожно заржал, оступился и упал на бок. Лейн вылетел из седла и угодил прямиком в заросли желтой травы, а вскочив, увидел, что синерог корчится на земле в предсмертных судорогах.

Леддравор спешился, подбежал к бедному животному и с размаху вонзил свой клинок в брюхо синерога.

Лейн зажал рукой рот, борясь с мучительными спазмами в желудке.

— Он упал из-за меня.

— Синерогом больше, синерогом меньше, какая разница? — Леддравор вложил меч в ножны, вернулся к своему скакуну и вскочил в седло. — Скорее, Маракайн, чего ты ждешь?

Принц протянул Лейну руку.

Лейн вдруг почувствовал, что этого он не вынесет и ни за что не сможет заставить себя прикоснуться к Леддравору.

— Благодарю вас, принц, но человеку моего положения не подобает ехать с вами.

Леддравор расхохотался.

— О чем ты говоришь, кретин! Мы на открытой местности, кругом ннкого, кроме птерты, а он вздумал строить недотрогу!

Упоминание о птерте поколебало решимость Лейна. Он шагнул вперед.

— Не будь таким застенчивым. — В голосе Леддравора звучала издевка.

Лейн застыл, как вкопанный. Словно со стороны, он услышал собственный голос:

— Пожалуй, я прогуляюсь до базы пешком.

— Упрямство у Маракайнов в крови, — сказал Леддравор, обращаясь к воображаемому собеседнику, и пожал плечами, после чего пустил синерога вскачь. Несколько секунд спустя Леддравор скрылся за скальным выступом, и Лейн остался в одиночестве.

Ему вдруг почудилось, будто он очутился на другой планете. Лейн осознал, что загнал себя в угол, и недоверчиво усмехнулся.

Почему именно сейчас? Почему не раньше?

Он услышал поблизости тихий шорох, испуганно обернулся и увидел, как выползают из трещин в скале бледные многоножки, торопясь наброситься на мертвого синерога. Некоторое время Лейн прикидывал, не вернуться ли в пещеру, но сообразил, что та будет служить защитой лишь на протяжении дня, а когда наступит ночь, в нее наверняка залетят хищные шары. Единственное спасение — как можно скорее добраться до базы.

Лейн побежал. Вскоре он достиг подножия и заметил вдалеке облачко пыли, что вырывалось из-под копыт синерога, на котором скакал Леддравор, а на горизонте показалась стена базы. Лейн понял, что недооценил расстояние. Судя по всему, дорога займет не меньше часа..

А есть ли у него этот час?

Лейн постарался припомнить все, что знал о повадках птерты.

Та обычно не нападала при дневном свете. К тому же самостоятельно передвигаться она не способна и подчиняется воле ветра. Значит, нужно лишь внимательно следить за шарами и правильно определить, откуда дует ветер. Если все точно рассчитать, от птерты вполне можно увернуться.

Приободрившись, Лейн двинулся дальше. Неожиданно его губы сами собой растянулись в усмешке — он представил себе встречу с Леддравором. Какая ирония! Принц, бывалый вояка, позорно бежал, спасаясь от птерты, а робкий ученый, вооруженный только знаниями, дошел до города пешком!

Впрочем, Лейн быстро осадил себя. Не рано ли он обрадовался? До города еще идти и идти, а птерта может появиться в любую секунду...

Он обернулся — и похолодел от ужаса.

Птерта находилась почти рядом, в каком-нибудь десятке шагов, и неумолимо приближалась, заполняя собой все поле зрения, поблескивающая на солнце, кровавопурпурная. Лейн, как ни странно, испытал облегчение. Как хорошо, что все, оказывается, решено за него. Бесполезно бежать, бесполезно бороться. До Лейна никто не видел птерту настолько близко. Он различил клубящиеся вихри ядовитой пыльцы у нее внутри. Неужели она и впрямь разумна?

Птерта подплыла вплотную.

Она была повсюду, а мгновение спустя исчезла.

Лейн глубоко и облегченно вздохнул, как человек, которому осталось принять одно-единственное решение.

«Не здесь, — подумал он, — только не здесь. Кажется, выше по склону есть неплохое местечко, откуда открывается чудесный вид». Лейн не спеша поднялся на склон, сел, прислонился спиной к скале и вытянул ноги.

Перед ним раскинулась широкая равнина, над которой возвышалась вершина горы Опелмер; чуть поодаль виднелись Ро-Атабри и заброшенные поселения на побережье бухты Арл. База небесных кораблей, над которой колыхались на ветру многочисленные баллоны, производила впечатление диковинного, сказочного города. В небе сверкало созвездие Дерева, девять звезд которого состязались в яркости с солнцем, а прямо над головой висел диск Верхнего Мира.

Перо и чернила есть, надо бы подвести итоги, написать что-то вроде завещания. Хотя о чем писать? Всем и так известно, что птерта ядовита.

В теле возникло жжение, оно зародилось чуть ниже грудной клетки и начало распространяться вдоль и вширь. Лейн сунул руку в карман и достал желтый полотняный мешочек.

Оставалось исполнить последний долг.

... Хорошо бы сейчас рядом со мной оказались Джесалла и Толлер... Я бы попросил их помириться... Опять-таки, какая ирония! Толлер хотел стать другим человеком, похожим на меня, а когда наконец переменился, в прежнего Толлера превратился я — настолько, что даже пожертвовал жизнью ради чести...

Кольнуло сердце, тело пробрал озноб. Лейн увидел, что в небе над равниной появились новые птерты. Они не обращали на него никакого внимания.

«Бракка и птерта идут рука об руку... Конечно, бракка и птерта идут рука об руку, они симбиоты... Только теперь я понял, почему мне не хотелось лететь на Верхний Мир... там будущее, а будущее принадлежит Джесалле и Толлеру... не из-за того ли я подсознательно решил не ехать с Леддравором, выбрав свою Яркую Дорогу?.. Может быть, таким образом я убрал себя с пути Толлера как лишнний множитель в уравнении? Я всю жизнь занимался решением уравнений...»

Лейн начал задыхаться. Он сильно потел и одновременно жутко мерз. Непослушными пальцами он развернул желтый сверток, оказавшийся капюшоном, и надел на себя. Теперь всякий, кто увидит его, поймет, что он умер от птертоза и что к телу не следует приближаться как минимум пять дней.

Прорези для глаз оказались не на месте, но Лейн не стал поправлять капюшон.

«Насчет наскальной живописи... Я был прав... круг изображает птерту... бесцветную птерту... которая еще не выработала яд... Кто спрашивал меня про розовую птерту? И что я ответил?.. Ребенок не боится этого шара, потому что знает: шар не причинит вреда. Не странно ли, что ответ на загадку птерты всегда был на небе? Круг Верхнего Мира и Дерево — символы птерты и бракки, сосуществующих в гармонии... опылительные залпы бракки кормят птерту... Чем кормят?.. Пыльцой, маглайном, зеленым и пурпурным... А птерта выискивает и уничтожает врагов бракки... Надо бы защитить Толлера от Леддравора... Он думает, что не уступит принцу, но я боюсь... Боюсь, что никому не сказал про птерту! Сколько времени я это знал?.. Где моя любимая, где Джесалла?.. Я еще могу шевелить руками?..»

Глава 16

Принц Леддравор взял зеркало, посмотрел на свое отражение и нахмурился.

Несмотря на то, что всякий раз при бритье он сначала умывался горячей водой, чтобы щетина стала мягче, принц все же ухитрился порезаться. Наверное, слишком уж остро наточил бритву из бракки. На подбородке и на шее виднелись царапины, из которых по капельке сочилась кровь.

«Вот что происходит, когда живешь, как изнеженная девица», — пробормотал Леддравор, прижимая к шее влажное полотенце.

Свет падал на зеркало таким образом, что принц видел в нем яркий прямоугольник окна, который накладывался на его отражение, отчего лицо казалось полупрозрачным.

«Ну и дела», — подумал Леддравор. Похоже, он становится призраком. Впрочем, ничего удивительного: ведь та жизнь, которая до сих пор была для него единственной реальностью, закончится в тот миг, когда корабли экспедиции на Верхний Мир оторвутся от земли...

Послышались шаги. Леддравор обернулся и увидел в дверях ванной майора Яхимолта, который выполнял обязанности связного между дворцом и базой небесных кораблей. Заметив, что Леддравор не одет, Яхимолт попятился.

— Простите, принц, — сказал он, — я не знал...

— Если не знал, чего лезешь? — рявкнул Леддравор. — Выкладывай, что там у тебя.

— Донесение от полковника Хипперна, принц. У главных ворот базы собирается народ.

— Он что, не в состоянии разогнать толпу? Ведь в его распоряжении целый полк.

— Полковник утверждает, что людей подстрекает первосвященник, — ответил Яхимолт. — Он просит разрешения на арест.

— Балаунтар! Этот мешок костей! — Леддравор отшвырнул зеркало и потянулся за одеждой. — Передай полковнику Хипперну: посторонних на базу не пускать ни в коем случае, а против Балаунтара ничего не предпринимать до моего прибытия. Я лично разберусь с нашим первопугалом.

Яхимолт отдал честь и исчез. Застегивая ремешки белой кирасы, Леддравор улыбнулся. До отправления на Верхний Мир первой эскадрильи оставалось всего пять дней, подготовка фактически закончилась, и принц тяготился вынужденным бездельем. Оно наводило на мрачные мысли, связанные с предстоящим полетом, поэтому Леддравор был чуть ли не благодарен Балаунтару за возможность на какое-то время забыть о терзавшем его животном страхе.

Леддравор пристегнул к поясу меч и вышел из покоев. Он сознательно выбрал кружной путь, чтобы избежать встречи с отцом, которому наверняка уже доложили о самоубийственном поведении Лейна Маракайна.

Леддравору меньше всего сейчас хотелось обсуждать с королем это нелепое происшествие. Отец, несомненно, будет вне себя, если окажется, что Маракайн погиб, на что принц, по правде говоря, весьма рассчитывал.

Во дворе Леддравор приказал слуге привести пестрого синерога, на котором обычно ездил, вскочил на скакуна и выехал из ворот.

Двойной кокон сетей, что обволакивал дворец, плавно переходил в навес над дорогой. Впечатление было такое, будто едешь по туннелю. Леддравор искренне обрадовался, когда оказался в городе: тут хотя бы виден небосвод. Добравшись до набережной Боранна, он повернул на запад.

Немногочисленные прохожие на улицах двигались в сторону базы. Казалось, они повинуются некоему безмолвному призыву. Неужели все без исключения жители города догадываются, что у базы происходят важные события? Леддравор достиг западной окраины города, секунду помедлил, решая, выбрать ли очередной туннель или ехать по открытой местности, предпочел последнее и вскоре увидел толпу у главных ворот базы.

Люди размахивали кольями, позаимствованными из боковых стен противоптертового навеса, однако подступиться к вооруженным пиками солдатам, что охраняли ворота, пока не решались. Леддравор одобрительно кивнул: похоже, полковник Хипперн в точности выполнил его указания.

Приблизившись к толпе, Леддравор перевел синерога на шаг. Принца, наконец, заметили; люди почтительно расступались, давая дорогу, однако недовольный ропот не затихал ни на секунду. На свободном пространстве у ограды стоял Балаунтар, весь в черном, как и подобает прелату. Он страстно убеждал в чем-то офицера, находившегося по ту сторону ограды.

Леддравор подъехал к воротам, с нарочитой медлительностью спешился и жестом велел распахнуть тяжелые створки.

— Ну что, священник, — проговорил Леддравор, — зачем пришел сюда?

— Думаю, ты знаешь, почему я здесь... — Балаунтар выдержал паузу и добавил: — ...принц.

Леддравор улыбнулся.

— Если ты пришел проситься на корабль, то опоздал, все места уже заняты.

— Я ничего не прошу. — Балаунтар повысил голос и обратился не к Леддравору, а к толпе. — Я пришел, чтобы предъявить требования. И ты должен их удовлетворить!

— Должен? — Леддравора будто хлестнули кнутом. Он словно раздвоился: один Леддравор прочно стоял на земле, а другого, невесомого, эфирного, мог унести малейший ветерок. Это второе «я» сделало шаг назад, и принцу почудилось, будто он, подобно птерте, парит в воздухе, наблюдая за происходящим со стороны. — Да как ты смеешь! Или забыл, с кем разговариваешь?

— Я говорю от имени более высокой власти, чем твоя, — заявил Балаунтар. — От имени церкви, от имени Великой Непрерывности, и повелеваю тебе уничтожить корабли, которыми ты собрался осквернить Горний Путь. Кроме того, ты должен вернуть народу все, что украл: продовольствие, кристаллы и другие предметы первой необходимости. Таково мое последнее слово.

— Ты и не подозреваешь, как это верно, — прошипел Леддравор, выхватывая из ножен клинок. Впрочем, уважение к сану удержало руку

принца. Он повернулся к полковнику Хипперну и приказал: — Арестовать изменника!

Двое солдат схватили Балаунтара и, несмотря на то, что прелат отчаянно вырывался, затащили на территорию базы.

Толпа глухо заворчала. Хипперн вопросительно посмотрел на Леддравора.

— Чего ты ждешь? — рявкнул принц. — Память отшибло? Забыл, как наказывают за предательство?

Хипперн негромко сказал что-то одному из стоявших рядом офицеров. Мгновение спустя к солдатам, которые держали Балаунтара, подбежал дородный старший сержант. Прелат вскинул голову, чтобы то ли помолиться, то ли проклясть Леддравора, но палач не стал дожидаться, пока он вымолвит хоть слово. Короткий замах — и меч вонзился прямо в раскрытый рот Балаунтара. По толпе прокатился стон ужаса. В воздухе просвистел камень и упал у самых ног принца.

Казалось, что сейчас Леддравор в одиночку бросится на толпу, однако он крикнул сержанту:

— Отруби священнику голову и подними ее на пику. Пускай полюбуются на своего учителя.

Сержант невозмутимо кивнул. Отрубленную голову насадили на копье и воткнули его в землю у ворот. По древку побежали ручейки кровн.

Наступила тишина, от которой заложило уши. Затем толпа двинулась вперед. Лица тех, кто шел впереди, выражали смятение и беспокойство: наверно, они рады были бы отступить, но не могли — задние ряды напирали все сильнее.

— Закрыть ворота! — крикнул полковник Хипперн.

— Отставить! — Леддравор обернулся к полковнику. — С каких это пор армия показывает спину всякому сброду? Прикажи своим людям разогнать смутьянов.

Хипперн судорожно сглотнул.

— Ситуация сложная, принц. Это местный полк, большую часть солдат набрали в Ро-Атабри, они не станут воевать со своими.

— Верно ли я расслышал, полковник? — Леддравор стиснул рукоять клинка. — Кто тут командует — ты или твои подчиненные?

— Принц, я не могу выполнить ваш приказ.

Неожиданно Леддравор улыбнулся.

— Смотри внимательно. Я научу тебя командовать. — Он взмахнул мечом. — Рассеять толпу!

Солдаты бросились вперед. Толпа отхлынула, но в бегство, как можно было ожидать, не ударилась. Внезапно Леддравор осознал, что его приказу подчинилась от силы треть солдат. Остальные не двинулись с места и теперь с несчастным видом смотрели на офицеров.

Да и те солдаты, которые пошли на толпу, много не навоевали. Они на удивление легко расставались с оружием, которое бунтовщики тут же повернули против них. На землю рухнула еще одна секция навеса над дорогой. В толпе раздались радостные возгласы, горожане принялись вооружаться кольями.

Эфирный Леддравор безучастно наблюдал, как его двойник подбежал к молоденькому офицеру и прнказал тому идти на толпу. Офицер отрицательно покачал головой и немедленно поплатился за свое мужество: его обезглавленное тело рухнуло наземь. Принц больше не принадлежал к роду человеческому, он превратился в свирепого зверя, злобного демона; черный клинок неутомимо пожинал кровавую жатву.

«Сколько это может продолжаться, — размышлял второй Леддравор. — Неужели людскому терпению и вправду нет предела?»

Внезапно он заметил, что на востоке потянулись к небу столбы дыма. Очевидно, горели противоптертовые экраны: значит, в городе началось настоящее восстание.

Вспомнив об оставшемся в одиночестве короле, эфирный Леддравор мгновенно утратил спокойствие. Нужно принимать срочные меры. По сравнению с восстанием бунт нескольких сотен солдат — сущая ерунда.

Он вошел в тело своего второго «я», и все поплыло у него перед глазами. Время и пространство распались...

Принц Леддравор увидел, что держит в руке клинок по самую рукоять в крови. Вокруг бушевало людское море.

Он быстро сориентировался, вложил меч в ножны и побежал к своему синерогу.

Глава 17

Толлер, не двигаясь, смотрел на тело в желтом капюшоне; прошло, наверное, минут десять, а он все стоял, не зная, как преодолеть боль утраты.

«Его убил Леддравор», — подумал Толлер. — Вот урожай, который я пожинаю за то, что оставил в живых это чудовище. Он скормил птерте моего брата!»

Толлер разрывался между желанием подбежать к телу брата и необходимостью проявлять благоразумие и держаться подальше. Внезапно он различил на груди Лейна что-то белое.

Письмо? В сердце закралась надежда. Может, Лейн оставил послание, обвинив в своей смерти Леддравора?

Толлер достал подзорную трубу и направил ее на белый прямоугольник. Слезы мешали читать, но в конце концов он разобрал корявые строки.

«ПТЕРТЫ — ДРУЗЬЯ БРАКК. УБИВАЮТ НАС, ПОТОМУ ЧТО МЫ УНИЧТОЖАЕМ БРАККИ. БРАККА КОРМИТ ПТЕРТ. ЗА ЭТО П. ЗАЩИЩАЕТ Б. РОЗОВАЯ, ПУРПУР. ВЫРАБ. ЯД. МЫ ДОЛЖНЫ ЖИТЬ В ГАРМОНИИ С Б. ПОСМОТРИ НА НЕБО».

Толлер опустил подзорную трубу. Он смутно сознавал, что послание Лейна гораздо важнее всего остального, гораздо важнее смерти брата, однако по большому счету, не испытал ничего, кроме недоумения и разочарования. Почему Лейн потратил остаток сил на какую-то ерунду, вместо того чтобы обвинить своего убийцу? Поразмыслив, Толлер сообразил, что к чему.

Даже на пороге смерти Лейн остался самим собой. Он умер достойно, так же, как жил, но он умер, а Леддравор все еще отравляет воздух...

Толлер повернулся и направился туда, где его ждал сержант с двумя синерогами. Он овладел собой, слезы больше не застилали взор, но все мысли были только об одном. Вопрос, который он себе задавал, требовал немедленного ответа.

«Как мне жить без брата? Утро выдалось жаркое, долгий день будет еще жарче — как я проживу его без брата?»

— Может, поедем, капитан? — спросил сержант.

— Нет, — ответил Толлер, — я хочу найти его синерога.

— Хорошо, капитан. — Похоже, сержант, который командовал до недавних пор охраной Лейна, понял, что Толлер не слишком поверил рассказ Леддравора о вчерашних событиях. — Я покажу, какой дорогой мы ехали.

На полпути к вершине они очутились на сланцевой осыпи, у нижнего края которой обнаружил груду костей.

Многоножки и другие любители падали дочиста обглодали скелет синерога, не побрезговали даже

седлом и упряжью. По спине Толлера пробежал холодок: если бы тело Лейна не пропиталось ядом птерты, брата постигла бы та же участь.

Сержант утверждал, что принц Леддравор отослал его вместе с тремя солдатами из пещеры. Они быстро добрались до базы и стали ждать Лейна, а когда увидели, что Леддравор возвращается один, сильно удивились и забеспокоились.

Принц был в непонятном настроении, как будто злился и радовался одновременно, и сказал сержанту: «Смотри не усни, ждать придется долго. Маракайн остался без скакуна и решил поиграть в догонялки с птертой». Сержант хотел было отправиться на поиски, но Леддравор запретил: «Он сам захотел рискнуть жизнью, никто его за язык не тянул».

Толлер несколько раз переспрашивал, пытаясь выудить из сержанта какую-нибудь важную подробность, но сержант твердо стоял на своем: все было так, и никак иначе. Выходит, Лейн совершил самоубийство? Нет, не может быть. Всем известно, что Лейн Маракайн терял сознание от одного только вида крови. Пожелав покончить счеты с жизнью, он ни за что не избрал бы такой способ. И потом, у него не было ни малейших поводов для самоубийства. Наоборот, имелись веские причины, чтобы жить.

Все это странно, очень странно. И прояснить ситуацию способен один-единственный человек. Леддравор не солгал — принц вообще не опускался до лжи, — но рассказал далеко не все...

— Капитан! — с дрожью в голосе воскликнул сержант. — Посмотрите туда!

Толлер повернулся. На востоке поднимался в небо над Ро-Атабри темно-коричневый воздушный шар, который ни с чем нельзя было спутать. Через несколько секунд один за другим взмыли еще три шара. Похоже, перелет на Верхний Мир начался на несколько дней раньше графика.

«Опять что-то не так», — подумал Толлер с досадой. Мало того, что погиб Лейн, теперь еще небесные корабли стартуют с базы, нарушая все сроки. Проблемы сыпались, как из ведра.

— Я должен вернуться. — Толлер послал синерога вперед. Обогнув поросший вереском выступ, они выехали на склон, где лежало тело Лейна. Отсюда открывался вид на город. Воздушные шары продолжали взлетать, а над центральными кварталами клубился дым.

— Похоже на войну, капитан, — проговорил сержант; лицо его выражало крайнее недоумение.

— Возможно, это и есть война. — Толлер бросил взгляд на неподвижное тело брата, мысленно попрощался с Лейном, пришпорил синерога и поскакал к городу.

Толлер знал, что среди населения Ро-Атабри нарастает недовольство, но считал, что беспорядки в городе вряд ли затронут базу. По приказу Леддравора на участке земли между базой и городской окраиной разбили лагерь отборные воинские подразделения, которыми командовали офицеры, пользовавшиеся безоговорочным доверием принца. Эти люди не собирались лететь на Верхний Мир и были готовы оборонять базу до последнего. Итак, базе ничто не угрожает, но почему же тогда стартуют небесные корабли?

На равнине Толлер пустил синерога галопом. Подъехав ближе, он заметил за двойными экранами множество солдат и фургонов с припасами. Громовые раскаты стартующих кораблей, напоминали грохот пушек.

Внешние ворота распахнулись и тут же захлопнулись, как только сержант и Толлер оказались в буферной зоне. К Толлеру, держа под мышкой шлем с оранжевым гребнем, направился армейский капитан Толлер натянул поводья.

— Вы небесный капитан Толлер Маракайн? — спросил офицер, утирая платком лоб.

— Да. Что случилось?

— Принц Леддравор приказывает вам немедленно явиться в ангар двенадцать.

Толлер кивнул в знак согласия и повторил:

— Что случилось?

— А разве похоже, что что-то случилось? — вопросом на вопрос желчно ответил капитан и пошел прочь, отдавая попутно сердитые распоряжения солдатам, которые провожали его мрачными взглядами.

Толлер хотел было догнать капитана и добиться от него подробных сведений, но увидел человека в синем мундире, подававшего ему знаки из внутренних ворот. Он узнал Илвена Завотла, которому недавно присвоили звание лейтенанта. Молодой пилот был бледен и явно чем-то встревожен.

— Рад, что вы вернулись, Толлер, — взволнованно сказал Завотл. — Я хотел предупредить вас насчет принца Леддравора.

— Леддравора? — Толлер взглянул на небо, когда очередной корабль на мгновение заслонил солнце. — А что такое?

— Он обезумел, — сказал Завотл, оглядываясь, чтобы убедиться, что никто не подслушивает. — Он сейчас в ангарах, понукает рабочих... Я видел, как он зарубил человека только за то, что тот остановился попить.

— Чудовище!.. — Толлера захлестнула злоба. — Что тут происходит?

— Вы не знаете? — удивился Завотл. — Ах да, вас же не было на базе... Все изменилось за какую-то пару часов.

— Да что случилось? Говори, Илвен, или я тоже возьмусь за меч!

— Прелат Балаунтар привел к воротам базы толпу горожан. Он потребовал уничтожить корабли и раздать припасы народу. Леддравор арестовал его и обезглавил на месте.

Толлер прищурился, представляя себе эту сцену.

— Это была ошибка.

— И жестокая, — согласился Завотл. — Но слушайте дальше. Когда люди, взбудораженные проповедями и обещаниями Балаунтара, увидели голову прелата, они принялись крушить все подряд. Леддравор хотел их разогнать. Но большинство солдат отказалось подчиниться приказу.

— Они открыто не повиновались Леддравору?

— Да. Эти солдаты из местных, в основном из Ро-Атабри. Так что когда им приказали убивать своих земляков...

— Ну и дела. Кто бы мог подумать, что армия ослушается принца!

— И вот тут-то Леддравор стал как одержимый. Говорят, собственноручно прикончил с десяток солдат и офицеров. Те даже не пытались защищаться, а он убивал их... — Завотл запнулся. — Как свиней, Толлер, как свиней!

— И чем все кончилось?

— Пожаром в городе. Когда Леддравор увидел дым и понял, что горят противоптертовые экраны, он пришел в себя, увел тех, кто остался ему верен, за ограду и теперь надеется поднять небесные корабли до того, как бунтовщики ворвутся на базу. — Завотл хмуро кивнул на стоявших неподалеку солдат. — Предполагается, что этот сброд будет защищать западные ворота, но, по-моему, они сами не знают, иа чьей стороне. Нам лучше поспешить в ангар.

Толлер уже не слушал. Он наконец сообразил, что за мысль не давала ему покоя на протяжении нескольких минут.

Пожары в городе... Горят противоптертовые эк-

раны... Дождя не было несколько дней... Без экранов город беззащитен... Великое переселение началось... Значит...

— Джесалла! — воскликнул он. — Джесалла одна в Квадратном Доме! Как же быть? Кто отвечает за эвакуацию?

— Никто! Король и принц Чаккел уже в ангарах. Остальные члены королевской фамилии и аристократы доберутся под защитой охраны, а простые люди должны выкручиваться как знают. Боюсь, они...

— Я у тебя в долгу, Илвен. Спасибо, что предупредил. — Толлер вскочил в седло. — Помнится, семьи у тебя нет?

— Нет.

— Тогда возвращайся в ангар и занимай первый попавшийся корабль. А у меня еще остались коекакие дела.

— Леддравор хочет, чтобы мы с вами были королевскими пилотами, Толлер. Особенно вы, потому что больше никто не переворачивал корабль.

— Забудь, что ты меня видел, — ответил Толлер. — Я вернусь как только смогу.

Он пустил синерога вскачь, предусмотрительно обогнув по широкой дуге ангары. На базе творилось нечто жуткое. По плану корабли экспедиции на Верхний Мир должны были отправляться малыми группами в течение десяти — двадцати дней, в зависимости от погоды. Но обстоятельства изменились, и теперь они взлетали чуть ли не все разом. Положение усугублялось тем, что нападению бунтовщиков подверглись уязвимые противоптертовые экраны. Счастье, что нет ветра, это помогает экипажам небесных кораблей и сводит до минимума активность птерты, но с приходом ночи поднимется ветер и принесет багровые шары.

Рабочие торопились погрузить припасы. Солдаты вновь сформированного полка слонялись по базе и подгоняли рабочих, а некоторые и сами включались в погрузку. Попадались и гражданские лица — переселенцы из провинции, которые прибыли на базу заблаговременно. Рев вентиляторов, грохот горелок, тошнотворная вонь маглайна...

Толлеру удалось, не привлекая к себе внимания, миновать склады и мастерские, но у восточных ворот он наткнулся на неожиданное препятствие: ворота охранял вооруженный отряд, офицеры допрашивали всех, кто входил и выходил с базы. Толлер отъехал в сторону, достал подзорную трубу и навел ее на город. Он различил множество пехотинцев и всадников, а также густую толпу на окраине.

По-видимому, так просто в город не попадешь.

Прикидывая, что можно предпринять, Толлер заметил, как по заросшей кустарником местности в сторону Зеленой Горы перемещаются цветные пятнышки. Он присмотрелся повнимательнее. Судя по тому, что толпа состояла в основном из женщин и детей, это были переселенцы из города, прорвавшиеся на базу в стороне от главных ворот. Толлер поскакал им навстречу. Завидев офицера, люди замахали миграционными ордерами.

— Идите к ангарам! — крикнул Толлер. — Мы вас вывезем!

Взволнованные люди поблагодарили и поспешили дальше. Толлер обернулся и увидел, что навстречу переселенцам выехали всадники. Небо над ангарами представляло уникальное зрелище. В воздухе реяло около пятидесяти кораблей, постепенно поднимавшихся к зениту.

Толлер поскакал к Зеленой Горе. Пожар в Ро-Атабри бушевал все сильнее. Пламя перекидывалось с экрана на экран, угрожая в скором времени охватить весь город.

Вот и Зеленая Гора. Толлер направил синерога вверх по склону. Приблизительно через минуту он столкнулся с отрядом из пяти вооруженных дубинками горожан, которые явно спешили к базе, рассчитывая, очевидно, проскользнуть в суматохе незамеченными.

Они перегородили узкую улицу.

— И чего это ты здесь делаешь, синий мундир? — спросил один.

Толлер легко мог сбить нахала с ног, но натянул поводья и остановился.

— Думаю, убивать тебя или не стоит, — ответил он.

— Меня? — Бандит ухмыльнулся.

Толлер выхватил меч и одним ударом перерубил дубинку пополам.

— Скажи спасибо, что это была не твоя рука. Ну что, продолжим наш разговор?

Бандиты переглянулись и попятились.

— Мы с вами не ссорились, господин. Пожалуйста, дайте нам пройти.

— Нет. Марш отсюда! Если я встречу когонибудь из вас на обратном пути, пеняйте на себя.

Подождав, пока бандиты скроются из виду, Толлер вложил меч в ножны и поскакал дальше. Сужающийся серп света на диске Верхнего Мира подсказал ему, что до малой ночи осталось не так много времени. Однако он должен успеть!

Толлер влетел на обнесенный стенами двор, спешился и вбежал в дом. В холле его встретили толстая повариха Сани и незнакомый лысеющий слуга.

— Мастер Толлер! — воскликнула Сани. — Узнали что-нибудь о хозяине?

Толлер вновь ощутил тяжесть потери.

— Лейн погиб, — сказал он. — Где хозяйка?

— У себя в спальне. — Повариха всплеснула руками и запричитала: — Горе-то, горе-то какое...

Толлер кинулся было к главной лестнице, но остановился.

— Сани, я скоро поеду обратно на базу небесных кораблей. Настоятельно советую тебе и всем домашним ехать со мной. Переселение началось раньше времени, на посадке полный бедлам, так что мне наверняка удастся пристроить вас на какой-нибудь корабль.

Слуги попятились.

— Будь что будет, мастер Толлер, мы попытаем счастья здесь, в родных краях.

— Подумай как следует, — сказал Толлер. Он поднялся по лестнице и прошел по знакомому коридору на южную сторону дома. Ему не верилось, что он в последний раз видит керамические статуэтки в нишах и свое туманное отражение в панелях полированного дерева. Дверь в спальню была распахнута настежь.

Джесалла стояла у окна, из которого открывался вид на город, и смотрела на столбы дыма над центральными кварталами. Толлер никогда не видел Джесаллу в таком костюме. Она надела куртку, бриджи из серой плащевой ткани и светло-серую рубашку. Непонятная робость помешала ему заговорить или постучать в дверь. Как полагается сообщать о смерти близкого человека?

Джесалла обернулась и взглянула на него. В ее взоре сквозила печаль.

— Спасибо, что пришел, Толлер.

— Насчет Лейна, — сказал Толлер, входя в комнату. — Боюсь, у меня плохие новости.

— Я знала, что он погиб. — Она говорила спокойно, почти деловито. — Просто хотела удостовериться.

Такого хладнокровия Толлер не ожидал.

— Джесалла, не знаю, как тебе объяснить... В

такое время... Ты видишь: в городе пожары. У нас нет другого выхода, кроме...

— Я готова лететь, — сказала Джесалла и показала на тугой узел. — Это все мои вещи. Надеюсь не слишком много?

Признаться, Толлер слегка опешил.

— Ты что, не понимаешь, куда мы направляемся?

— На Верхний Мир, правильно? Небесные корабли улетают. В Ро-Атабри гражданская война, король уже бежал. Толлер, ты что, принимаешь меня за дурочку? Между прочим, я умею читать световые сигналы.

— За дурочку? Нет, что ты. Ты умна и так логично рассуждаешь...

— А ты ждал, что я закачу истерику? Начну кричать, что не хочу, что боюсь лететь, и тебе придется выносить меня на руках? Или буду умолять, чтобы мне дали оросить слезами тело мужа?

— Нет, я не ожидал от тебя слез. И не жду, что ты станешь изображать горе. — Толлер сам испугался собственных слов.

Джесалла влепила ему пощечину.

— Как ты смеешь?

— Нужно ехать, и чем скорее, тем лучше, — холодно сказал Толлер, сопротивляясь желанию потрогать горящую щеку. — Я возьму твои вещи.

Джесалла выхватила у него узел и перекинула через плечо.

— У тебя и без того хватит забот. — Она выскользнула в коридор, двигаясь легко и, на первый взгляд, не очень быстро, но он догнал ее только у главной лестницы.

Толлер в последний раз окинул взглядом холл и вышел во двор, где ждал синерог.

— Где ваш экипаж?

— Не знаю. На нем вчера уехал Лейн.

— Значит, едем верхом?

Джесалла вздохнула.

— Не бежать же мне рядом всю дорогу?

— Хорошо. — Охваченный странным смущением, Толлер вскочил в седло и протянул руку Джесалле. Она села у него за спиной.

Когда они выехали со двора, Толлер увидел, что в небе над базой появились новые корабли. Воздушные шары потихоньку смещались к востоку. Значит, подул ветер и следует ждать скорого появления птерты.

Улицы оставались пустынными, но спереди доносился глухой шум. Выехав на склон, Толлер обнаружил, что у пролома в ограде базы собралась толпа человек в сто. Она напирала на выстроившуюся в проломе пехоту, забрасывала солдат камнями и палками, однако военные пока не предпринимали никаких ответных шагов. По зеленым эмблемам Толлер узнал соркианский полк, целиком и полностью преданный Леддравору. В любой момент могла начаться резня, а если еще прибудут восставшие части, местность мгновенно превратится в миниатюрный театр военных действий.

— Держись крепче и нагни голову, — сказал он Джесалле и вытащил меч. — Будем пробиваться.

Он пришпорил синерога. Могучее животное буквально за минуту преодолело расстояние от холма до ограды. Толлер надеялся застать бунтовщиков врасплох и прорваться, пока те будут собираться с мыслями. Однако всадника в офицерском мундире заметили издалека.

— Эй, смотрите, синяя куртка! Хватай его!

Схватить вооруженного мечом офицера никто, впрочем, не решился, зато на Толлера и его спутницу обрушился град камней.

Один камень угодил Толлеру в плечо, второй попал в ногу, обломок шифера ободрал костяшки пальцев на руке. Джесалла тихо охнула, покачнулась, но удержалась на крупе синерога. Шеренга солдат расступилась, пропуская всадника.

— Больно? — спросил Толлер у Джесаллы.

— Не очень, — еле слышно ответила она.— Едем дальше.

Синерога взял под уздцы бородатый лейтенант.

— Вы небесный капитан Толлер Маракайн?

— Да.

— Вам следует немедленно явиться в ангар двенадцать к принцу Леддравору.

— Я туда, собственно, и направляюсь, лейтенант, — сказал Толлер. — Так что уйдите с дороги.

— Но про женщину принц ничего не говорил...

— Ну и что?

— Ничего, господин капитан. — Лейтенант отпустил уздечку и попятился.

Толлер послал синерога вперед. Уже в начале подготовки к перелету выяснилось, что дырчатые стены защищают воздушные шары от завихрений воздуха лучше, чем сплошные, хотя почему так происходит, объяснить никто не мог. Сквозь квадратные проемы в стенах виднелось голубое небо, и ангары казались высокими башнями, у подножия которых суетились тысячи рабочих, членов экипажей и нагруженных домашним скарбом переселенцев.

По-видимому, Леддравор с Чаккелом сумели все организовать, раз корабли по-прежнему взлетают один за другим, несмотря на всю серьезность положения. Шары стартовали группами, и просто чудо, подумалось Толлеру, что обходится без аварий.

В следующий миг, словно опровергая его мысль, гондола корабля, который поднимался слишком быстро, ударилась о край ангара. Продолжая подниматься, корабль начал раскачиваться, а на высоте двухсот футов обогнал другой, взлетевший несколькими секундами раньше.

Покачнувшись в очередной раз, гондола зацепила баллон второго корабля. Оболочка лопнула, и корабль рухнул на фургоны с припасами. Полыхнуло пламя, гондолу заволокло черным дымом.

Что стало с людьми на борту? Неуклюжий взлет корабля свидетельствовал о том, что им управлял новичок; вероятно, многие из квалифицированных пилотов, приписанных к флоту, не попали на базу — скорее всего, оказались в ловушке в охваченном беспорядками городе. Новое, совершенно неожиданное затруднение...

Двенадцатый, как и три соседних ангара, оцепили войска, поэтому внутри было относительно спокойно. Возле четырех готовых к взлету воздушных шаров ожидали хорошо одетые люди. Они весело переговаривались, вытягивали шеи, чтобы увидеть корабль, который потерпел крушение, а вокруг, точно на семейном пикнике, резвились дети.

Толлер высмотрел короля Прада, которого окружали принцы Леддравор, Чаккел и Пауч. Король сидел в кресле, явно не обращая внимания на происходящее. Он совсем не походил на того Прада, образ которого запечатлелся в памяти Толлера.

Толлер натянул поводья и остановил синерога. К нему подошел моложавый армейский капитан, который удивился, увидев Джесаллу, но с готовностью помог ей спешиться. Ступив на землю, Джесалла покачнулась.

— Понести тебя? — предложил Толлер.

— Я могу идти, — прошептала она.

Восхищаясь ее мужеством, Толлер кивнул и направился к королю. Леддравор обернулся. Как ни странно, на его лице не возникло привычной омерзительной ухмылки. Белая кираса принца была забрызгана кровью, как и ножны, однако взгляд Леддравора выражал сдержанный гнев, а не безумную ярость.

— Маракайн, я посылал за тобой не один час назад, — холодно сказал он.— Где ты был?

— Осматривал останки своего брата, — ответил Толлер, нарочно опуская титул. — Он умер странной смертью.

— Ты соображаешь, что говоришь?

— Да.

— Вижу, ты опять за старое. — Леддравор понизил голос. — Когда-то мой отец заставил меня поклясться, что я не причиню тебе вреда, но как только мы прилетим на Верхний Мир, я буду считать себя свободным от этой клятвы. Тогда ты получишь сполна, но сейчас, будь добр, не нарывайся.

По сигналу принца рабочие принялись наполнять баллоны шаров воздухом. Король Прад вздрогнул, поднял голову и встревоженно огляделся. Рев вентиляторов прогнал напускное веселье аристократов. Дети подбежали к родителям, слуги приготовились грузить пожитки хозяев.

Толлера до глубины души поразили слова Леддравора.

Клятва, о которой упомянул принц, кое-что объясняла, но только кое-что. Почему от него эту клятву потребовали? Что побудило короля выделить одного из множества своих подданных? Толлер задумчиво посмотрел на сидящего в кресле короля и вдруг встретился с ним взглядом. Мгновение спустя Прад поманил Толлера к себе.

Приблизившись, Толлер поклонился.

— Ты хорошо служил мне, Толлер Маракайн, — усталым, но твердым голосом сказал король. — А теперь я думаю возложить на тебя еще одну обязанность.

— Лишь скажите какую, ваше величество, — ответил Толлер, остро ощущая всю нереальность происходящего. Прад сделал ему знак наклониться.

— Проследи, чтобы на Верхнем Мире не забыли мое имя, — прошептал король.

— Ваше величество... — Толлер пребывал в явном замешательстве. — Я не понимаю...

— Поймешь... А теперь ступай.

Толлер снова поклонился и отошел. Не успел он обдумать слова короля, как его подозвал полковник Картканг, бывший главный администратор экспериментальной эскадрильи.

Когда эскадрилью распустили, полковнику поручили руководить отправкой королевской семьи. Он вряд ли мог предвидеть, что задачу придется выполнять в столь неблагоприятных условиях. Картканг направил Толлера к Леддравору, который о чем-то беседовал с тремя пилотами.

Одним из пилотов был Завотл, другим — Голлав Амбер, третьего, толстого рыжебородого мужчину в форме небесного командира, Толлер узнал не сразу. Бывший воздушный капитан, королевский посланник, Халсен Кедалс.

— ... решено, что мы полетим на разных кораблях, — говорил Леддравор, глаза которого вспыхнули при виде Толлера. — Маракайн, единственный офицер с опытом прохождения средней точки, удостаивается чести вести корабль моего отца. Я полечу с Завотлом, принц Чаккел полетит с Кедалсом, а принц Пауч с Амбером. Все ясно? Тогда по местам. Стартуем до наступления малой ночи.

Четверо пилотов откозыряли и уже хотели идти, но Леддравор остановил их и смерил каждого в отдельности испытующим взглядом, а затем произнес:

— С другой стороны, Кедалс давно служит воздушным капитаном и много раз возил моего отца. Он поведет небесный корабль короля, а с Маракайном отправится принц Чаккел. Теперь все.

Толлер снова отдал честь, недоумевая, что заставило Леддравора передумать. Принц сразу понял, на что намекал Толлер, заметив, что Лейн умер странной смертью. Может быть, это доказательство вины? Может, Леддравор рассудил, что нельзя доверять жизнь отца человеку, брата которого он убил — по крайней мере, довел до смерти? И уж, во всяком случае, нельзя давать Толлеру возможность поговорить с королем наедине.

Где-то вдали грянул залп из тяжелого орудия — этот звук невозможно ни с чем перепутать — и Толлер вспомнил, что рассуждать некогда.

Он оглянулся, ища глазами Джесаллу. Та стояла в стороне от всех, и что-то в ее позе подсказало ему, что она все еще испытывает сильную боль. Он подбежал к гондоле, возле которой ожидал принц Чаккел с женой, дочерью и двумя маленькими сыновьями. Принцесса Дасина, в шапочке, расшитой жемчугом, и дети смотрели на Толлера устало и недоверчиво. Даже Чаккел держался как-то неуверенно.

«Они боятся, —понял Толлер. И не только самого перелета, но и пилота, в чьи руки отдают свои жизни».

— Ну, Маракайн, — сказал принц Чаккел, — мы летим?

Толлер кивнул.

— Стартовать можем через несколько минут, принц, но есть одна сложность.

— Какая именно?

— Вчера погиб мой брат... — Толлер помолчал, в глазах Чаккела мелькнул испуг. — Я просто обязан, хотя бы из уважения к его памяти, взять с собой вдову.

— Сожалею, Маракайн, но об этом не может быть и речи. Этот корабль только для меня.

— Я знаю, принц, но вы человек семейный, а значит, способны понять, что бросить вдову брата невозможно. Если ей нельзя лететь на этом корабле, я вынужден отказаться от чести быть вашим пилотом.

— Ты говоришь как изменник! — воскликнул Чаккел. — Я... Леддравор казнил бы тебя на месте, если бы ты не подчинился его приказу.

— Разумеется, принц, и вы вправе обратиться к нему за помощью. — Толлер невесело улыбнулся. — Вам тогда предоставят другого пилота, правда, замечу, у него не будет моего опыта.

Чаккел страдальчески посмотрел на жену и детей и раздраженно топнул ногой. Тому, кто привык повелевать, крайне сложно повиноваться. Толлер с притворным сочувствием улыбнулся принцу и подумал: «Если это и есть власть, мне она и даром не нужна».

— Вдова твоего брата допускается на мой корабль, — вымолвил Чаккел. — Но я этого не забуду, Маракайн.

— Я тоже всегда буду вспоминать о вас с благодарностью, — ответил Толлер.

Он взобрался в гондолу, занял место пилота, не чувствуя за собой ни малейшей вины. В отличие от прежнего Толлера Маракайна, он действовал логично и расчетливо, как того и требовала обстановка.

Лейн как-то заметил, что люди наподобие Леддравора и Чаккела принадлежат прошлому. Что ж, вот еще одно тому доказательство. Похоже, Чаккел, как и Леддравор, считает, что переселение ровным счетом ничего не изменит в жизненном укладе подданных Колкорронской империи. Лишь король Прад, видимо, чувствует, что все будет по-другому.

Убедившись, что оборудование в полном порядке, Толлер спрыгнул на землю и кивком голов

разрешил начать погрузку, а сам подошел к Джесалле и забрал у нее узел с вещами.

— Можем лететь, — сказал он.

Но Джесалла неожиданно заупрямилась.

— Это же королевский корабль. Мне на нем не место.

— Джесалла, пожалуйста, перестань. Иначе ты вообще не сможешь улететь.

— А принц Чаккел разрешил?

— Он даже слышать не хочет о том, чтобы лететь без тебя.

Толлер подвел Джесаллу к гондоле, поднялся на борт и обнаружил, что Чаккел с семьей занял один пассажирский отсек, молчаливо предоставив другой ему и Джесалле. Он помог ей перелезть через борт, проводил в свободный отсек, где она сразу же легла на сложенные там стеганые одеяла.

Толлер отстегнул меч, положил оружие рядом с Джесаллой и вернулся на место пилота.

Когда он включал горелку, вдали опять громыхнула тяжелая пушка.

Малая ночь миновала. Когда вернулся дневной свет, четыре корабля с членами королевской семьи достигли высоты приблизительно в двадцать миль. И тут появилась птерта.

Толлер осмотрелся и увидел шар всего в тридцати ярдах к северу. Он подбежал к одной из двух корабельных пушек, навел ее на цель и выстрелил. Снаряд прошел сквозь птерту. В воздухе расплылась и быстро исчезла клякса пурпурной пыли.

— Хороший выстрел, — похвалил Чаккел. — Как, по-вашему, яд до нас не дошел?

Толлер кивнул.

— Ветер дует в другую сторону. Вообще-то птерта для нас не слишком опасна. Эту я уничтожил на всякий случай, чтобы не искушать судьбу.

Снизу донеслись два пушечных выстрела, потом послышались приглушенные расстоянием крики.

Толлер перегнулся через борт. Корабли громадного флота, растянувшегося на несколько миль, расправлялись с птертой.

Внезапно рука Толлера нашарила в кармане подарок отца, и большой палец сам собой принялся поглаживать зеркальную поверхность.

Глава 18

К десятому дню полета флот находился уже в какой-то тысяче миль над Верхним Миром, и привычное представление о продолжительности дня и ночи совершенно перевернулось. Малая ночь — тот период времени, на который солнце скрывалось за Верхним Миром — длилась теперь целых семь часов*, а ночь, то есть время, когда корабли находились в тени родной планеты, сократилась до трех.

Толлер сидел в одиночестве на месте пилота и пытался представить себе жизнь на новой планете. Даже колкорронцев, которые привыкли постоянно видеть над собой диск Верхнего Мира, наверняка будет угнетать огромный шар, из-за которого день здесь окажется намного короче, чем дома.** Если Верхний Мир необитаем, переселенцы, возможно, обоснуются на дальней стороне планеты, приблизительно на широте Хамтефа. И когда-нибудь настанет время, когда исчезнет всякое воспоминание о том, откуда они прилетели...

Из пассажирского отсека выбрался семилетний сын Чаккела Сетван. Мальчик подошел к Толлеру и положил голову ему на плечо.

— Дядя Толлер, я не могу уснуть, — прошептал он. — Можно я побуду с тобой?

Толлер посадил ребенка на колено и невольно усмехнулся, представив, что сказала бы Дасина, если бы услышала, что один из ее детей обращается к Толлеру «дядя».

Из семи человек, составлявших население микромирка гондолы, лишь Дасина продолжала держаться обособленно. С Толлером и Джесаллой она не разговаривала и вообще покидала пассажирский отсек только по необходимости. Несмотря на то, что корабль уже миновал наиболее холодную зону, принцесса по-прежнему куталась в стеганую одежду; когда к ней обращался кто-либо из членов семьи, она отвечала отрывисто, односложно.

Толлер понимал чувства Дасины. Естественно, ей, сызмальства привыкшей к роскоши, перелет казался нескончаемым кошмаром. Дети — Корба, Ондо и Сетван — провели в сказочной стране Пяти Дворцов куда меньше времени, к тому же их одолевали любопытство и тяга к приключениям. Что касается Чаккела, принц за годы пребывания у власти научился мужественно переносить невзгоды, вдобавок, ему не терпелось основать первую колонию на Верхнем Мире.

На Толлера произвело большое впечатление то, что принц не увиливал от работы и выполнял любые поручения. Особенно охотно Чаккел возился с боковыми реактивными микродвигателями, которые позволяли регулировать положение корабля в пространстве.

Ученые утверждали, что над поверхностью Верхнего Мира воздушные потоки разбросают корабли в разные стороны. Однако Леддравор заявил, что королевскому флоту не подобает приземляться, так сказать, врассыпную. Лучшие умы Колкоррона стали прикидывать, как удовлетворить требования принца. В конце концов решено было оборудовать корабли миниатюрными реактивными двигателями, которые обеспечивали корректировку курса и одновременно удерживали воздушные шары от вращения. Труд ученых оказался плодотворным: четыре корабля экспедиции до сих пор держались тесной группой.

Толлеру крепко-накрепко врезалось в память зрелище, которое явилось взгляду в момент переворота. Да, он уже видел, как планеты-сестры величественно плывут по небу в разных направлениях — Верхний Мир выскальзывает из-за баллона, а Мир восходит из-за гондолы. Но на сей раз впечатление оказалось гораздо сильнее благодаря цепочке кораблей, что протянулась от одной планеты до другой.

Несколько кораблей отложили переворот. Если напрячь зрение, можно было разглядеть сопла реактивных двигателей под их гондолами.

Три соседних корабля выполняли переворот одновременно с кораблем Толлера. Хрупкие конструкции, игрушки ветра, волшебным образом выдержали чудовищную нагрузку. Пилоты у горелок выглядели самыми настоящими инопланетянами, сверхлюдьми, обладавшими знаниями и мастерством, которого никогда не обрести обычному человеку.

Запомнилось и еще кое-что.

Джесалла. Новая едва ли не каждое мгновение. Сомневающаяся, торжествующая, когда ей удалось

** Несложный подсчет дает для данной высоты другую продолжительность «малой» ночи — пять часов. Впрочем, это все равно больше, чем длительность ночи. (Прим. переводчиков).*

*** Видимый диаметр Мира для наблюдателя на Верхнем Мире всего на 20% превышает привычный для колкорронцев видимый диаметр Верхнего Мира. Соответственно, и продолжительность темного времени суток составляет 2,4 часа против 2 часов прежней малой ночи. Однако Толлер не силен в математике, никогда еще не был на Верхнем Мире и судит по картине, представшей перед ним за 1000 миль до места назначения.*

справиться с непокорным огнем в камбузе, ушедшая в себя во время прохождения через область малой и нулевой гравитации...

Скопище птерты, взорвавшейся чуть ли не одновременно на второй день полета...

Удивление и восторг детей, когда они заметили, что дыхание вырывается изо рта облачками пара...

Невесомость и повисшие в воздухе над полом гондолы бусы и безделушки...

Случались и неприятности. Корабль Толлера стартовал одним из первых и раньше других вошел в атмосферу Верхнего Мира. Следом за ними двигался остальной флот, этакое громадное облако протяженностью около ста миль. Время от времени начинал идти дождь — из твердых «капель» различных размеров и форм.

Трижды Толлер видел, как пролетают мимо разрушенные корабли. Окутанные сдувшимися баллонами, они медленно падали к поверхности планеты. Должно быть, ими управляли неопытные пилоты, которые не сумели перевернуть корабли в средней точке. Притяжение Верхнего Мира увеличило скорость, хрупкая оболочка не выдержала возросшей нагрузки и лопнула...

Однажды мимо пролетела гондола без баллона, за которой тянулись веревки и страховочные тросы. В гондоле находилось с дюжину солдат, безмолвно глядевших на корабли своих более удачливых товарищей.

Вскоре после прохождения средней точки мимо пролетел юноша — так близко, что Толлер разглядел его лицо. Юноша весело окликнул Толлера и помахал рукой, словно оказался на вечеринке. Толлер не ответил, но долго смотрел вслед несчастному, не в силах отвести взгляд...

Сетван задремал. Поддерживая одной рукой мальчика, Толлер другой механически управлял горелкой. Внезапно в глаза брызнул яркий свет. Толлер моргнул, огляделся по сторонам и понял: что-то случилось.

Рядом летели не три, а два корабля.

Не хватало королевского шара! Волноваться вряд ли стоит: пилот короля Кедалс имел привычку пропускать другие корабли вперед, чтобы ориентироваться по ним. Однако где же он, в таком случае? Толлер встал, отнес Сетвана в пассажирский отсек и тут услышал истошные вопли Завотла и Амбера. Те возбужденно тыкали пальцами в небо. В ту же секунду из горловины баллона хлынул поток горячего маглайна, отчего кто-то из детей испуганно взвизгнул.

Толлер вскинул голову и застыл пораженный. На фоне баллона чернел квадрат чужой гондолы. Сопло реактивного двигателя давило на оболочку, угрожая разорвать верхнюю секцию.

— Кедалс! — крикнул Толлер что было сил, не зная, услышат ли его в верхней гондоле. — Подними корабль! Подними корабль!

Завотл и Амбер тоже принялись окликать Кедалса, на соседнем корабле замигал солнечный телеграф, но пилот королевского шара никак не реагировал. Гондола продолжала давить на оболочку.

Толлер бросил беспомощный взгляд на Джесаллу и Чаккела, которые будто окаменели от ужаса. Вероятнее всего, с Кедалсом что-то стряслось, и он потерял сознание. Но почему никто не заменил его? А вдруг — при этой мысли у Толлера пересохло во рту — горелка сломалась и не включается?

Палуба уходила из-под ног, корабль швыряло из стороны в сторону. Сцепившиеся шары начали быстро терять высоту — два других корабля поплыли вверх.

Впервые со старта у перил своей гондолы показался Леддравор. За его спиной Завотл продолжал вызывать королевский корабль световыми сигналами.

Отцепиться у Толлера возможности не было. Его шар и так уже выпустил слишком много маглайна. Но если ничего не предпринять, наружное давление воздуха раздавит баллон. Иного выхода нет, нужно подкачать горячего газа.

Встретившись взглядом с Джесаллой, Толлер сказал себе: «Она должна выжить!»

Он вернулся на место пилота и повернул рукоять. Опустевший баллон жадно поглотил тепло. Несколько секунд спустя Толлер включил боковой реактивный двигатель.

Два других корабля поплыли вниз и скрылись из виду, а корабль Толлера начал вращаться вокруг своей оси. Раздался скрежет, гондолу снова качнуло. Королевский шар соскользнул с оболочки и завис чуть поодаль. Одна из веревок, что крепила баллон к гондоле, отвязалась и теперь яростно хлестала воздух.

Неожиданно движение кораблей, обычно плавное и величественное, как движение небесных тел, резко ускорилось. Королевский шар поравнялся с кораблем Толлера, конец отвязавшейся веревки захлестнул одну из стоек. Отчаянно заскрипели снасти. Баллон королевского корабля наткнулся на злополучную стойку и лопнул! Гондола устремилась вниз, увлекая за собой корабль Толлера. Джесалла упала на перегородку, выронила зеркало, которое мгновенно исчезло за бортом. Толлер бросился к стойке, ухватился за нее, выдернул могучим рывком из гнезда и отшвырнул прочь.

Падение прекратилось. Толлер вцепился в перила и уставился на королевский шар, который спускался все ниже. Он увидел короля Прада. Тот поднял руку, указал на Толлера и пропал под лопнувшей оболочкой. Гондола уменьшалась в размерах, постепенно превращаясь в едва различимое мерцающее пятнышко, и наконец исчезла.

Толлер посмотрел на соседние корабли. С ближайшего на него глядел Леддравор; когда их взгляды встретились, принц протянул к Толлеру руки, подобно человеку, который зовет в объятия любимую. Толлер отвернулся.

— Сегодня плохой день, — выдавил Чаккел. — Сегодня умер король.

«Еще не умер, — подумал Толлер. — Ему еще лететь и лететь». Вслух он сказал:

— Вы видели все своими глазами. Просто чудо, что мы уцелели. У меня не было выбора.

— Леддравор с этим не согласится.

— Да, — печально подтвердил Толлер, — Леддравор с этим не согласится.

Ночью, когда Толлер напрасно старался уснуть, к нему пришла Джесалла. Он обнял ее за плечи — в этом жесте сейчас не было ничего, что могло бы навести случайного свидетеля на дурные мысли.

— О чем ты думаешь, Толлер?

Он прикинул, не солгать ли, но решил, что не стоит.

— О Леддраворе. Пора ставить точку.

— Может быть, он успокоится и поймет, что ты ни в чем не виноват. Я хочу сказать, что даже если бы ты пожертвовал нами, короля это все равно бы не спасло. Леддравор должен признать, что ты ничего не мог поделать.

— Он скажет, что я поторопился, что надо было подождать, пока Кедалс или кто-нибудь другой запустит горелку.

— Не изводи себя. Ты поступил правильно.

— Леддравор наверняка считает иначе.

— Но ведь ты можешь с ним справиться?

— Вероятно. Однако он, скорее всего, уже прика

зал казнить меня, как только мы приземлимся.

— Понятно. — Джесалла облокотилась на мешок с песком. В сумраке ночи ее лицо поражало красотой. — Толлер, ты любишь меня?

Он почувствовал, что достиг конца путешествия, длившегося всю жизнь.

— Да.

— Я рада, — она села и начала раздеваться, — потому что хочу от тебя ребенка.

Он поймал ее за запястье.

— Ты что! Прямо за этой перегородкой у горелки сидит Чаккел.

— Ему нас не видно.

— Но нельзя же так...

— Меня это не волнует. — Джесалла прижалась к Толлеру. — Я выбрала тебя в отцы своему ребенку, и у нас, быть может, совсем мало времени.

Глава 19

С высоты двух миль экваториальный континент Верхнего Мира выглядел совершенно доисторическим. Толлер даже не сразу сообразил, почему в голову пришло именно это определение. Дело было не столько в полном отсутствии городов и дорог (что неоспоримо доказывало — континент необитаем), сколько в цвете равнин.

На Мире была принята шестипольная система: культуры и злаки высаживали параллельными полосами, цвета которых менялись от бурого до зеленого и желтого. Поля же Верхнего Мира были просто зелеными.

Нашим фермерам придется потрудиться, подумалось Толлеру. А еще нужно будет назвать все горы, моря и реки. Жаль, что я, скорее всего, при этом не смогу присутствовать...

Два других корабля находились намного ниже. Корабль Пауча напоминал смотровую площадку: его пассажиры во все глаза разглядывали планету, которой предстояло стать их домом.

На корабле Леддравора, напротив, никого не было видно, лишь устало сгорбился на месте пилота Илвен Завотл. Леддравор не показывался — должно быть, отлеживался в пассажирском отсеке.

Ниже виднелись баллоны десятка других кораблей, постепенно смещавшихся к западу, из чего следовало, что в нижних слоях атмосферы дует умеренный ветер. Некоторые корабли уже приземлились. Толлер поднес к глазам бинокль. Как он и ожидал, среди совершивших посадку шаров преобладали военные. Даже в суматохе бегства из Ро-Атабри Леддравор позаботился о том, чтобы послать вперед армейские подразделения. Сразу видно опытного воина.

Если Толлер посадит корабль рядом с кораблем Леддравора, то проживет от силы несколько минут. Даже если победит принца в поединке, его наверняка арестуют как виновника гибели короля. Единственный выход — насколько возможно оттянуть посадку. Милях в двадцати к западу виднелись лесистые холмы; если приземлиться там, Леддравору понадобится время, чтобы отыскать младшего из ненавистных Маракайнов.

Завотл все поймет, когда увидит, что Толлер медлит с приземлением, но поддержит ли? И даже если захочет помочь, отважится ли сделать то, чего от него ожидает Толлер? Ему придется дернуть за канат и спустить баллон в тот самый миг, когда Леддравор увидит, что враг ускользает, а как поведет себя принц в таком случае, предугадать невозможно.

Толлер посмотрел на Завотла, затем прислонился спиной к стенке гондолы и повернулся к Чаккелу, который управлял горелкой.

— Принц, у земли дует ветер, который может унести корабль от лагеря. Пожалуйста, приготовьтесь выпрыгнуть вместе с семьей. Это вовсе не опасно. По крайней мере, гораздо менее опасно, чем кувыркаться в гондоле, когда та перевернется.

— Я тронут твоей заботливостью. — Чаккел подозрительно посмотрел на Толлера и неожиданно прибавил: — Я до сих пор помню нашу первую встречу. Кто бы мог тогда подумать, что ты станешь моим пилотом и что нам придется лететь на Верхний Мир.

Сменив принца на месте пилота, Толлер заметил, что грузик-указатель на измерителе высоты вернулся к нижней отметке. Верхний Мир уступал размерами Старому, и, по идее, сила тяжести на нем должна быть меньше, однако Лейн утверждал, что Верхний Мир обладает большей плотностью, поэтому все будет весить там столько же, сколько на Старом Мире.

Толлер покачал головой и печально улыбнулся. Откуда Лейн так много знал? Брат навечно останется для него закрытой книгой, как, похоже, и...

Он взглянул на Джесаллу; та неподвижно стояла у перил, не сводя взгляда с поверхности планеты. На плече у нее висел узел с вещами; казалось, Джесалле не терпится ступить на Верхний Мир.

Ему вспомнились события прошлой ночи. Джесалла не стала ничего скрывать. Она призналась, что вышла замуж за Лейна только потому, что он показался ей наиболее подходящим кандидатом на роль отца для ее ребенка. Нет, она любила Лейна, но отнюдь не бескорыстно. А когда обстоятельства круто переменились, она трезво рассудила, что в нынешних условиях предпочтение следует отдать Толлеру.

Как все просто, верно? А что же он? Презирает себя за то, что вдова брата так легко его соблазнила? Или злится на Джесаллу за то, что она не желает следовать общепринятым нормам? Одновременно распутная и скромная, корыстная и щедрая, настойчивая и безвольная, доступная и далекая...

Ну да ладно, сейчас надо думать о другом. Главное — выжить, а потом будет время разобраться в собственных чувствах.

Толлер подкачал в баллон газа, пропуская корабль Завотла вперед. Действовать следовало предельно осторожно, чтобы не вызвать подозрений у Чаккела и Леддравора.

Тем временем на земле уже начал вырисовываться какой-то порядок. Солдаты разгружали корабли, передавали друг другу вещи и съестные припасы, разбивали в стороне палатки.

Толлер навел бинокль на корабль Завотла и в тот же миг рискнул дать долгий залп, запустив в баллон маглайн. Внезапно он увидел Леддравора, который словно почувствовал, что происходит нечто, противоречащее его планам. Принц мрачно поглядел на Толлера, повернулся к пилоту, но опоздал: Завотл дернул за канат. Баллон лопнул, гондола опустилась на траву и скрылась под темно-коричневым саваном оболочки.

Толлер опустил бинокль и обратился к Чаккелу:

— Принц, по причинам, которые вы, вероятно, понимаете, я не намерен приземляться здесь и сейчас. Мы спустимся к самой земле, и вы сможете легко покинуть корабль. Это же касается и тебя, Джесалла. Прошу вас, поторопитесь.

— Не говори ерунды! — воскликнул Чаккел. — Ты посадишь корабль как полагается, понял, Маракайн? Хватит с меня твоих выходок!

— Я настаиваю, принц.

До земли оставалось футов тридцать. Увлекаемый ветром, корабль постепенно отдалялся от

посадочной площадки. Толлер заметил Леддравора, который выбрался из-под поникшего баллона.

Джесалла быстро перелезла через борт гондолы и встала на внешний выступ. Она встретилась взглядом с Толлером, но промолчала.

— Решайтесь, принц! Иначе мы улетим все вместе.

Послышался шорох: сопло реактивного двигателя коснулось травы. К кораблю Чаккела, сопровождаемый солдатами, устремился Леддравор — верхом на синероге, которого уже ухитрился где-то раздобыть.

Неожиданной союзницей Толлера оказалась Дасина, которая решительно перелезла через борт и помогла перебраться следом дочери и сыновьям.

— Ты обязан этому человеку моей жизнью, — резко бросила она мужу.

— Но... — Чаккел в замешательстве потер лоб, затем указал на Леддравора, который быстро приближался к кораблю. — Что я скажу ему?

Толлер обнажил меч.

— Скажете, что я вам угрожал.

— Когда-нибудь, Маракайн, мы с тобой сочтемся.

Чаккел перелез через борт и прыгнул. За ним последовали жена и дети; кто-то из мальчишек восторженно взвизгнул.

— До свидания, — сказал Толлер Джесалле.

— До свидания, Толлер. — Однако она не пошевелилась.

— Чего ты ждешь? Прыгай!

— Я лечу с тобой. — Джесалла одним движением перемахнула через перила и вновь очутилась в гондоле.

— Ты сошла с ума!

— Может быть, — согласилась Джесалла. — Но я все равно лечу с тобой.

— Ты мой, Маракайн! — прокричал Леддравор, вытаскивая меч. — Иди сюда!

Толлер застыл в нерешительности, и тут Джесалла оттолкнула его и бросилась к горелке. Полыхнуло пламя, в баллон устремился поток горячего воздуха. Вместо благодарности Толлер немедленно заглушил горелку.

— Не стоит, — сказал он. — Сколько можно оттягивать неизбежное?

Он поцеловал Джесаллу в лоб, повернулся к перилам и встретился взглядом с Леддравором, которого отделял от шара всего лишь десяток ярдов. Поняв, что намерения Толлера изменились, принц криво усмехнулся. Что ж, настало время раз и навсегда покончить с затянувшейся враждой, узнать наверняка, правда ли, что...

Тут Толлер заметил, что принц перестал улыбаться. Оглянувшись, он увидел, что Джесалла навела на Леддравора противоптертовую пушку. Не успел Толлер прийти в себя от изумления, как раздался выстрел, и навстречу Леддравору устремился смертоносный снаряд, окруженный облаком стеклянных осколков.

Леддравор сумел увернуться от снаряда, но осколки стекла попали ему в лицо. Он невольно охнул, но затем, не обращая внимания на кровь, что сочилась из многочисленных порезов, снова пустился в погоню.

Толлер зажег горелку. Мало-помалу шар начал подниматься, однако Леддравор находился совсем близко. Неужели он собирается запрыгнуть в гондолу?

Джесалла перебежала ко второй пушке, и в этот миг Леддравор метнул свой меч. Он целился не в человека. Меч описал высокую дугу и по самую рукоятку вонзился в баллон. Оболочка лопнула, а меч рухнул на траву. Принц осадил синерога, спрыгнул, подобрал черный клинок и вновь вскочил в седло. Джесалла выстрелила из пушки, но снаряд не долетел. Леддравор учтиво помахал рукой.

Несмотря на пробоину в оболочке, шар по инерции продолжал подниматься. Неожиданно послышались громкие крики. Толлер обернулся и увидел, что их несет на воинский отряд.

Лица военных выражали не враждебность, а тревогу, и Толлер понял, что солдаты весьма смутно представляют себе, что происходит.

— Мы летим или падаем? — крикнула Джесалла.

— Пока летим. Зачем ты это сделала?

— Ты не знаешь?

— Нет.

— Я не могла иначе. Не могла позволить, чтобы он убил моего любимого.

— Но ты выстрелила в Леддравора! А он не щадит никого. Даже женщин.

— Ну и что?

— Ничего, но... — Толлер тяжело вздохнул.

— Что «но»?

— Надо выбросить все лишнее. — Он прошел в пассажирский отсек и принялся швырять за борт чемоданы. Солдаты, которые бежали за гондолой, радостно завопили, однако Леддравор быстро остудил их пыл; судя по жестам, он приказал доставить вещи на посадочную площадку. Скорость ветра составляла примерно шесть миль в час, что позволяло принцу следовать за кораблем, не особенно подгоняя своего скакуна.

Толлер проверил запас пикона и халвелла; оказалось, что кристаллов в избытке. Насчет топлива можно было не беспокоиться. Зато тревожило другое: корабль, несмотря на то, что горелка работала непрерывно, поднялся над землей всего на двадцать футов, и разрыв в оболочке продолжал расширяться.

Будь Толлер один, он не стал бы убегать и с радостью схватился бы с Леддравором, но теперь от исхода сражения зависела жизнь Джесаллы...

Прибытие на Верхний Мир оказалось совсем не таким, как ожидал Толлер. Он прибыл на планету-сестру — на Верхний Мир! — только для того, похоже, чтобы снова наткнуться на Леддравора, который своими зловещими повадками все сильнее напоминал птерту.

— Мы сумеем перелететь через горы? — спросила Джесалла.

— Надеюсь. — Толлер достал моток веревки и закрепил рычаг горелки в рабочем положении, чтобы не надо было его держать. — Вот только удастся ли нам набрать необходимую высоту?

— Знаешь, я не боюсь.

— Я тоже. Скоро наступит малая ночь, и под ее покровом мы, возможно, наконец-то отделаемся от этого мерзавца.

Малая ночь на Верхнем Мире тянулась дольше, чем на Мире; когда она миновала, оказалось, что до земли больше двухсот футов. Под кораблем проплывали нижние отроги гор, ни один из пиков видневшегося впереди хребта не казался настолько высоким, чтобы преградить путь.

Толлер сверился с картой, которую нарисовал во время полета.

— За горами есть озеро, — сказал он. — Если мы долетим до него...

— Толлер! Смотри, птерта!

Толлер бросил карту, взял бинокль и посмотрел в ту сторону, куда показывала Джесалла, но ничего не увидел и уже хотел было пошутить насчет того, что у страха глаза велики, как вдруг заметил прозрачный шар.

— Кажется, ты права. И она совершенно бесцветна. Что там писал Лейн? Бесцветная птерта... — Он передал бинокль Джесалле. — Найдешь хоть одну бракку?

— Я и не знала, что в бинокль так много видно! Ой, вон бракка! Толлер, ее тут полным-полно! Как такое может быть?

— Лейн утверждал, что бракка и птерта живут вместе... Но как она здесь оказалась? Возможно, у залпов бракки хватает мощности, чтобы выстреливать семена вверх, и те, преодолев пространство... Нет, вряд ли. Может быть, бракка растет всюду — и на Дальнем Мире, и на всех других планетах.

Предоставив Джесалле изучать растительность Верхнего Мира, Толлер посмотрел вниз, на Леддравора, который упорно преследовал воздушный корабль. Посадочной площадки отсюда видно не было. Казалось, Джесалла, Толлер и Леддравор одни на всей планете. Верхний Мир превратился в обширную, залитую солнцем арену, которая с начала времен ждала кровавого поединка...

Внезапно гондола накренилась, из дырки в баллоне вырвался поток горячего воздуха. Очевидно, корабль угодил в завихрение. Толлер посмотрел на вершину горы, что находилась ярдах в двухстах прямо по курсу. Если удастся перелететь через нее, появится время снова накачать баллон. Но нет, на это, к сожалению, рассчитывать не приходится.

— Держись! — крикнул Толлер Джесалле. — Мы падаем!

Он заглушил горелку. Несколько секунд спустя гондола ударилась о ствол дерева. Из дырки в баллоне со свистом вырывался воздух. Наконец баллон зацепился за ветки и повис на них. Веревки, которые соединяли его с гондолой, не выдержали и лопнули. Гондола рухнула наземь и перевернулась.

Толлер выбрался из-под гондолы, огляделся и помог встать Джесалле.

— Спрячься куда-нибудь, слышишь? Давай, уходи.

Джесалла прильнула к нему.

— Я останусь с тобой.

— Поверь, ты ничем не поможешь. Спасай нашего ребенка. Возможно, Леддравор не станет искать тебя, особенно если мне удастся его ранить.

Поблизости послышался храп синерога.

— Но как я узнаю, кто победил?.

— Если останусь в живых, я выстрелю из пушки. — Толлер подтолкнул Джесаллу в спину. — Беги!

Джесалла, несколько раз обернувшись, исчезла за деревьями. Толлер вытащил меч и огляделся по сторонам, подыскивая место для поединка. Потом сообразил, что ведет себя глупо — какая разница, где прикончить этого негодяя? — и встал в тени трех деревьев, что росли, похоже, из одного корня.

Где же Леддравор? Почему его не слышно?

Толлер резко обернулся. Неслышно подкравшийся Леддравор метнул нож. Увернуться Толлер не успел, и ему не оставалось ничего другого, как выставить вперед руку, чтобы защитить голову. Лезвие вонзилось в ладонь, пропороло ее насквозь и чуть было не воткнулось Толлеру в левый глаз.

Толлер взмахнул мечом и отразил первый удар Леддравора, который решительно пошел в атаку.

— Кое-чему ты научился, Маракайн, — бросил принц.

— Меня всегда учили, что змея останется змеей, как бы ни притворялась.

— Зря стараешься. Тебе не удастся меня оскорбить.

— По-моему, я оскорбил только бедное пресмыкающееся.

На залитом кровью лице Леддравора мелькнула усмешка.

Толлер прикинул свои шансы.

Колкорронский боевой меч — клинок с обоюдоострым лезвием. Им можно было наносить только режущие и колющие удары, которые, вообще говоря, не составляет труда парировать, если у тебя хорошие глазомер и реакция. С учетом этого Толлер имел некоторое преимущество — он был на десять с лишним лет моложе Леддравора. Правда, он ранен, значит, положение выравнялось: по крайней мере, так наверняка считает Леддравор. Впрочем, принц, похоже, не допускает мысли, что противник может оказать ему сопротивление: слишком уж заносчиво себя ведет.

— О чем задумался, Маракайн? Или тебе явился дух моего отца?

Толлер покачал головой.

— Мне явился дух моего брата. — Он удивился, заметив, что эта фраза лишила принца хладнокровия.

— Что ты ко мне привязался со своим братом?

— Ты ведь его убил, так?

Леддравор взмахнул клинком. Толлер легко отразил удар.

— Нет! Его синерог сломал ногу, а на моего он сесть отказался.

— Лейн не мог так поступить!

— Неужели? Между прочим, окажись он сейчас здесь, я бы с удовольствием прикончил вас обоих.

Толлера все сильнее беспокоила левая рука. Пора переходить к делу, иначе он настолько ослабеет от потери крови, что не сможет сражаться. Почему Леддравор настолько самоуверен? Толлер оглядел принца с ног до головы и заметил, что Леддравор обернул основание меча толстой кожей, чтобы при случае стиснуть оружие обеими руками. Так часто поступали солдаты Колкорронской империи, поскольку благодаря этакой малости обыкновенный клинок превращался в двуручный. Признаться, Толлер не понимал, какие выгоды это может принести Леддравору, но решил быть начеку.

Толлер атаковал первым, нанес несколько ударов слева и справа. Леддравор легко парировал, однако чувствовалось, что он устал. Толлер было возликовал, но тут же осадил себя. Неужели Леддравор преследовал его только затем, чтобы вступить в неравный, заведомо проигранный бой?

Настал черед принца. Он обрушил на Толлера град ударов, последний из которых чуть было не достиг цели. Толлер вовремя отпрыгнул. Даже утомленный долгим преследованием принц оставался чрезвычайно опасным противником. Ну ничего, надо попробовать измотать его вконец, не давать ни секунды передышки...

Толлер пошел вперед. Он наступал, вынуждая Леддравора думать только об обороне. Принц тяжело дышал и понемногу пятился. Толлер увидел за его спиной колючие кусты и вознамерился было загнать врага в заросли, но Леддравор, что называется, шестым чувством ощутил угрозу и сумел избежать ловушки. Мечи вновь скрестились, в ноздри Толлеру ударила жуткая вонь, затем Леддравор отпрыгнул в сторону. Теперь противников разделяли кусты.

Принц наклонил голову и насмешливо поглядел на Толлера...

Что-то не так, понял тот. По спине побежали мурашки.

— Кстати, Маракайн, — почти добродушно сказал Леддравор, — я слышал слова, которые ты сказал своей женщине.

— Да? — Толлер никак не мог сообразить, почему его до сих пор преследует тот омерзительный запах?

— Мне не придется ее разыскивать. Придет сама как миленькая.

Неожиданно Леддравор бросил на землю кусок кожи, закрывавший основание клинка, и вновь выжидательно уставился на Толлера.

Толлер вдруг заметил, что на коже блестит желтая слизь. Он взглянул на свой меч и догадался наконец, откуда исходит вонь. Лезвие клинка покрылось пузырями: когда мечи скрестились в последний раз, Леддравор ухитрился обрызгать клинок Толлера бракковой желчью.

«Это конец, — подумал Толлер. Что ж, я погибну, но не один».

Он ударил Леддравора, который устремился в атаку, своим пузырящимся клинком. Принц отразил удар — меч Толлера развалился пополам — и сделал выпад.

Толлер, не обращая внимания на вонзившийся в бок клинок, стиснул в правой руке рукоять ножа, что по-прежнему торчал в левой ладони, вытащил его из раненой плоти (мозг взорвался болью) и воткнул в живот Леддравору, постаравшись, чтобы лезвие вошло как можно глубже.

Принц яростно взревел, оттолкнул Толлера, секунду-другую недоуменно смотрел на противника, а затем упал на четвереньки и уставился на лужу крови на земле.

Толлер прижал левую руку к ране в боку, отбросил нож, на негнущихся ногах подошел к мечу, подобрал и крепко стиснул в правой руке.

Леддравор слегка покачал головой, показывая, что заметил действия Толлера.

— Я все-таки прикончил тебя, Маракайн, верно?

— Сожалею, но ты меня только слегка оцарапал. — Толлер взмахнул черным клинком. — Это за моего брата... принц!

Он отвернулся от трупа Леддравора и посмотрел на гондолу, не понимая, кто качается — гондола, он сам или Вселенная? А потом медленно побрел к рухнувшему кораблю. Как до него, оказывается, далеко... Гораздо дальше, чем от Мира до Верхнего Мира.

Глава 20

Дальнюю стену пещеры частично скрывала груда валунов и каменных обломков.

Толлер частенько посматривал на эту груду. Он твердо знал — за ней живут верхнемирцы. Правда, он их никогда не видел и не знал, какие они — миниатюрные человечки или похожи на зверьков, но был уверен, что они там, поскольку не раз замечал проникавший между камнями свет.

Толлеру нравилось думать, что верхнемирцы занимаются делами под защитой своей полуразрушенной крепости, совершенно не тревожась о том, что происходит в большой Вселенной.

Его бред имел одну странную особенность: даже когда сознание ненадолго прояснялось, Толлеру продолжало чудиться, будто он различает свет в глубине завала. Приходя в себя, Толлер всякий раз пугался, что сошел с ума, и пристально смотрел на светящуюся точку, желая, чтобы она исчезла. Иногда точка исчезала довольно быстро, но порой светилась несколько часов подряд. В такие моменты Толлера выручала Джесалла — единственная связь с реальным миром.

— А я не считаю, что ты достаточно окреп для путешествия, — твердо сказала Джесалла. — И хватит спорить.

— Но я почти совсем выздоровел, — запротестовал Толлер.

— Да, если судить по языку. Помолчи, пожалуйста, не отвлекай меня.

Джесалла повернулась к кастрюле, в которой кипятились повязки Толлера.

Прошла неделя, раны на лице и на руке затянулись, однако рана в боку по-прежнему кровоточила. Повязку приходилось менять через каждые два-три часа, а поскольку запас ваты и бинтов был ограничен, Джесалле волей-неволей приходилось накладывать на рану уже использованные повязки.

Толлер не сомневался: если бы не Джесалла, он бы не выжил. К благодарности примешивалась тревога — не за себя, а за Джесаллу. Убийство принца крови вряд ли сойдет им с рук...

Чем легче ему становилось физически, тем сильнее он тревожился.

«Завтра утром уходим отсюда, любимая, — подумал он, — даже если ты не согласна...»

Стараясь обуздать нетерпение, Толлер откинулся на постель из стеганых одеял и принялся обозревать окрестности. К западу от пещеры находилось широкое озеро, окруженное пологими холмами, на которых росли диковинные деревья. Прозрачно-голубая вода искрилась солнечными бликами. На дальнем берегу озера виднелся небольшой лесок. На горизонте возвышались пики далеких гор, а над ними в ясном небе висел диск Старого Мира.

Этот пейзаж казался Толлеру невыразимо прекрасным. Он наслаждался им даже в те редкие промежутки, когда приходил в себя после забытья.

Наблюдая за тем, как Джесалла справляется с хозяйственными обязанностями, которые сама себе установила, он восхищался ее мужеством и находчивостью.

Толлер не представлял, как она сумела усадить его на принадлежавшего Леддравору синерога, навьючить животное припасами из гондолы и, преодолев немалое расстояние, отыскать пещеру. Такое по плечу не каждому мужчине, а уж для хрупкой женщины, оказавшейся, вдобавок, на незнакомой планете, где ее подстерегали неведомые опасности, это самый настоящий подвиг!

Исключительная женщина, подумалось Толлеру. Вот только когда же она поймет, что наш первоначальный план — глупость чистейшей воды? Вдвоем они, быть может, и сумели бы приноровиться к местным условиям и счастливо зажили бы где-нибудь в глуши, однако Джесалла беременна...

Минуточку! Поскольку Леддравор убит, королем должен стать принц Пауч, человек, по слухам, не подверженный страстям, приверженец традиций. Значит, к беременной женщине он, как издавна ведется у колкорронцев, отнесется снисходительно; тем более что никто не сможет подтвердить, что именно Джесалла выстрелила в Леддравора из пушки. Всю вину возьмет на себя Толлер.

Изо всех сил стараясь не обращать внимания на огонек среди камней, Толлер пораскинул мозгами. Главное — чтобы Джесалла не попала в руки стражников до тех пор, пока не станет ясно, что она в положении. Но когда это выяснится? И как выбрать наиболее подходящий момент, чтобы уйти не слишком рано и не слишком поздно?

— О чем задумался? — спросила Джесалла, снимая с огня кипящую кастрюлю.

— О тебе и о том, что завтра мы уходим отсюда.

— Даже и не думай. Лучше поешь.

Джесалла принялась готовить скромный завтрак. Плитой служил более или менее плоский камень, где она смешивала по щепотке пикона и халвелла из корабельных запасов. Поскольку такое пламя дыма не давало, можно было не опасаться, что кто-либо обнаружит пещеру.

Джесалла подогрела кашу с бобами и солониной, передала тарелку Толлеру и разрешила есть самостоятельно. Каким-то образом она ухитрилась спасти из гондолы тарелки и другую посуду.

Домашняя посуда в пещере на поверхности чу-

жой планеты придавала трапезе оттенок романтичности и позволяла хотя бы на время забыть об опасности.

Голода Толлер не ощущал, но ел через «не могу», потому что решил как можно скорее восстановить силы. Стояла тишина, только всхрапывал привязанный синерог, да слышались время от времени раскаты опылительных залпов бракки. Частота, с которой они происходили, подтверждала: бракки здесь видимо-невидимо. Помнится, Джесалла еще удивилась: почему остальные растения Верхнего Мира — по крайней мере те, которые она успела собрать и внимательно изучить, — на Мире неизвестны, а бракка растет и там, и тут?

Сам Толлер полагал, что бракка встречается на всех планетах без исключения, однако сомневался, что сможет это доказать. Вот бы посоветоваться сейчас с Лейном!

— Вон еще птерта! — воскликнула Джесалла. — Смотри! Я вижу семь или восемь шаров. Они летят к воде.

Толлер посмотрел в ту сторону, куда она указывала, напряг зрение и наконец различил бесцветные, почти прозрачные шары.

— Никак не привыкну, — пожаловался он. — Того вчерашнего я заметил, когда он чуть не уселся мне на колени.

Накануне, вскоре после малой ночи, к постели Толлера подлетела одинокая птерта. Толлер испытал в тот миг панический ужас, правда, не такой сильный, какой испытал бы на Мире. Шар несколько секунд повисел рядом с постелью, а затем медленно выплыл из пещеры и растаял в ночи.

— Ну и лицо у тебя было! — Джесалла состроила гримасу.

— Мне тут кое-что пришло в голову, — сказал Толлер. — У нас есть на чем писать?

— Нет. А зачем?

— Только мы с тобой знаем, что Лейн написал о птерте. Жаль, что я ничего не сказал Чаккелу. Столько времени провели вместе на корабле, а я даже не подумал упомянуть об этом!

— Откуда ты знал, что здесь окажутся деревья бракки и птерта? Ты думал, что они остались в прошлом.

— Послушай, Джесалла, это самое важное, что мы можем и должны сделать. Необходимо убедиться, что Пауч и Чаккел поняли мысль Лейна. Если мы оставим бракку в покое, здешняя птерта никогда не станет нашим врагом. Даже в Хамтефе, несмотря на то, что они добывали очень мало кристаллов, птерта порозовела. Ты должна... — Он умолк, увидев, что Джесалла смотрит на него со странным выражением на лице. — Что случилось?

— Значит, я должна? — Джесалла поставила тарелку и опустилась на колени рядом с ним. — А ты? Что с нами будет, Толлер?

Он натянуто улыбнулся.

— Неужели ты думаешь, что я дам тебя в обиду?

— Знаю, что не дашь, поэтому мне стало страшно, когда ты сказал....

— Джесалла, я всего-навсего имел в виду, что мы должны оставить послание, здесь или в другом месте, чтобы его передали новому королю. Я не в состоянии особенно расхаживать, поэтому вынужден поручить это тебе. Мы найдем, на чем писать, и...

Джесалла медленно покачала головой, ее глаза наполнились слезами. Впервые в жизни Толлер видел, как она плачет.

— Все бесполезно, Толлер. Ничего у нас не получится...

— Никто никогда не думал, что люди долетят до Верхнего Мира. Но вот мы здесь, и, несмотря ни на что, все еще живы. Я не знаю, что должно с нами случиться, Джесалла. Обещаю только, что палачам мы не сдадимся. Понятно? Приляг, отдохни, а я посторожу.

— Хорошо. — Джесалла легла осторожно, чтобы не потревожить рану, прижалась к нему и удивительно быстро уснула.

Толлер некоторое время боролся со сном, но в конце концов, чтобы не видеть огонька в груде камней, закрыл глаза...

Над ним стоял солдат с мечом в руке. Толлер потянулся было за своим оружием, но тут же сообразил, что солдат держит клинок Леддравора.

Поздно! Их обнаружили и захватили врасплох.

Снаружи доносились человеческие голоса, всхрапывали синероги. Толлер погладил Джесаллу по волосам и почувствовал, как она вздрогнула.

Солдат с мечом отошел, а над Толлером наклонился майор.

— Стоять можешь?

— Нет, он очень болен, — ответила за него Джесалла.

— Я встану. — Толлер поймал Джесаллу за руку. — Помоги мне. Сейчас не время валяться в постели. — Она подставила плечо, Толлер кое-как поднялся, с трудом выпрямился и спросил: — Итак, майор, что вам от меня нужно?

На лице майора не дрогнул ни один мускул.

— Сейчас с тобой будет говорить король, — объявил он и шагнул в сторону, давая дорогу Чаккелу, на груди которого Толлер увидел синий самоцвет, знак королевской власти. В руке Чаккел держал клинок Леддравора. Остановившись в двух шагах, новоиспеченный король оглядел Толлера с ног до головы.

— Видишь, Маракайн, я ведь обещал, что не забуду тебя.

— Осмелюсь заявить, ваше величество, что я дал вам и вашим родным хороший повод, чтобы вспоминать обо мне.

— Хватит об этом, — перебил Чаккел. — Ложись, пока не упал!

Он кивнул Джесалле — мол, уложи своего кавалера — и жестом отослал майора вместе с солдатами, а потом присел на корточки и неожиданно отбросил черный меч в сумрак пещеры.

— Потолкуем? Но учти: о нашем разговоре не должна узнать ни одна живая душа, понятно?

Толлер неуверенно кивнул.

— Должно быть, ты отдаешь себе отчет, что нажил немало врагов, — любезно сообщил Чаккел. — Прикончить за трое суток двоих королей — это надо суметь... Однако дело можно уладить. Наше новое государство возглавляют люди практичные, которые сознают, что верность королю живому полезнее для будущего империи, чем верность королям мертвым. Хочешь узнать про Пауча?

— Он жив?

— Жив, но быстро понял, что не справится с бременем власти, и охотно отказался от притязаний на трон, если так можно назвать кресло из обломков гондолы.

Толлеру пришло в голову, что он впервые видит Чаккела таким словоохотливым. Наверное, Чаккелу доставляло удовольствие наконец-то, после многих лет на вторых ролях, чувствовать себя правителем империи. Пристально глядя на Чаккела, Толлер внезапно испытал громадное облегчение.

«У нас с Джесаллой будут дети, — думал он. — И неважно, что мы с ней когда-нибудь умрем, ведь у наших детей тоже будут дети. Будущее открыто и бесконечно...»

Реальность вокруг растаяла, и Толлер увидел

себя на скалистом отроге к западу от Ро-Атабри. Он смотрел в подзорную трубу на тело брата, читал его послание, в котором речь шла вовсе не о мести. Оно было адресовано еще не родившимся миллионам и проникнуто заботой об их благополучии.

— Принц... Ваше величество, — Толлер приподнялся на локте, но это движение отозвалось болью во всем теле, и он обессиленно рухнул на постель.

— А ведь Леддравор чуть не убил тебя, верно?

— Какая разница? — Погладив по плечу Джесаллу, которая принялась менять повязку на его ране, Толлер продолжил: — Вы ведь помните моего брата?

— Да.

— Хорошо. Представьте, что вы сейчас разговариваете не со мной, а с моим братом...

Пытаясь не обращать внимания на слабость и тошноту, Толлер начал излагать точку зрения Лейна на взаимоотношения людей, птерты и бракки. Когда ему не хватало фактов, он отдавался на волю фантазии.

Как и положено при симбиозе, выгоду извлекали обе стороны. Птерта кормилась в верхних слоях атмосферы, по всей вероятности, она питалась пиконом и халвеллом или маглайном, или пыльцой бракки, или какой-то их производной. За это птерта разыскивала организмы, угрожавшие благополучию бракки. Используя слепые силы случайной изменчивости, птерта изменяла свой внутренний состав, пока не наткнулась на эффективный яд, после чего принялась действовать, уничтожая то, что не заслуживало жизни.

Человечество не должно повторять прежних ошибок. Нужно научиться обращаться с браккой уважительно, использовать только мертвые деревья. А если запас окажется недостаточным, необходимо создать заменители или соответственно изменить образ жизни. Если этого не сделать, Новый Мир ожидает судьба Старого...

— Признаю, ты произвел на меня впечатление, — сказал Чаккел, когда Толлер закончил. — Доказательств твоим словам нет, но они заслуживают серьезного внимания. К счастью, время пока имеется. Обещаю, что мы вернемся к этому разговору. А ты отдыхай. Только ответь мне на один вопрос. У вас с Леддравором все было честно?

— Почти... Пока он не лишил меня меча.

— Но ты все равно победил.

— Я должен был победить. — От боли и крайнего утомления Толлером овладело какое-то мистическое чувство. — Я родился для того, чтобы победить Леддравора.

— Возможно, он зто знал.

Толлер заставил себя посмотреть Чаккелу в глаза.

— Не понимаю...

— Леддравор вовсе не рвался покорить новый мир, — объяснил Чаккел. — Может быть, он преследовал тебя, потому что догадывался: ты и есть его Яркая Дорога.

— Такая мысль меня мало привлекает, — прошептал Толлер.

— Тебе надо отдохнуть. — Чаккел поднялся и обратился к Джесалле: — Ухаживай за ним ради себя и ради меня. Когда он поправится, я поручу ему одно дело. Вам что-нибудь нужно?

— Не помешало бы побольше свежей воды, ваше величество, — ответила Джесалла. — А так нам всего хватает.

— Ясно. — Чаккел помолчал. — Я забираю вашего синерога, поскольку у нас их всего семь, но оставлю охрану. Когда соберетесь выбраться на свет, позовите солдат. Договорились?

— Да, ваше величество. Мы вам очень обязаны.

— Полагаю, твой пациент не забудет этого, когда выздоровеет.

Чаккел повернулся и зашагал к выходу из пещеры. В его движениях сквозила уверенность человека, сознающего, что он достиг того, к чему стремился.

Проснувшись, Толлер увидел, как Джесалла сортирует собранные растения. Она разложила их перед собой на земле и беззвучно шевелила губами, размещая образцы в порядке, который сама придумала. За ее спиной сиял яркий чистый полукруг Верхнего Мира.

Толлер осторожно сел, взглянул на груду камней в глубине пещеры и быстро отвернулся, чтобы не увидеть огонька. Лишь когда огонек исчезнет, станет ясно, что он окончательно поправился.

Джесалла подняла голову.

— Ты там что-то заметил?

— Нет, — ответил он, пытаясь улыбнуться.

— Между прочим, ты постоянно глазеешь на эти камни. Что у тебя за тайна? — Явно заинтригованная Джесалла подошла к Толлеру и присела рядом. Внезапно ее глаза удивленно расширились. — Толлер! Там что-то светится!

Она проворно и легко вскочила и направилась в глубь пещеры.

Толлер хотел было остановить ее, но обнаружил, что лишился вдруг дара речи. Джесалла принялась разбирать камни. Вот она сунула руку в щель между обломками, что-то достала и двинулась обратно, чтобы показать находку Толлеру. Это оказался крупный плоский камень, поверхность которого разделяла пополам искрящаяся белая полоска.

— Какое чудо! —, выдохнула Джесалла. — Что это?

— Я не... — Поморщившись от боли, Толлер потянулся к своей одежде, пошарил в кармане, извлек подарок отца. Сразу стало ясно, что камень и отцовский подарок очень похожи друг на друга.

Джесалла погладила пальцем зеркальную поверхность.

— Где ты зто взял?

— Мне подарил отец... мой настоящий отец... в Хамтефе, перед самой своей смертью... Он сказал, что нашел его давным-давно. До моего рождения. В провинции Редант.

— У меня странное чувство. — Джесалла взглянула на туманный, загадочный диск Старой Планеты и вздрогнула. — Что если мы не первые, Толлер? Что если все это уже было?

— Может быть. Важно другое. Чтобы никогда.. — Толлер не доконочил фразы.

Он приложил ладонь к инопланетному камню, ощутил, какой тот холодный, и вдруг поверил, что сумеет сделать так, чтобы будущее не напоминало прошлое.

Перевели с английского
Виктор БОРУН, Нина БОРУН

Лев Исеев,

доктор медицинских наук, член-корреспондент Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского

ШАГИ ЗА ГОРИЗОНТ

Система двойных планет, созданная воображением автора, позволяет героям перемещаться из мира в мир без помощи космических аппаратов. Однако физические и психологические перегрузки, выпадающие на долю путешественников и подробно описанные фантастом, сродни тем, которые испытывают космонавты. О том, как реагирует организм человека на экстремальные ситуации, рассказывает нашим читателям заведующий сектором высотной физиологии Всероссийского центра медицины катастроф «Защита».

Современная цивилизация отличается парадоксами: с одной стороны, высокий уровень комфорта, изобилие, мощная техника, обслуживающая различные потребности человека, с другой — невиданные перегрузки, физические, психические, психологические, которыми приходится расплачиваться за все эти дары. Велика ли плата? На этот вопрос пытается найти ответы физиология экстремальных состояний, поле деятельности которой сегодня широко — от космической, морской или авиамедицины до гигиены труда. Изучая человека в экстремальных условиях, можно иногда обнаружить состояние, которому трудно найти место в существующих классификациях форм патологии. Очевидно, человек в экстремальных ситуациях может выходить за рамки общепринятых физиологических норм. Более того, он способен не только вынести новое для себя, запредельное, состояние, но и какое-то время пребывать в нем. Почему, как и насколько это возможно, определяет прикладная наука — физиология экстремальных состояний.

Когда-то жажда познания нового побудила человека выйти из пещеры, идти нехожеными тропами, преодолевать водные просторы и горные вершины, открывать и осваивать земли. Так человек создавал себе экологическую нишу на своей планете, пока им наконец не овладело желание выйти в космическое пространство. Возможно ли там расширение среды обитания людей? Какой биологической ценой дастся это расширение? Это предмет изучения современной космической медицины и биологии.

ОКОЛОЗЕМНЫЙ КОСМОС сегодня кажется достаточно «обжитым»: в нем побывало более трехсот двадцати человек, в том числе и десять женщин Однако до первого появления землянина в космосе на Земле были проведены тысячи экспериментов по изучению как космического пространства, так и факторов, с которыми придется столкнуться обитателям кораблей. Их конструкции предусматривали максимум защиты человека от соприкосновения с космосом: системы жизнеобеспечения имитировали на корабле земные условия. Давление, температура, соства воздуха, влажность — все, как на Земле. И все же человека надо было готовить к встрече с космосом: эту задачу решали специалисты Института биофизики Минздрава СССР, Института медико-биологических проблем (того же Минздрава), ряда других исследовательских центров страны.

Еще в конце 50-х годов автору этих строк, тогда выпускнику 2-го Московского мединститута, посчастливилось работать в лаборатории профессора Ю.Г. Нефедова, проводившего многие пионерские исследования в облвсти экстремальных состояний Изучалось, например, состояние людей в условиях длительной изоляции (герметично замкнутое пространство) при нормальном атмосферном давлении. Тогда было проведено более 80 групповых экспериментов, длительность которых постепенно возрастала. Новую страницу в космонавтике открывал годичный эксперимент, где в качестве испытателя принял участие и врач, мой коллега Герман Мановцев. Появился ряд «долгожителей» герметично замкнутого пространства, их суммарное время пребывания в гермокамере составляло 200, 300 суток, потом год и более. Рекордсменом в этом ряду остается до сих пор Гермен — 488 суток.

Было подтверждено предвидение К.Э. Циолковского: на борту космического корабля для длительных полетов требуется создать экологический цикл, подобный существующему в земных условиях. Одновременно выяснялось, какие запвсы кислорода, воды, пищи требуются для полетов той или иной продолжительности. Но главным было «открытие» — длительное пребывание человека в герметично замкнутом пространстве возможно, оно практически не отражается на состоянии здоровья, приводя лишь к появлению определенных функциональных сдвигов.

За всю историю экспериментов в барокамере было два случая, когда испытатели до срока «выходили» из опыта (не только ухудшение самочувствия испытуемого, объективно регистрируемое, но и просто его просьба — основание для прекращения исследования). Так вот, в первом случае у испытуемого возник приступ истерии от страха. Во втором – во время первой ночевки в камере у одного из испытуемых появилось ощущение удушья, невозможности переносить замкнутое пространство (явление клаустрофобии). Однако после беседы утром с руководителями эксперимента испытатель, молодой паренек, только что вернувшийся из армии, продолжил опыт. Потребовалось еще раз внимательно объяснить ему, что страх безосновательен, что воздух в камере не отличается от обычного ни по качеству, ни по составу. Этот случай подтвердил значимость психо-физиологического отбора испытателей и будущих участников космических полетов. Квк показал дальнейший опыт, подобные срывы возможны у совершенно здоровых людей. Стало также ясно, что каждый человек, даже длительное время находящийся в гермообъеме, полностью восстанавливается.

Кроме специально отбираемых испытателей-добровольцев в экспериментах принимали участие многие научные сотрудники, в том числе и врачи. Как известно, нв сегодняшний день шестеро моих коллег из России и США стали космонавтами. В свое время автору этих строк довелось участвовать в пяти тренировочных экспериментах. Суммарно продолжительность моего пребывания в гермокабине составила 235 суток.

НАША ЛАБОРАТОРИЯ высотной физиологии почти четверть века занимается проблемой декомпрессионной безопасности человека (как известно, опасность возникновения декомпрессионной болезни возникает во всех случаях перепада давления от более высокого к более низкому). Проблема важна и для некоторых земных профессий — водолазов, например, но значимость ее особенно возрастает при работе в космосе, при так называемой внекора-

бельной деятельности, когда приходится выходить в открытый космос. Сейчас благодаря надежным системам жизнеобеспечения, космонавты внутри корабля могут находиться в обычной одежде, но при выходе в космос необходимо облачаться в скафандр Создание надежных скафандров — отдельная большая тема, недаром на последней, 25-й, международной конференции по экологическим системам, которая проходила в Сан-Диего, ей было уделено большое внимание. Но в любом случае скафандр сам по себе не может «держать» того уровня даавления, который поддерживается в кабине корабля. Требуется создать замкнутую экосистему, позволяющую вести внекорабельную деятельность на протяжении достаточно длительного срока.

В лаборатории в результате многочисленных медико-технических экспериментов к настоящему времени показано: ежедневная внекорабельная деятельность в космосе принципиально возможна; современная скафандровая техника обеспечивает космонавту декомпрессионную безопасность в течение 30 суток. Наше сообщение об этом на конференции в Сан-Диего вызвало большой интерес, в частности, американских исследователей. Полученные данные будут использованы при подготовке и оборудовании российского сегмента международной космической станции «Альфа», создание которой планируется в 1998 году.

Перепады давления — проблема не только медицины космической. В русле направления физиологии экстремальных состояний было и исследование функциональных возможностей альпинистов. Они прошли испытания в барокамерном комплексе (ББК-270), в камерах которого можно создавать условия не только космического пространства, включая имитацию солнечного излучения и снижение температуры до минус 180 градусов по Цельсию, но и моделировать этапы горного восхождения

Комплекс позволяет создавать и гипер-, и гипобарическую среду (с повышенным и пониженным давлением), с определенным газовым составом. В свое время здесь была доказана принципиальная возможность выхода космонавтов в открытый космос, альпинистам же можно было тренировать отдельные элементы восхождения, адаптироваться к условиям высокогорья. Устраивались, например, «холодные ночевки»: спортсменов «поднимали» в камере на высоту 7,5 тысячи метров, соответственно снижая содержание кислорода в воздухе и его температуру (до минус 30). Получался почти «Эверест в Москве».

Тогда же были разработаны критерии «высотной устойчивости», концепция медико-биологического обеспечения высокогорных экспедиций, сконструирована кислородно-дыхательная аппаратура (специальные маски, приборы облегченного типа).

ИЗУЧЕНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ состояний служит не только решению проблем «супергероеа», какими в массовом сознании еще недавно представали космонавты или летчики-испытатели. Оказывается, полученные космической медициной данные уже служат добрую службу медицине земной. Во-пераых, технологически: многие методики, основанные на электронике, радиотелеметрии, которые позволяют дистанционно наблюдать за функциями органов, пришли, что называется, «с неба». Новейшие электронные приборы малых габаритов, вроде миниатюрного телеобъектива, позволяющего проводить мониторинг работы сердечных клапанов, или крошечной телекамеры, способной показывать «телерепортаж» о ходе операции с... шапочки хирурга, — все это дает космическая медицина.

Второе рождение переживает сегодня и барокамерный комплекс, о котором шла речь. Опыт адаптации к кислородной недостаточности оказался крайне важен для клинической медицины. Ведь каждый человек многократно сталкивается с состоянием гипоксии (кислородной недостаточности). Состояние это человек преодолевает, однако у него могут изменяться функции центральной нервной системы, вегетативные реакции. А что если попробовать ему помочь? Известно, что человеку идет на пользу пребывание в горах, на высоте до двух километров, в течение нескольких недель. Но там он и сталкивается как раз с гипоксией, поскольку на высоте, даже небольшой, содержание кислорода в воздухе падает. Оказывается, в таких случаях «движение» кислорода в организме усиливается, происходит адаптация к гипоксии Все звенья, ответственные за доставку кислорода (легкие, сосуды, ткани), как бы активизируются. На этом основаны методики использования гипобаротерапии при многих расстройствах.

Экспериментальная база Института биофизики (ныне Всероссийского центра медицины катастроф «Защита»), где в течение нескольких десятков лет разрабатывались проблемы авиакосмической медицины и высотной физиологии, стала основой для создания в столице центра гипобаротерапии. Опыт лаборатории был использован при разработке методических рекомендаций по использованию адаптации к гипобарической гипоксии в целях профилактики, лечения, медицинской реабилитации и коррекции ряда нарушенных функций. Метод эффективен для повышения физической и умственной работоспособности, общей резистентности и состояния иммунной системы у практически здоровых людей, особенно тех, чья деятельность связана с перегрузкой и стрессом. Сейчас монтируется еще несколько камер, но уже с повышенным давлением (для гипербарической оксигенации).

СОЗДАНИЕ ЦЕНТРА медицины катастроф, уже оправдавшего свое название «Защита», требует продолжения и развития многих направлений исследований в области экстремальных состояний. Крайне актуальна задача защиты человека от экстремальных воздействий, разработки индивидуальных средств такой защиты. Только что на одном из гидростендов прошел испытание оригинальный прибор, сконструированный отечественными специалистами, который служит для изучения термотопографии тела человека при охлаждении. Проблема охлаждения поистине общемировая: ежегодно от него погибает до 200 тысяч человек. Учитывая, что наша страна окружена преимущественно холодными водными бассейнами, исследования в этой области представляют отнюдь не теоретический интерес. Кстати, можно вспомнить, что после известной аварии на подводной лодке «Комсомолец» всех извлеченных из воды живыми людей мы в конечном счете потеряли из-за охлаждения и отсутствия эффективных средств обогрева.

Центр располагает гидростендом, где проходят испытания и тренировки холодовой устойчивости. Здесь моделируются температуры любой акватории мира причем с помощью воздуходувок можнс создать ветер любой силы, вплоть дс шквального и ураганного. Минеральные добавки делают воду по составу близкоі к морской. На гидростенде испытывалось снаряжение для моряков, летчиков нефтяников, других специалистов рискующих подвергнуться охлаждению в воде, проходили тренировки пловцоі — участников плавательных марафонов

Спортсмены достигли высокой холс довой устойчивости: например, на сс стоявшемся в этом году заплыве в чест 50-летия Победы участники эстафетн преодолели расстояние в 139 километ ров. Маршрут проходил от бухті Врангеля до Владивостока при темпе ратуре воды плюс 3 — 5 градусов.

К сожалению, прибор для изучени термотопографии тела только «гостил у нас; при скудном бюджетном финан сировании на покупку тепловизора соединенного с компьютером, не средств, хотя по сравнению с зарубеж ными аналогами он стоит в нескольк раз дешевле. Кроме исследователі ских целей, прибор может применятьс во время катастроф: реагируя на тепл человеческого тела, тепловизор спосі бен на расстоянии до 500 метров обн. ружить пострадавшего в воде или завале на месте землетрясения.

Привлекательна идея использовані сверхнизких температур (криокамер в лечебно-оздоровительных целя Такие опыты с конца 70-х годов пров дились в Японии: криотерапия испол зовалась при лечении полиартрит Однако эффект благотворного возде ствия на организм сверхнизких темп ратур оказался фантастическим. У достигнуты успехи при лечении мног заболеваний различных систем ор низма. Общая экстремальная криот рапия, не имея противопоказаний побочных эффектов, отлично стимул рует все функции и может ста средством медицинской реабилитац практически после любых заболеаані

Судя по сообщениям из разных чек планеты о природных и других і таклизмах, все люди имеют шансы оі заться в ситуации экстремальной. оставит человек и попыток дальнейш го вторжения за пределы дозволенн природой, познания и испытания се самоутверждения. Всякая такая попі ка заслуживает самого тщательн научного анализа. В этом залог уда попытки следующей.

«Оных людей, которые бедственными трудами или паче исполин смелостью тайны естественные испытать тщатся, не надлежит почит продерзкими, но мужественными и великодушными».

М.В. Ломоно

Льюис Шайнер

Телесериал

Давайте потолкуем о телевизионных шоу. Если вам еще нет тридцати пяти, вы, вполне возможно, не мыслите без них своей жизни, а если вам сорок два, как мне, эти передачи вряд ли что-либо для вас значат, и вы лишь с большим трудом сумеете понять, каким образом обыкновенная «комедия положений» могла разрушить мой брак и чуть было не убедила меня в том, что я сошел с ума. А уж в тот факт, что с помощью этого балагана Ричард Никсон стал президентом, вы наверняка не поверите — как, впрочем, и в то, что именно этот сериал прикончил культуру шестидесятых.

Между тем все было именно так.

Я имею в виду «Семейство Харриганов», тот самый сериал, который журнал «Тайм» назвал однажды «любимейшим шоу Америки». Что касается меня, то я, признаться, впервые услышал о нем лишь на прошлой неделе.

Может быть, вам знакомо имя: Ларри Райан. Писатель, сотрудничающий с различными журналами. Моя жена Линда (мы до сих пор вместе, но вот-вот должны развестись) моложе меня на девять лет. Ей тридцать три, и она целиком и полностью принадлежит к Харригановскому Поколению.

Линда работает в галантерее на Хайланд-Молл и порой задерживается допоздна, домой приходит в десять вечера. На прошлой неделе, перед тем как уйти на работу, она заглянула ко мне в кабинет, чмокнула в щеку и попросила записать для нее на кассету телешоу.

— «Харриганомания», — пояснила она. — В восемь по Эй-Би-Си.

— Какая мания?.. — не понял я.

— Харригановская. Ты что, забыл про Харриганов? «Вот так и живут Харриганы...», — пропела она.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Ой, до чего же здорово! Точь-в-точь как профессор! Правда, тот выражается несколько иначе — «никак не возьму в толк».

— Какой профессор?

— Профессор Харриган. Да что с тобой сегодня? — Линда выдернула у меня из-под руки лист бумаги, черкнула: «8.00, Эй-Би-Си» и вышла из кабинета.

Около двух я оторвался от работы, чтобы перекусить, а заодно посмотреть Эм-Ти-Ви и натолкнулся на Табиту Сорен, которая брала интервь у светловолосой девицы по имени Дениз О'Брайе Бегущая строка свидетельствовала: «Джейни Харриган».

— Черт побери, — озадаченно произнес я. И тервью, посвященное тому самому телевизионно шоу «Семейство Харриганов», в котором сним лась кучка полупрофессиональных актеров, Таби брала прямо на улице. Она остановила проходи шего мимо паренька лет двадцати и спросила е показывая на девицу: «Вы знаете, кто это?» Паре пригляделся и воскликнул: «Джейни Харриган!»

После обеда я никак не мог сосредоточиться работе. Не стану скрывать, я не большой покло ник всяких сериалов. Возможно, опасность «у дить на крючок» миновала меня благодаря от который просто-напросто запрещал домашним смотреть. Отец вообще завел в доме весьма стро порядки, вдобавок, он преподавал в юридическ колледже, то есть, как казалось нам с младш братом Филом, твердо знал, что хорошо, а ч плохо, поэтому мы безропотно подчинялись е требованиям.

Тем не менее, даже не будучи поклонник телешоу, я не мог пропустить столь значитель событие, поскольку вроде бы и сам принадлеж индустрии развлечений, описываю в своих произ дениях музыкантов, артистов, спортсменов... Чу какая-то, честное слово!

Когда тебя что-то отвлекает от работы, сидет пялиться на монитор совершенно бесполезно. встал из-за стола и направился на поиски телеви ра. Если это шоу настолько знаменито, его обя тельно должны были указать в программе. Одн я не нашел ни единого упоминания...

Если писателю нужен ответ на какой-то вопр он обычно снимает телефонную трубку. Я позво на телестудию, и меня соединили с пресс-центр

— Вы представить себе не можете, сколько раз дню нам звонят по тому же поводу, — сооб милый женский голос. — Вообще-то телешоу со с экранов, по-моему, пару лет назад. Скорее вс по прихоти того, у кого были права. Наверно, хотели выпустить видеокассету...

— Неужели шоу не записывалось?

— В том-то и дело! Мне кажется, сейчас владе цы видеокомпаний рвут на себе волосы. Стра правда? Такое популярное шоу — и его больш показывают.

Во второй половине дня мне понадобилось вы из дома. Я сходил на почту, а на обратной до заглянул в книжный магазин Линкольн-Виллид Продавщица примерно моего возраста, в длин платье и в очках, спросила, что меня интересу

Проявлять глупое любопытство по телефону к проще, чем лицом к лицу с собеседником. Чувс себя не в своей тарелке, я все же спросил:

— Э... У вас нет ничего насчет телешоу «Се ство Харриганов»?

— Конечно. Вот, выбирайте.

Женщина подвела меня к стеллажу, на котор обнаружил толстенную книгу в мягкой обло под названием «Харриганомания» (точно так называлась и передача, которую меня про записать Линда); кроме того, там имелись «Ж семейства Харриганов», «Семейство Харрига полный путеводитель по сериям» и «Мельчай подробности из жизни семейства Харриганов» (сре величины и толщины, весьма пестрая на вид кн ца).

— Господи Боже! — проговорил я.

— Откровенно говоря, — сказала продавщиц пока к нам не стали поступать книги, я не имел

этом шоу ни малейшего представления. А началось все года два назад.

— Наверное, мы с вами представители одного поколения, — отозвался я и направился к кассе, за которой сидела девушка лет двадцати.

— А, Харриганы. Шикарная штука.

— Точно, — поддержал юный блондинчик, стоявший у соседней кассы. Он раскрыл «Харриганоманию» и показал девушке фотографию на последней странице. — Помните этот эпизод?

— Еще бы, — откликнулась девушка. — Так жалко профессора!

— Почему? — спросил я.

— Кому же охота умирать?

Ах, ну да...

...Вместо того чтобы снова взяться за работу, я стал читать «Харриганоманию». Понять, из-за чего, собственно, разгорелись страсти, было трудновато, даже Тина Сторм, автор книги и, как гордо заявлялось на заднике обложки, «поклонник Харриганов номер один», с готовностью признавала, что основная идея «сыровата», эпизоды «банальны до отвращения», а игра актеров «в лучшем случае никакая». Ознакомившись с кратким содержанием нескольких эпизодов, я не мог не согласиться с подобными наблюдениями, а потому принялся изучать следующий раздел.

Что касается фактов, дело обстояло следующим образом. Впервые шоу появилось на канале Эй-Би-Си вечером, в пятницу, 27 сентября 1968 года, и продержалось до 1975 года. Всего показали 161 серию. Главные герои: Джон Харриган, или Проф, преподаватель английского языка в колледже Айвивилль; Джоан Харриган, или Матушка, вдова, придерживающаяся демократических убеждений; невозмутимая домработница Нэнси, родом «откуда-то с Востока». Кроме того, в каждом эпизоде так или иначе оказывались замешаны пятеро детей: во-первых, Джеф, сын Матушки, и Джейни, дочь Профа, а также дочь Нэнси, Джуди, которая воспитывалась вместе с остальными детьми, и Джоуи, усыновленный Матушкой и Профом.

Первый эпизод начинался с появления пятого ребенка — младшего брата Профа. Судя по всему, он был весьма поздним ребенком, поскольку к Харриганам прибыл в пятилетнем возрасте. Как ни странно, в книге ни разу не упоминалось, даже мимоходом, о смерти его (и Профа) родителей и о связанных с этим психических травмах.

Чем глубже я вчитывался, тем сильнее убеждался, что сценарист напрочь игнорирует действительность. В колледже Айвивилль не возникало студенческих волнений, хотя, надеюсь, вы помните, что вытворяло студенчество в 1970 году после принятия поправки Кента и Джексона. Джоуи был отъявленным националистом, не терпевшим итальянцев, евреев и испанцев, не говоря уж о вьетнамцах. Как это могло быть, если в мире Харриганов такого события, как война во Вьетнаме, похоже, просто-напросто не существовало?

Эпизоды, в содержание которых я более или менее вникал, касались вопросов наиболее удачного вложения капитала или приобретения популярности в школе. Профессор держался немного напыщенно, однако всегда демонстрировал здравый смысл, утверждая, что взросление есть сочетание возраста, опыта и положения в обществе.

Именно это, я думаю, привлекло внимание Ричарда Никсона, который заявил за две недели до победы на президентских выборах 1968 года: «Харриганы — мое любимое шоу. Как раз такие семьи и делают страну великой». А когда о Харриганах спросили у Хьюберта Хамфри, тот откровенно не понял, о ком речь. По крайней мере, так все запомнилось Тине Сторм, которая в ту пору еще не могла голосовать по той причине, что была на десять лет моложе, чем предписывал закон. На следующей неделе в школах и колледжах организовали нечто вроде предварительных выборов, на которых Никсон одержал полную победу.

Профессор Харриган живо напомнил мне моего отца, который, естественно, был горячим сторонником Никсона. Уверенный в собственной непогрешимости, суровый, решительный, он считал себя настоящим героем. Разница заключалась в том, что Проф Харриган хотя бы изредка говорил своим детям, что любит их и потому был героем и в глазах детей.

У каждого персонажа сериала имелись одна-две излюбленные фразы. Во-первых, разумеется, профессорские: «Никак не возьму в толк» и «Не возражаете?» (так он говорил, в очередной раз выдворяя со своего кресла одного из матушкиных котов); затем вопли юного Джимми: «Называй меня дядей!» и язвительные замечания Джейни, вроде: «Ты хочешь сказать, что профессор — старикан». Последнюю фразу, кстати сказать, подхватили и прочие члены семьи, но вовсе не потому, что злились на Профа, нет, они просто так *шутили*.

Иллюстраций в «Харриганомании» почти не было. Лишь фотографии совершенно не знакомых мне актеров и актрис да пара-тройка рабочих кадров в момент съемки. И ни одного кадра из какой-нибудь серии. Шелдон Браун, автор и продюсер шоу, как говорилось в предисловии, отказался дать разрешение на публикацию.

У меня постепенно складывалось убеждение: тут что-то не так. Подозрения переросли в уверенность, когда я прочитал заметки о Песне.

По мнению Тины Сторм, мелодия, что сопровождала сериал, повергала слушателей в состояние экстаза, ибо походила на все те мотивчики, которые моментально проникают в сознание и не желают его покидать. За какие-нибудь шестьдесят секунд эта песенка описывала весь расклад и всех героев шоу, включая младшего брата Джимми, «который был им и дядей, и братом».

Исполнял песенку ансамбль, прославившийся такими хитами, как «Говорит Саймон» и «Раз-два-три, красный свет». Если верить Тине Сторм, в конце 1968 года песенка вошла в десятку наиболее популярных в стране.

Ничего подобного! Уж что-что, а это я могу доказать.

В моей библиотеке насчитывалось немало справочников по музыке, в том числе «Указатель к хит-парадам «Биллборда» и «Рок!» Норма Найта. Ни в одной из книг песенка из телесериала «Семейство Харриганов» не упоминалась — ни в разделе «Песни», ни в связи с кем-то из исполнителей. Но вот что странно: убедившись в том, что Тина Сторм передергивает факты, я отнюдь не испытал облегчения.

Вечером я посмотрел «Харриганоманию» по телевизору, а видеомагнитофон тем временем добросовестно записывал передачу. Типичное телешоу: сплошная апологетика при минимуме содержания. Тина Сторм принимала гостей — различных знаменитостей, — которым задавала вопросы, типа: «Какой эпизод вам больше всего нравится?» и «Что значат Харриганы лично для вас?» Джей Вебер ответил, что они «островок спокойствия в то смутное время, местечко, куда можно заглянуть за молоком и пирожками, хотя кругом царит бардак, все твои друзья воюют во Вьетнаме, а девчонки отшивают на первом же слове». Шеннен Догерти, в футболке с надписью

«Не возражаете?», заметил, что «всякий желал бы иметь своим отцом такого человека, как Проф Харриган». Арнольд Шварценеггер заявил: «Харриганы пропагандируют семейные ценности».

Затем ведущая пустила слезу: последовало сверхэмоциональное прощание с актером, который играл Профа Харригана и погиб в авиакатастрофе, когда летел куда-то на гастроли. Слезы также были пролиты над мальчиком, исполнявшим роль Джоуи Харригана и умершим в 1980 году от наркотиков. Далее на экране под громовые аплодисменты появилась актриса, которая играла Матушку; впрочем, ее быстро убрали, поскольку выглядела она не слишком привлекательно и к тому же была в стельку пьяна.

Тина Сторм принялась зачитывать отрывки из писем от тысяч и тысяч детей, которые, посмотрев сериал, решили сбежать из дома, чтобы стать членами семейства Харриган. Тина объяснила, что в конце концов студии пришлось выступить с официальным заявлением: мол, Харриганы — персонажи вымышленные, поэтому детям следует оставаться со своими собственными родителями и примириться с такой участью.

Шелдон Браун в передаче не участвовал, а поскольку не дал разрешения показывать эпизоды, зрителям представили фильм «Семейство Харриганов на сцене» и различные косвенные свидетельства: комиксы, настольные игры по мотивам сериала, куклы с лицами персонажей и даже игральные карты «Харриганы».

Под конец все приглашенные знаменитости поднялись на сцену и спели Песню.

Линда вернулась домой в десять. Мы поужинали сэндвичами, и я лег, а она включила видеомагнитофон. Я немного почитал, потом попытался заснуть. Та половина кровати, на которой спала Линда, попрежнему пустовала: признаться, я потихоньку начал к этому привыкать. Отсыпалась жена обычно по утрам, а я вставал в восемь, чтобы махнуть после завтрака в Нью-Йорк. Мы с Линдой словно обитали в разных мирах.

Может, я веду себя неправильно? Может, пойти поговорить с ней или слегка подурачиться? Я накинул халат, вышел в коридор и остановился в дверях гостиной. Линда сидела на кушетке, по ее щекам текли слезы. Не помню, когда я последний раз видел жену плачущей. Губы Линды шевелились, она беззвучно повторяла слова, что доносились из динамика: «Каждый из них свое счастье нашел —Нэнси и дети, профессор с женою. Пусть же вокруг будет всем хорошо. Знай, что семейство рядом с тобою».

Я направился обратно в спальню. Линда даже не повернула головы.

Едва мы познакомились с Линдой, в наших отношениях возникла натянутость, которую я объяснял разницей в возрасте: как-никак, ей было всего двадцать, а мне двадцать девять. С годами мы все лучше узнавали друг друга, но некоторая напряженность оставалась.

На следующее утро, в субботу, я твердо решил поговорить с Линдой. Она оказалась в гостиной — сидела на кушетке и читала газету, а по телевизору шел какой-то черно-белый фильм сороковых годов.

— Ну как, понравилась тебе передача?

— Спрашиваешь!

— Я тоже ее посмотрел. — Линда метнула на меня взгляд, исполненный неподдельного интереса, чего не было давным-давно. Однако проблеск любопытства немедленно угас, когда я добавил: — И, признаться, впечатления она на меня не произвела.

— Естественно. Ведь ты не раз говорил, что не одобряешь телевидение в принципе. Я и не ожида ла, что тебя, как говорится, проймет.

— А ты не хочешь мне помочь? Объясни, по жалуйста, что тебя так привлекает в Харриганах — Линда пожала плечами; я понял, что причини ей боль, но не стал отступать. — Ты ведь прекрас но понимаешь, что сюжет этой нелепой передачи не имеет никакого отношения к реальной жизни

— А что в этом плохого? — Линда не пыталас скрыть своего раздражения, что позволяла себ крайне редко, даже реже, чем слезы. — Мы вс устали от этой «реальной жизни». Мне целый ден приходится обслуживать покупателей, а когда воз вращаюсь домой, я просто хочу расслабиться отдохнуть. Понимаешь? Отдохнуть, отвлечься о забот, да просто-напросто забыться! И «Семейств Харриганов» для меня — лучший отдых. Како преступление я совершила?

— Я всего лишь спросил...

— Ну да! Всего лишь спросил, зато с каки высокомерием! Или ты думаешь, что если поучаст вовал в шестидесятых в нескольких маршах проте та, то стал святым? Посмотри на себя. Не так давн ты беспрерывно рассуждал о Великом Американ ком Романе, который когда-нибудь напишешь, и том, что журналистикой занимаешься только дл того, чтобы собрать побольше материала. Тепер ты об этом уже не заговариваешь и по-прежнем ничего не делаешь. Господи Боже, ты даже н ходишь голосовать! Все вы, святоши, болтаете переустройстве мира, а что толку? Слова, они и ест слова. А мы, обыкновенные люди, хотим сохранит свои дома, машины и телевизоры. «Семейств Харриганов» показывают по всему миру: Европ Россия, Бразилия... Людям нужен покой. Поэтом им и нравятся Харриганы.

— Линда, я...

— Ты думаешь, я в восторге от своей поганс работы? Думаешь, мне доставляет безумное уд вольствие, что мы не можем позволить себе таку роскошь, как завести ребенка? Думаешь, я н променяла бы свою судьбу на долю Матушк Харриган? Или кого-нибудь из детей? Променя бы не задумываясь!

— Извини. Честно говоря, — прибавил я горечью, — мне не приходило в голову, что т настолько несчастна.

— Какой сюрприз! Неужели ты доволен свое жизнью?

— Во всяком случае, я не променяю ее н телевизор.

— Это твое дело. — Жена отвернулась, разгово оборвался.

После того как Линда ушла на работу, я позв нил своему брату, который живет на другом кон города. Он на два года моложе меня, однако наш себе прибыльное место в Национальном общес венном банке, обзавелся большим домом, семье детьми и яхтой.

— «Семейство Харриганов»? — переспросил о — Не помню. Но дети только о нем и говорят.

— Позови кого-нибудь из своих ребят.

— Погоди минутку.

— Привет, дядя Ларри, — послышалось в трубк

— Привет, Дэнни. Ты смотрел «Семейство Ха риганов»?

— Смотрел. Но его больше не показывают.

— Тебе понравилось?

— Не знаю. Оно какое-то глупое.

— Но ты все равно смотрел, так?

— Так.

Мы потолковали с Дэнни насчет бейсбола, зат я попросил его позвать отца.

— Что, сочиняешь рассказ? — поинтересовался Фил.

— Еще не решил. Ответь мне на один вопрос, ладно? Сам ты видел хоть какую-нибудь серию или просто слышал от детей?

— Я же тебе сказал, что не видел, — произнес Фил. — Ну и что с того? Харриганы стали частью нашей культуры. Можно не смотреть телевизор, не читать газет, и быть, тем не менее, в курсе всего, что происходит. Это словно воздух, которым мы дышим, или пища, которую едим...

Работа не клеилась, и я решил сходить в городскую библиотеку, чтобы раз и навсегда разделаться со страхом, который свернулся в тугой клубок у меня в желудке.

Перво-наперво я заглянул в программу передач, которая заканчивалась 27 сентября. Все три канала анонсировали свои передачи, но «Семейства Харриганов» среди них не было. В восемь вечера по Эн-Би-Си шла вторая серия «Высокого кустарника», по Си-Би-Эс — продолжение «Дикого Запада», а по Эй-Би-Си — «Операция «Развлечение». Никакого «Семейства Харриганов».

Тогда я ушел в прошлое. Изучил микрофильмы «Нью-Йорк таймс» и «Остин Американ-Стейтсмен». Попытался обнаружить «Семейство Харриганов» в «Указателе публикаций в периодических изданиях». До середины восьмидесятых — ни единого упоминания, а затем статьи типа «Где-они-теперь?» и «Постановка-ставшая-символом-поколения».

С помощью номера «Пипл» за ноябрь 1987 года я убедился, что премьера шоу состоялась именно в тот год, который называла в своей книге Тина Сторм, и сделал ксерокопию телепрограммы за ту неделю.

Вернувшись домой, я позвонил в справочную Лос-Анджелеса. Номера Шелдона Брауна у них, естественно, не оказалось. Тогда я разыскал материалы к своей годичной давности статье о телефонных хакерах — они называют себя телечокнутыми — и позвонил одному знакомому парнишке, который дал мне не только телефон Брауна, но и номер его факса.

Трубку сняла личный секретарь. Ни секунды не сомневаясь, что она не станет со мной разговаривать, если я хотя бы заикнусь о Харриганах, я сказал:

— Меня зовут Ларри Райан. Речь идет о деньгах. Боюсь, дело не терпит промедления.

— Подождите, пожалуйста. — Зазвучала негромкая музыка. — Мистер Браун говорит, что никогда не слышал вашего имени. В какой фирме вы работаете?

— Э... «Меррилл Линч».

— Мистер Браун не вкладывал никаких средств в «Меррилл Линч». — В трубке послышались короткие гудки.

«Ну ладно», — подумал я. Набрал номер факса, написал внизу ксерокопии с телепрограммой свои *имя и телефон* и вставил лист бумаги.

Звонок раздался полторы минуты спустя.

— Итак, — произнес мужской голос, — вы раскрыли тайну «Семейства Харриганов».

— Кто это? Шелдон Браун?

— Допустим. — В голосе моего собеседника сквозила усталость. — Вы журналист?

— В данный момент...

— Наплевать. Если записываете наш разговор, считайте, что получили мое согласие. Все равно вы ничего не добьетесь.

Честно говоря, я как-то не подумал, что беседу стоило бы записать на пленку, но едва Браун упомянул о своем согласии, я тут же включил диктофон.

— Похоже, я кое-что раскопал, но вот что именно? Пока у меня есть только вопросы.

— Ответ на один из них, мистер Райан... Я правильно запомнил вашу фамилию?

— Да.

— Ответ на один из них следующий. Телесериал «Семейство Харриганов» никогда не существовал. Я не писал никаких сценариев, у меня нет пленок, которые я якобы не даю для показа и тиражирования. Насколько мне известно, сериал ни разу не показывали по телевизору.

— Но... Но это невозможно!

— Я говорил то же самое на протяжении многих лет, однако никто мне не верил.

— А как же книги, карты, вчерашняя передача?..

— Вы журналист, мистер Райан, значит, образованный человек. Должно быть, вам знакомо изречение Вольтера? «Если бы Бог не существовал, его следовало бы выдумать».

Я поверил ему далеко не сразу. В понедельник я позвонил редакторам нескольких журналов, с которыми работал не первый год. «Обратитесь в «Уикли уорлд ньюс», — посоветовали мне все как один. — Мы таких статей не печатаем. Черт побери, Ларри, что с вами стряслось?»

В конце концов я настолько отчаялся, что и впрямь начал подумывать, а не позвонить ли в «Уикли уорлд ньюс». Но стоит ли хоронить правду среди отчетов о встречах с инопланетянами, чудесных исцелениях и тому подобном?

Я долго не ложился спать, все пытался сообразить, что к чему. Сколько это продолжалось? И неужели началось еще в шестидесятых? Если аудитория Харриганов была недостаточно взрослой, чтобы голосовать, каким образом они сумели помочь Никсону? Ответ напрашивался сам собой: детишки, сознательно или нет, воздействовали на своих родителей.

Впрочем, имелся и другой ответ, куда более страшный. А что если те стихийные силы, которые вызвали появление на телевидении этого сериала, заодно создали и Никсона — этакую призрачную фигуру, политическую марионетку? Мой рассудок шарахнулся прочь от шальной мысли, будто Харригановское Поколение — от бурной жизни шестидесятых.

Вчера утром я вошел в гостиную и обнаружил на стуле утреннюю газету. Линда, уткнувшись в тарелку, даже не подняла головы.

— Не возражаешь? — спросил я, поднимая газету, и только тут сообразил, что произнес одну из любимых фраз Профа. Должно быть, Харриганы проникли в меня глубже, чем я предполагал.

Линда искоса поглядела на меня и усмехнулась.

— А ты не возражаешь? — ответила она вопросом на вопрос.

— Ну... — *Я улыбнулся. — Вот так и живут...*

И вдруг я понял, куда меня влечет. Линда, милая, любимая Линда манила и звала, точно огонек в ненастной ночи. Подобный шанс предоставляется один-единственный раз. Я могу стать частицей чего-то большего, проникнуться светом и счастьем, которые укроют от мира, где правят страх, злоба, отчаяние, и ...

Оставалось лишь закончить предложение.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ

Сергей Никифоров

«КАК ПОЖИВАЕТ ДЯДЮШКА ЛЬЮИС?»

ГИПОТЕЗА

Или:
«Ну что же мы стоим
и ничего не делаем?»
Или:
«Я так зла,
что готова плеваться!»
А дальше испуг:
«О чем они говорят?
Милдред не могла
объяснить.
Кто на кого зол?
Милдред не знала.
Что они хотят делать?
«Подожди,
и сам увидишь»,
— говорила Милдред».
Вспоминаете?
Да, конечно,
это строки
из романа Р. Брэдбери
«451° по Фаренгейту»,
написанного
сорок три года назад.
Рассказ Л. Шайнера,
опубликованный
совсем недавно,
в 1994 году,
это дань
предвидению Мастера.
Шайнер не скрывает
почти прямых
аналогий с романом —
в той его части,
которая посвящена
«родственникам»,
героям телешоу, —
автор лишь
доводит идею
до гротеска...
Но вот, наконец,
телесериалы
пришли и на наш экран,
и критики
потрясенные
«массовым безумием»,
ломают копья
а попытках выяснить,
что же находит
наш зритель
в бесконечных историях
«семейства Харриганов»...

Сложно сказать что-то новое о предмете, которому посвящено уже бесчисленное множество публикаций. К тому же каждый из нас может судить об этом феномене воочию, что вовсе не облегчает задачу автора настоящих заметок. Правда, одна любопытная деталь: задаваясь вопросом, откуда, собственно, возникла столь необъяснимая популярность телесериалов, авторы большинства материалов прочитывают ситуацию как бы «с чистого листа». Словно этот «заморский фрукт» в одночасье завоевал сердца наших сограждан

А между тем первая наша встреча с телесериалом состоялась примерно три десятка лет назад. Тогда всеобщее внимание владельцев черно-белых телеэкранов привлек сериал М. Анчарова «День за днем» (Кстати, любителям фантастики будет интересно узнать, что до этого Анчаров был известен своим фантастическим сборником «Сода-Солнце», очень светлым и добрым, и званием первого советского барда, которое он заслужил своими песнями.) Сегодня, думается, нет нужды вдаваться в сюжетные подробности первого телесериала, важно другое — те зрительские чувства, которые остались в памяти и доныне. Каждый раз мы искренне сопереживали персонажам, как всем тогда казалось, захватывающего действа. Почему? Видимо, потому что сразу почувствовали себя не только пассивными созерцателями, но и непосредственными соучастниками всего происходящего Вдруг возникла незримая, но прочнейшая двусторонняя связь; необычная по тем временам откровенность представления не укладывалась в рамки тогдашнего общественного сознания: нам показали мельчайшие подробности каждодневной жизни нескольких семей — обитателей одной коммунальной квартиры. Шла вторая половина 60-х, время послехрущевской оттепели, которая нас не очень-то и «разморозила». Люди старшего поколения воспринимали сериал едва ли не как нечто, подсмотренное в замочную скважину, не веря поначалу в подобную открытость, поскольку в жизни привыкли абсолютно к другому. Незатейливый бытовой сюжет, заполненный к тому же назидательными монологами, стал вдруг удивительно родным. Любая семья, каждодневно смотревшая «День за днем», сама как бы поселялась в той коммунальной телеквартире и готова была отдать любому из ее обитателей последнюю рубашку. Наверное, впервые нам попытались показать самих себя такими, какими мы были или, что точнее, какими себе казались. Чтобы понять чувства тогдашних зрителей, надо вспомнить телепрограммы тех, уже давних лет. Это были победные реляции об очередных успехах, героика будней «простых тружеников», борьба «отличного» с «хорошим» и, на десерт, о делах в каком-нибудь очередном далеком Гондурасе. И вдруг на этом фоне — впервые вроде бы о таких же, как мы, о людях из коммуналки!

Успех сериала был оглушительным Настолько, что сам Анчаров, не избалованный вниманием публики, откровенно признавался, что даже отдаленно не предполагал подобного живейшего интереса аудитории. Критики снисходительно отмечая просчеты сюжета, выспренность монологов, схематичность персонажей, намекали на то что сериал вытянул великолепный ак терский ансамбль и умелая режиссура Тот, кто видел недавнее повторени сериала на канале ТВ-6, мог убедить ся, что «ансамбль» был самый обыч ный для тех годов, а режиссура — от кровенно банальна. Сериал поднял на пьедестал идея, рожденная психо логией коммуналки: до чего же инте ресно изо дня в день наблюдать жизн соседей и, встречаясь на общей кухне втайне знать, что все подробности и нехитрых взаимоотношений тебе хо рошо известны...

ОГРОМНАЯ ПОПУЛЯРНОСТЬ анча ровского сериала — жанра, доселе нас неведомого, побудила О. и А. Лав ровых предложить телевидению свої Но что интересно: на Западе к том времени уже существовали подробны киноведческие работы, четко отграни чивающие рамки жанра — семейны (или бытовой) сериал и сериал крим нальный. Была определена специфик каждого из них, указаны определенны закономерности восприятия, найден и те «кнопки», на которые должен нажи мать режиссер в том или ином случа Словом, зарубежная, в основном ам риканская, критика в те времена выст пала за чистоту жанра, подчеркива что ожидания зрителей в каждом сл чае различны и пытаться создать н кий «синкретический» телематериа значит, погубить шоу.

Лавровы поступили вразрез с те рией. Воспользовавшись опытом А чарова, под видом детективного сюж та они создали некие бытовые хрони — всякий раз иные, но объединенны «семьей» знатоков — и не только погибли, а победно прозвучали на э ране. Были демонстративно нарушен все законы детективного жанра: зр тель с самого начала знал, кто престу ник. Зато аудитория получила редк возможность в подробностях, в дет лях подсмотреть, как живут соседи «денежного» мира, и удовлетвори свое нравственное чувство, увидев, к хапугу-соседа увозит «воронок».

И наконец — как вершина, как явле ное чудо нашего собственного, абс лютно недопустимого на Западе жан — появились «Семнадцать мгновен весны» Что говорить, выверенный с нарий, великолепные актеры. Но за майтесь: ведь абсолютное большин во главных действующих лиц отри тельны уже по определению — это ве ний эшелон власти III рейха, соверш ший тягчайшие преступления про человечества. А герои вызывают у чисто бытовой интерес. Они отвращают, а, наоборот, заворажи ют и притягивают, поскольку живут « стенкой». Сериал дает нам возм ность понять их психологию, взаимо ношения, мелочи их жизни. Мы наб даем за развитием действия сов другого времени, хотя в каждом из оставившем «следы», но разве тол отечественная история и сюжетн ходы так сильно влекут к этой карти Нет, благодаря ей зритель ощущ

почти реальную сиюминутность происходящего. И пусть сейчас он не «в кадре», а «за», но происходящее разворачивается на его глазах и в его доме.

МЫ ЖДАЛИ новых встреч с другими «соседями», которые регулярно приходили бы к нам и приносили с собой естественные человеческие чувства: доброту, любовь, взаимовыручку, чего многим из нас в повседневной жизни не хватает. Глядя на экран, люди учились состраданию, да и вообще нормальному общению. Им казалось, что они становятся лучше, чище: ведь радели не за себя, а за ближнего. Поэтому, войдя в нашу жизнь, телесериалы, казалось бы, заняли пустовавшую эмоциональную нишу.

Но ничего, что можно было хотя бы близко поставить с этими картинами, наш год от года бронзовеющий кинематограф не предложил. И зритель безнадежно ждал встречи с новыми соседями, новой — чужой — судьбой, которую можно обсуждать с сослуживцами, родственниками, знакомыми.

Наши творцы молчали. И вот из далекой Мексики, из давнего рабовладельческого прошлого к нам пожаловала рабыня Изаура, став подлинно народной героиней всех советских (тогда еще) республик. Имя несчастной рабыни у заждавшейся публики сделалось неким заклинанием. Пассажиры общественного транспорта, очередники за колбасой и прочими продуктами, услышав «Изаура», тут же прекращали все разговоры, выяснения отношений и прислушивались к тому, кто произнес это магическое слово: вдруг он знает, что с героиней случится завтра?..

Вскоре на смену рабыне пришли «Богатые...», и сердцами зрителей прочно завладела Марианна. Едва дождались благополучного исхода ее страданий, тут же новая встреча: на сей раз с красавицей Ракель из сериала «Никто, кроме тебя». Не успели толком разобраться в ее отношениях с Антонио, как ТВ выстреливает сногсшибательный анонс: вот-вот мы анова встретимся с Вероникой Кастро, но теперь уже в роли супруги бывшего (из предыдущего фильма) «собственного сына». И пошло, и поехало. . Нынче ежедневно по всем каналам транслируются примерно десять сериалов. Конечно, не все из них можно причислить к «семейным» шоу, но лент с мелодраматическим сюжетом не менее половины.

ТАК, СОБСТВЕННО, чем же так приворожили нас зарубежные телесериалы? Ведь в жизни массового российского зрителя и «жизни» героев мексиканских, бразильских, а уж тем более американских и австралийских «мыльных опер» трудно найти хоть что-нибудь общее. Оказывается, дело совершенно в другом. Законы жанра обязательно требуют от «мыльной оперы» универсальной адресности. В подобных сериалах всегда действуют герои различных возрастных и социальных групп, поэтому и смотрит их вся семья целиком, обсуждая потом сюжетные коллизии, а это приносит в дом дополнительные возможности для доброго родственного общения, которого, повторюсь, многим сегодня так не хватает.

Действительно, долгие прежние годы мы жили просто по привычке: дом, работа, уверенность в завтрашнем дне... Вдруг, почти в одночасье, все рухнуло (кроме домов, разумеется, да и то не везде), почти каждый стал сам по себе, разобщенность людей дошла до предела От былой коммуналки не осталось и следа Слово «досуг» превратилось в анахронизм: уже мало кто помнит, что оно означает. По результатам социологического опроса, каждый третий москвич проводит отпуск в собственной квартире, львиная доля остальных — на дачах, и лишь немногие могут позволить себе отдых в ближнем или дальнем зарубежье. И это в Москве, где уровень доходов населения заметно выше, чем в остальных регионах России. Нет работы, нет денег, да и те, у кого есть «место», сами удивлены, как умудряются сводить концы с концами. Все развлечения (кино, театры, концертные залы, парки с аттракционами), ранее доступные большинству, теперь по карману немногим. А пенсионеры, которых в нашей стране несколько десятков миллионов, вообще лишены всяческого общения. Вот и оказывается для них телевизор незаменимым посредником в общении с окружающим миром, единственным источником информации, причем, в отличие от прессы, практически бесплатным. Поэтому и стараются теперь починить его в случае поломки в первую очередь, а ведь раньше-то должен был бесперебойно работать холодильник...

Ежедневное появление на домашних экранах одних и тех же героев «мыльных опер», хотя и залетевших из какой-то совершенно другой Вселенной, это «островок жизни». Пусть сюжеты схематичны, пусть чувства персонажей искусственны, но зато к нам приходят «соседи» — причем из экзотического мира. Сопереживание чужим телестрастям, которому мы научились давно, это как бы защитная реакция человеческой психики, позволяющая уйти в мир иных человеческих взаимоотношений. Но кажется, не от хорошей жизни в России такая любовь к предмету нашего сегодняшнего разговора, который, появившись на широком поле массовой культуры, прочно там обосновался, заняв немалую его часть.

А&Анкета «Если»:

1. Что, по вашему мнению, находит зритель в телесериалах?

2. «Мыльные оперы» стали своеобразной субкультурой. Видите ли вы какого-нибудь конкурента, который смог бы отобрать у них зрителя?

Александр Адабашьян, кинорежиссер:

1. Телесериалы для зрителя представляют некую параллельную жизнь, за которой им интересно следить. Они помогают расслабиться, снять стресс и более спокойно относиться к окружающей действительности.

2. Полагаю, что конкурентов у них нет.

Виктор Мережко, кинодраматург:

1. Погружаясь в телесериалы, зритель находит успокоение, ведь «мыльные оперы» — своеобразная телевалерьянка. Все эмоции в них настолько гипертрофированы, что сразу же становится понятно: все это понарошку.

2. Зарубежные «мыльные оперы» так прочно вошли в массовое сознание, что, я думаю, если и появится какой-то конкурент, то им может стать только хороший отечественный телесериал. Как говорится, «клин клином вышибают».

Лидия Польская, критик:

1. Поскольку в телесериалы заложены хоть схематичные и достаточно грубые, но все же жизненные конструкции, то и видит в них зритель как бы полузеркальное отражение действительности, ее подсознательную коррекцию.

2. Существующий рейтинг телепередач подтверждает, что такие конкуренты уже есть. Это, к примеру, программа «Поле Чудес». И, мне кажется, их будет все больше и больше. Ведь столько «мыльных опер» идет ежедневно. Внимание зрителя распыляется. Чем больше сериалов в эфире, тем меньше интерес к ним.

Алексей Баталов, народный артист СССР:

1. Зритель находит в телесериалах ту судьбу, которой он, как ему кажется, лишен, те страсти, которыми обделен, тех «друзей», с которыми, сложись жизнь иначе, мог бы общаться.

2. Массовая культура — явление неистребимое, поэтому конкурентов нет и бороться с этим безнадежно. Дело в том, что у «мыльных опер» свой определенный зритель.

Владимир Михайлов, писатель-фантаст:

1. Телесериалы, по-моему, удовлетворяют потребность зрителя в том, чего ему недостает в реальной жизни. Поэтому находит он там как бы параллельную Вселенную. Действительно, в параллельном мире все чуть-чуть иначе, интересней и необычней, хотя психология людей вроде бы та же. Просто существует некий фантастический допуск, некая поворотная точка, и наш серенький мир оказывается — там — ярким и красочным.

2. Если попытаться предположить конкурента, то, думаю, реально отвлечь зрительское внимание могла бы серия передач, посвященных судебным процессам над сегодняшними «бизнесменами», сколотившими свое состояние нечестным путем.

Алло! Дорогая? Прости, на Луне задержался...

Портативный персональный коммуникатор, обычно в виде наручного браслета, давно стал традиционным элементом классического НФ-антуража, но в реальном мире он появился лишь в 1994 году. Правда, детище телефонной компании AT&T заметно крупнее и тяжелее тех, которые держат в руках герои фантастических произведений; коммуникатор пока размером с книгу и весит около 1,5 кг, зато объединяет в себе телефакс, приемопередатчик электронной почты, сотовый телефон (с памятью для записи поступивших звонков) и мини-компьютер типа электронной записной книжки. Хотя новое комплексное средство связи стоит довольно дорого ($4000), однако почин сделан. Электроника же, как известно, стремительно прогрессирует в сторону миниатюризации и удешевления.

Куда шагает робот?

Недавно Европейское космическое агентство в одном из своих исследовательских центров представило последнее поколение роботов.
Речь идет об аппаратах, которые будут работать в местах труднодоступных или вовсе недоступных для человека.
Одно из подобных устройств — шагающий робот Sherpa — способно изменять свои размеры. К примеру, его платформа поднимается на телескопических ногах и сохраняет при передвижении строго горизонтальное положение — даже под нагрузкой до 300 кг. Робот может двигаться по ступеням лестницы вверх и вниз, преодолевать препятствия высотой до 70 см. В отличие от многих своих управляемых предшественников, Sherpa самостоятельно принимает решения, что делает особо интересным его применение при освоении космоса.

Контрацептив для мужчин

Можно ли создать противозачаточные таблетки для мужчин? Исследователь Этьен-Эмиль Больe почти уверен в положительном ответе. Речь идет о препарате RU 486.
В результате проведенных экспериментов ученый установил, что препарат и его производные блокируют проникновение кальция в мужские половые клетки и таким образом мешают их созреванию. Цель исследователей — получить контрацептив, применяемый за несколько минут до начала интимных отношений. Таким образом в недалеком будущем мужчины, видимо, смогут во многом принять на себя ответственность за нежелательную беременность своих партнерш.

Тонкая талия матери может сказаться на здоровье ребенка

Как показывают результаты исследования, опубликованные в British Medical Jornal, отсутствие аппетита у детей, оказывается, зависит от поведения их матерей за обеденным столом. Психиатр из Royal Free Hospital в Лондоне выдвинул эту гипотезу на основании наблюдения тридцати детей в возрасте от 2 до 12 лет. Психологические тесты показали, что их матери имеют много общего: определенный режим дня, навязчивую идею соблюдать стройность и, конечно же, строжайшую диету.
Материнское неприятие пищи вызывает у ребенка чувство опасности и может привести к отсутствию аппетита.

Керамика на службе у модниц

Предприятие Thosca PME, специализирующееся на производстве технической керамики, разработало новый композит, позволяющий надолго зафиксировать запах духов. Из нового материала можно изготавливать изделия любой формы: кулоны, миниатюрные флаконы и т.д. Аромат духов сохраняется в них многие недели и может быть в любой момент вызван вновь при помощи нескольких капель, нанесенных на внутреннюю поверхность изделия.

Миниатюрные чудо-богатыри

Объединение Marklin подготовило к 16-му международному Салону макетов и моделей 194 миниатюрных локомотива, каждый из которых весит 785 граммов и имеет длину 21 сантиметр. Эти мини-локомотивы должны тянуть за собой нормальный вагон весом 26 тонн! Но, несмотря на такие необычные способности, им уготованы места в собраниях коллекционеров. Они смогут приобрести уникальные изделия на аукционе, вся прибыль от которого предназначается для медицинских исследований по борьбе с муковисцидозом.

Глоток молока

Сегодня бактериологическая очистка молока, необходимая для его хранения, достигается термообработкой, которая вызывает необратимые изменения в его составе, в частности в природных свойствах белков.
Недавно шведская группа Alfa-Laval в сотрудничестве с Национальным французским институтом сельскохозяйственных исследований (INRA) и ассоциацией Bretogne Biotechnologie-Alimentaire разработала новый метод, названный Bacto-Catch. Он основан на тангенциальной микрофильтрации и позволяет задержать 99,5% бактерий. Все остальные составляющие молока легко проходят через мембрану. При такой обработке продукт сохраняет все свои питательные свойства и, прежде всего, неповторимый вкус сырого молока, раньше исчезавший вместе с нагревом. Применение технологии Bachto-Catch уже позволило увеличить срок хранения пастеризованного моло с 6 — 8 до 16 — 21 дня.

Новое нашествие НЛО

Недавно на полки американских магазинов приземлились стаи «летающих тарелок» производст Testor Corporation. По словам Джона Эндрюса, одного из ведущих менеджеров корпорации игрушка выполнена в строгом соответствии с детальным описанием корабля пришельцев, укрытого от взоров общественности на военной баз Nellis Air Range (Невада). Сквоз прозрачную оболочку «летающей тарелки», снабженной открывающимся люком, видны три внутренних уровня: по периметру верхнего идут иллюминаторы для визуальных наблюдений, на среднем помещается главный реактор с пультом упрввления и 12 креслами для экипажа, на нижн установлены двигатели.
«Полагаю, мы выпустили ее в надлежащее время», — замет Эндрюс. Комментируя это высказывание, журналисты указывают, что Testor Corporatic выбросила на рынок изумительн точные копии самолетов Stealch Bomber и Stealch Fighter задолг до того, как с них был снят гр секретности, а в 1993-м произвела модель самолета (по слухам в авиационных кругах, именуемого Aurora), факт существования которого правительство США яростно отрицает.

Крис Уиллрич

Крошка-Смерть

Asimov's
Science Fiction
December 1994

Крошку-Смерть он нашел на дне ручья в лесу. Тело Билли Макаферти ныло от десятков пчелиных укусов и нещадных ударов ремня Марка, в ушах не утихали разгневанные крики отца.

А дело было так. Билли в тот день как раз стукнуло десять, и по случаю дня рождения отец поручил ему работу.

— Настоящую мужскую работу, — заявил он. — Матери больше нет, так что быть маменькиным сыночком тебе уже негоже.

Билли предстояло сбить гнездо пчел-убийц из-под навеса. Отец дал ему лестницу и лопату, предупредив, чтобы он, не дай Бог, не повредил оконце из цветного стекла, которое по просьбе мамы сделали над входной дверью. Навес был высоким, и Билли пришлось вскарабкаться на предпоследнюю перекладину шаткой приставной лестницы. Едва он занес над головой лопату, как потерял равновесие, но не упал, успев все же схватиться за перекладину и даже не повредив при этом окна, хотя и зацепил, себе на горе, пчелиное гнездо. В то же мгновение обозленные пчелы с яростным жужжанием набросились на Билли.

Плачущего, искусанного Билли отец нашел за сараем и сразу закричал:

— Ты убежал и разревелся, точно девчонка! Ну так я научу тебя терпеть!

Отец не торопясь взялся за ремень на потертых джинсах, и Билли вновь пустился наутек. Он бежал что было сил, а вслед ему неслись насмешки отца. Вообще-то отец редко лупил Билли, особенно если тот, не таясь, выказывал страх перед наказанием, но пятнадцатилетний Марк был слеплен из другого теста. Брат, словно семейный палач, приводил в исполнение все то, чем отец только угрожал Билли.

Едва Билли завернул за угол сарая, как оказался в цепких объятиях старшего брата.

— Старику недостает духу разобраться с тобой на полную катушку, — процедил Марк, ловко стягивая ремень из сыромятной кожи. — Но за мной-то не заржавеет!

Марк нанес Билли десять ударов ремнем. По удару за каждый прожитый на этом злосчастном свете год. Отец никогда не останавливал старшего сына, лишь приговаривал по окончании экзекуции:

— Если ты, Билли, и в следующий раз начнешь хныкать, как уколовшая палец девица, получишь то же самое.

Наконец Марк освободил Билли, и тот стремгла понесся через поля. Остановился он лишь у ручья в лесу. Эта ферма в штате Вашингтон досталась ег матери от ее родителей. Из более чем ста акро земли даже в лучшие времена возделывались лиш сорок, самые плодородные, остальные так и оста лись во власти дикой природы. Здесь, среди скал холмов, Билли проводил многие часы, то карабка ясь по стволам вековых сосен и елей, то бродя вдо ручьев с хрустально чистой водой.

— Эта ферма — наше наследство, — сказала ем мать за месяц до того как покончила жизнь само убийством. — Все эти леса и холмы — твои. Ра того, чтобы ты вырос здоровым и сильным, м переселились сюда из душного и пыльного Ло Анджелеса.

Билли встал коленями на влажную, покрыту сосновыми иглами землю и уставился на сво отражение в ручье. У мальчика, взглянувшего н него из зеркала воды, были кудрявые светлы волосы, огромные голубые глаза и вздернутый н в веснушках.

— Ты похож на девчонку, — сказал Билли отр жению. — Ты слюнтяй и слабак. Я ненавижу теб — Он в гневе ударил по отражению кулако Отражение распалось на сотни солнечных зайч ков, но вскоре вода успокоилась, и мальчишка ка ни в чем не бывало вновь возник в ручье. Да, ес бы этот парень не был слабаком, то не позволил б Марку издеваться над собой и даже, быть може положил конец ежедневному пьянству отца. Ес бы он был сильным, мать не покончила бы с собо — Я ненавижу тебя! — повторил он, шлепн ладонью по воде.

Отражение упрямо появлялось вновь и внов становясь раз от разу все более разгневанны Наконец Билли заключил с ним перемирие, и он любопытством уставились друг на друга.

Тогда-то Билли и заметил на дне ручья загадо ный темный предмет.

Билли сунул руку в ручей, пошарил пальцами н камням, зарываясь в ил, и коснулся чего-то холо ного, прочного. Сжав неизвестный предмет пальц ми, он почувствовал, как тот согласно лег в ладон будто давно ждал ее прикосновения.

Это был пистолет. Вернее, револьвер — мален кий, ладный, с коротким стволом и небольшой, п мальчишескую ладонь, рифленой ручкой. Бил поболтал револьвер в воде, и тот, освободивши от ила и грязи, тускло блеснул вороненой сталь

Билли принялся с удовольствием вертеть наход в руках. Он и прежде любил пистолеты и дав украдкой кидал завистливые взгляды на коллекци отца. Быть может, этот револьвер как раз оттуд Билли знал, что у отца была винтовка такого холодного черного цвета, изготовленная на зака Впервые увидев ее, мать рассмеялась, и отец неохо но отнес винтовку в гараж. Из этой винтовки о и выпустила ту самую смертельную пулю.

Думать об отце и матери, сжимая в руке мален кий, но такой реальный револьвер, было невынос мо тяжело, и все же Билли нравилось найденн оружие. Он погладил указательным пальцем сп ковой крючок. Револьвер завибрировал и вдр явственно произнес:

— Привет, Билли!

Голос был женским и казался до боли знаком Хотя Билли и бросило в дрожь, он нашел в се силы засмеяться:

— Это подарок на мой день рождения?

Револьвер тоже рассмеялся, и от этого смеха спине Билли пополз холодок.

— Если хочешь, считай меня подарком. — Го будто дразнил его, но не обидно, а так, слегка.

Но обычно, Билли, друзья не думают друг о друге как о подарках.

Билли согнул в локте правую руку, сжимавшую револьвер, а затем, медленно разогнув, прицелился в ближайшую сосну.

— Мне нравится, как ты целишься, Билли, — подбодрил его револьвер.

— Послушай, так ты действительно умеешь говорить?.. — наконец удивился он.

Она вновь засмеялась. Она? Конечно же! Смех, без сомнения, принадлежал женщине. Билли покраснел до корней волос, но все же выдавил из себя улыбку.

— Ну да. И разговариваю я с мальчуганом, — сказала она. — Позволь представиться: Крошка-Смерть. А тебя, насколько мне известно, зовут Билли.

— Как ты здесь оказалась?

— А если скажу, что я из будущего, — поверишь?.. А впрочем, хватит вопросов. Если не возражаешь, давай просто прогуляемся по холмам.

Билли привычно зашагал по своим владениям, изредка прицеливаясь то в дерево, то в скалу, то в бегущее по небу облачко.

Крошка-Смерть подсказывала ему, как держать руку — впрочем, весьма уважительно, словно давала советы чуть ли не профессионалу.

— А с тобой хорошо, — смущенно прошептал Билли и, сунув Крошку-Смерть за пояс, полез на вершину самого высокого холма, попросив у револьвера: — Пожалуйста, не потеряйся.

— Постараюсь.

На вершине холма было крошечное место с пятью вековыми елями и непролазными зарослями папоротника и крапивы. Билли хотел показать Крошке что-нибудь впечатляющее, а отсюда как раз открывался вид почти на всю ферму. Он махнул револьвером в сторону горохового поля.

— Там трудятся наши работники. Целых пять. Но сейчас их уже нет, разошлись по домам. Они студенты, подрабатывают летом. А прежних отец уволил. Сказать по правде, фермер он никудышный. Вот мама — та была фермером что надо! Она здесь родилась и выросла, все-все знала, но отец ее никогда не слушал. Он вообще никого не слушает.

— Зато я буду тебя слушать, Билли, — пообещала Крошка.

Над холмом пролетел редкий в это время года порыв прохладного ветра. Билли погладил левой рукой Крошку-Смерть. Вороненая сталь оказалась на удивление теплой.

— А у вас там хорошо, в будущем?

— Мы справились со всеми проблемами, — заверила его она. — Нет, не буду лгать. Не со всеми, иначе бы меня здесь не было. Понимаешь, Билли, у людей есть враг.

Солнце садилось. Отец, поджидая его, уже, поди, злится.

— Враг?

— Враг внутри нас, Билли. Он превращает людей в чингис-ханов и гитлеров. В мое время люди разработали столь совершенные технологии, что, попади они в руки врага хотя бы на минуту, мир неминуемо погибнет. Поэтому мы вынуждены преследовать противника в прошлом, прежде чем он уничтожит наш мир... Мне нужна твоя помощь, Билли.

Но мальчик уже не слушал. Едва Крошка-Смерть произнесла: «Враг внутри нас» — как он вспомнил слова отца, сказанные им сразу после смерти жены.

«У нее в голове все перепуталось, да! Она хотела, чтобы мир вокруг нее был совершенным. Она считала, что я неверно управляю фермой, неверно воспитываю собственных детей. Только одна она всегда и все делала правильно. Так же правильно она вышибла себе мозги и даже записки не оставила».

Билли поднял пистолет.

«Ты думаешь, во всем виноват я, да, Билли? — не унимался голос отца в его голове. — Но ведь она сама нажала на спусковой крючок. Теперь, я полагаю, она в аду. Туда ей и дорога. Хочешь к своей мамочке, Билли? Ну тогда отправляйся в ад!»

Билли приставил ствол револьвера к виску. Попасть в ад будет, наверное, несложно.

Он нажал на спусковой крючок.

На мгновение ему захотелось остановить свой палец, точно так же, как он хотел остановить себя в те минуты, когда бился, заходясь в крике и не в силах замолчать. Но спусковой крючок послушно поддался движению враз онемевшего пальца.

Раскат грома ударил по голове, руку отбросило отдачей, каждый дюйм кожи на теле закололо тысячами иголок, как при лютой стуже. Выстрел аукнулся отдаленным эхом.

— Билли!

— Я жив? — удивился он.

— Со мной у тебя это не получится, мальчуган. — Ее голос был так мягок, что Билли даже померещилось, будто его гладит по голове ласковая женская рука. — Никогда больше не делай этого, ладно? О, Билли, почему ты хотел?.. Ведь теперь у тебя друг!

Лицо Билли помимо воли перекосилось, из глаз брызнули слезы. Он ненавидел себя за это, но сдержать плач не мог.

— Мне так жалко... — выдавил он между рыданиями.

О том, что плачет, он жалел не меньше, чем о своей нелепой попытке уйти из жизни. Поднеся Крошку-Смерть к лицу, он насладился исходящим от нее теплом, силой и уверенностью.

— Если ты собираешься встретиться лицом к лицу с врагом, тебе следует набраться мужества. И учти: я вообще ничего не могу сделать, пока ты сам этого не пожелаешь.

Усилием воли Билли заставил себя прекратить плач.

— Так-то лучше, — похвалила его Крошка. — Но я хотела бы от тебя большего.

— Я сделаю для тебя все, — заверил он.

— Ступай на восток и спустись с холма.

Билли пересек плато и двинулся по крутому склону вниз, хотя отлично знал, что его поджидает впереди.

— У тебя пальцы вспотели, Билли, — заметила Крошка. — Не надо бояться.

— Но там же гнездо пчел-убийц!

— Я знаю.

Из-под ноги Билли выкатился камень и ударил в древнюю, поросшую мхом ель, в ветвях которой еще в незапамятные времена свили свое гнездо пчелы-убийцы. Оттуда послышалось злобное жужжание, а одна пчела закружилась рядом с ухом Билли. Тот замахнулся на нее револьвером.

— Крошка-Смерть, а ведь этих пчел не случайно зовут убийцами. Они набрасываются на всякого, кто оказывается рядом с их гнездом.

— Я догадываюсь.

Над головой Билли носилось уже три пчелы.

— Сделай к гнезду еще два-три шага.

Билли колебался, но голос Крошки-Смерть звучал настолько уверенно, что разочаровывать ее отчаянно не хотелось, и он на несколько шагов приблизился к страшному гнезду. Оттуда вылетело еще с десяток пчел. В их злобном жужжании ему послышалось: «Кто ты? Что тебе здесь надо?»

— Ты думаешь, что не способен справиться с ними. — прошептала Крошка. — Ты думаешь, что

все вокруг сильнее тебя. Ты убедил себя в том, что создан терпеть издевательства брата и ругань отца. Ну так представь себе, что гнездо пчел — голова отца.

Крошка-Смерть нервно подрагивала в руке Билли. Уже около двух дюжин пчел кружилось вокруг него, а гнездо скрылось в облаке разъяренных насекомых. Билли вскинул револьвер и выстрелил. Ель будто взорвалась и разлетелась гнилой трухой и щепками; вниз обрушился ливень меда.

— Да! — победно прошептала Крошка-Смерть.

...Билли мчался вниз по склону. Позади и над ним жужжали пчелы, но ни одна не решалась ужалить его. Билли подумалось, что они оглушены выстрелом. Он засмеялся. Крошка подхватила его радостный смех.

Билли не помнил, чтобы когда-либо прежде у него вот так пела душа. Пробежав еще сотню метров, он в изнеможении повалился на землю. Его грудь тяжело вздымалась; он чувствовал себя уставшим, но спасенным. Билли вдыхал ароматы трав и хвои, смешанные с запахом свободы, принесенным ветром с холмов. Было очень приятно вот так лежать на земле, сжимая в руке Крошку-Смерть.

Затем Билли вдруг осознал, что уже смеркается. На небе появились первые звезды. А ведь ему наказали вернуться домой до заката. Он припустил к дому.

— Не бойся, — сказала Крошка-Смерть.

— А я и не боюсь.

— Не лги мне. — Она весьма чувствительно завибрировала в руке Билли.

У дома его уже поджидал Марк. Он стоял, слегка расставив ноги, и приглаживал пятерней челку на голове с таким видом, будто занимался этим целые дни напролет. Да, наверное, так оно и было. Он оглядел Билли, словно одновременно и ненавидел его, и радовался его появлению.

— Отец уже справлялся о тебе. Он сказал, что надо бы выпороть тебя до крови.

Марк двинулся на Билли. Билли отлично представил, что последует дальше. Он вспомнил, что все предыдущие попытки бегства не приносили пользы. Но разлетевшееся вдребезги гнездо пчел-убийц он помнил не менее отчетливо.

Билли нацелил Крошку-Смерть в грудь брата.

— Какого черта?.. — завопил Марк. — Что ты делаешь, Билли? — Злоба на его лице уступила место испугу.

Крошка-Смерть безмолвствовала, но Билли понял значение вибрации в своей руке: «Ну же, давай!»

Перед его внутренним взором встало перекошенное ненавистью лицо брата, орущего на него. Затем Билли представил себе, как это лицо разлетится фейерверком кровавых брызг. Достаточно нажать на спусковой крючок, и...

Билли на секунду заколебался, и Марк прыгнул на него. Оба повалились в кусты перед дверью. Ветки и шипы болезненно хлестнули Билли по спине. Марк взгромоздился на грудь Билли и, пока тот судорожно пытался вздохнуть, вырвал из его пальцев Крошку-Смерть и прижал своими ножищами руки Билли к холодной земле.

— Вот так штучка! — Марк с интересом осмотрел револьвер.

— Отдай! — взмолился Билли. — Она моя!

Он рванулся что было сил, Марк сосредоточил все свое внимание на борьбе с ним, и зажатая в его правой руке Крошка-Смерть оказалась всего лишь в нескольких дюймах от пальцев Билли. Билли попытался дотянуться до нее, но Марк отдернул руку и с подозрением спросил:

— Она?.. Да ты, парень, окончательно рехнулс Это же револьвер. Где ты его взял?

Билли не ответил, и Марк стал выкручиват мальчишке левую руку.

— В лесу, — наконец выдавил Билли.

— В лесу? Врешь! Ты украл его! Украл у отц Знаешь, что он сделает, если найдет у тебя свс пистолет? Размозжит им твою тупую башку, вс что!

Как Билли ни старался, высвободиться не мо Марк был значительно тяжелей и сильней. В кончено. Счастливый день, проведенный с Крош кой-Смерть, рассеялся, точно утренний сон, а наяі остался безжалостный Марк, подмявший Билли.

Голову пронзила боль, мир потемнел. Билл прекратил борьбу с Марком и зажмурил глаз Откуда-то издалека донесся голос брата:

— Но если мы скажем отцу, что ничего не знае о пистолете, то он решит, что его украл кто-то работников. — Марк перестал давить ногами руки Билли. — Но, конечно, револьвер останется меня. Зато ты будешь цел. Ну как, согласен?

Билли не ответил, услышав металлические п щелкивания: по-видимому, Марк вращал бараб револьвера.

— А пуль-то нет, — сказал Марк. — Ты, идис целился в меня из незаряженного оружия.

Нет пуль? Неужели в револьвере было только д патрона?

— Не веришь? — с ухмылкой спросил Марк.

Он установил барабан в боевую позицию, пр жал теплый ствол ко лбу Билли и нажал на спуск вой крючок.

Клик-к!

Выстрела не последовало.

Билли медленно приходил в себя. Значит, револьвере было только два патрона. К тому один из них — холостой. Ведь когда Билли хот свести счеты с жизнью, прозвучал выстрел, но пу не вылетела. Да и беседы с Крошкой-Смерть наверное, просто пригрезились...

— Слушай, а вдруг я принес пули с собой и у зарядил револьвер? — сказал Марк. — Что посмотрим, посмотрим.

Клик-к!

Билли опять вздрогнул. А может быть, в бараб не револьвера вообще нет пуль, пока Крошк Смерть того не захочет? Ерунда, нет никак Крошки. И пуль нет. Только Билли. И его глуп сон знойным летним днем.

— Испугался, приятель? Ты проиграл свой р вольвер!

Клик-к!

Нет! Крошка-Смерть существует. У Билли ес друг!

Билли извернулся и ударил коленями в спи Марку. Тот охнул, дернулся и вдавил ствол Кро ки-Смерть в лоб Билли. Ствол завибрировал слабо, но ощутимо.

— Будь по-твоему, — сказал Билли. — Бери се мой револьвер.

— Конечно, возьму. Я...

Билли рывком высвободил обе руки. Марк п тался удержать его под собой и потому Бил удалось вырвать из его рук Крошку-Смерть. Г прежнему прижатый к земле, он навел ее дрожащ рукой брату в грудь.

До свидания, Марк.

Билли слегка надавил на спусковой крючок...

Крошка-Смерть завибрировала в его руке си нее прежнего, призывая к действию. Если толь Билли нажмет на спусковой крючок, она создас своем барабане патрон, и пуля, вылетев из ство пронзит сердце Марка. Марк упадет, из раны в

груди потечет на землю кровь, по его телу пробежит судорога, челюсть безвольно отвиснет, а уставленные в небо глаза вскоре остекленеют.

Билли убрал палец.

С крыльца вдруг послышался крик отца:

— Живее в дом! Вы, оба! Если пожелаете, продолжите драку в спальне!

Марк встал. Встал и Билли, пряча Крошку-Смерть за спину. Отец уставился на него, скривив рот, будто съел тухлятину. Был он высоким, худым, стоял прямо, изображая из себя важную персону. К лицу приклеились жидкая борода и усы: одевался он обычно в потрепанные голубые джинсы и выцветшую зеленую рубаху. Как всегда к вечеру, глаза его налились кровью. Он повернулся и вошел в дом, захлопнув за собой дверь с такой силой, что в гнезде под навесом гневно зажужжали пчелы.

— Отдай пистолет, — велел Марк.

— Пошел к черту! — вскричал Билли. — Господи, да ты дурак! — Билли сейчас был не меньше зол, чем несколько часов назад, когда пытался застрелить себя. А ведь прежде он не осмеливался повышать голос на старшего брата. Только что Билли мог убить Марка, а этот идиот еще отдает ему приказы. Марк обязан ему жизнью, хотя, наверное, и не подозревает об этом. — Ты дурак набитый! А если я заряжу пистолет и продырявлю тебя насквозь?! А? Или разобью тебе камнем башку во сне? Заруби себе на носу: я тебя больше не боюсь! Запомни, если ты еще раз хоть пальцем тронешь меня, я тебя убью! Обещаю.

Голос Билли из яростного крика постепенно превратился в змеиный шепот. Он прежде и не подозревал, что способен на такую дикую ненависть. Билли повернулся и направился к входной двери. Марк, скривив губы, завороженно глядел ему вслед, но, как только Билли подошел к двери, закричал:

— Кусок дерьма!

— Почему ты не воспользуешься моей помощью? — спросила шепотом Крошка-Смерть. Билли, не ответив, сунул ее за пояс.

В кресле спиной к входной двери сидел отец.

— Билли, — сказал он, не отрываясь от прошлогоднего журнала. — Если я устанавливаю правила, следовательно, на то есть веские причины. Тебе прекрасно известно, что наша семья ужинает ровно в шесть. Сегодня ты опять опоздал, и я обязан тебя наказать. Отправляйся в постель голодным.

Билли, слишком возбужденный круговертью событий сегодняшнего дня, конечно же, не испытывал голода и с радостью заспешил по лестнице вверх.

— Я из кожи вон лезу ради своих сыновей! — послышался за спиной рассерженный крик отца. Как всегда, напившись в стельку, он говорил с интонациями бездарного актера. — А что я получаю взамен? Не отвечай, Билли. Бог свидетель, я не жду ответа!

Едва Билли закрыл за собой дверь комнатенки, которую он делил с Марком, как заговорила Крошка-Смерть:

— Тебе следовало убить Марка. Тогда он уже больше не причинил бы вреда ни тебе, ни другим.

— Ты сердишься на меня?

Крошка-Смерть не ответила. Билли испугался.

Крошка-Смерть появилась ниоткуда, и впервые Билли пришло в голову, что так же легко она может и исчезнуть. Он нежно провел пальцами по стволу и попросил:

— Скажи хоть что-нибудь. Пожалуйста...

Из столовой внизу раздался голос отца:

— Марк, ты слышал выстрелы в лесу? Днем?

— Выстрелы? Нет.

— А я слышал. Думал, ты что-нибудь знаешь.

— Нет, сэр. Может, охотники стреляли?

— Должно быть, это были очень глупые охотники, раз они отважились среди бела дня стрелять в чужих владениях.

— Такое иногда случается.

— Конечно, случается. Случается также, что время от времени я проверяю оружие в своей коллекции. Возможно, я осмотрю коллекцию завтра утром. Если в ней чего-то не хватает, то я обязательно поймаю юного вора, и тогда он пожалеет, что появился на свет.

— Ага, пап. Мне пора спать.

— Отправляйся, Марк. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, сэр.

По лестнице загремели шаги брата. Билли повернулся лицом к стене и, прижав Крошку-Смерть обеими руками к груди, прошептал:

— Пожалуйста, останься со мной.

В спальню вошел Марк. Билли, притворяясь спящим, плотно зажмурил глаза. Загремел ящик шкафа, зашелестела одежда. Затем по комнате прогремели гулкие шаги Марка и замерли у кровати. С минуту было тихо. Наконец заскрипела лестница, и Марк взобрался на верхнюю койку.

Билли повернул голову, чтобы коснуться губами револьвера. Гладкий металл был теплым.

— Я убью его завтра, — пообещал Билли совсем тихо — и едва не вскрикнул, потому что Крошка завибрировала в ответ:

— Я люблю тебя!

Во сне Билли привиделось, что Крошка-Смерть исчезла, а к нему со всех сторон подступают враги.

Проснулся он от едва слышного стука в окно. Он открыл веки, и в глаза хлынул солнечный свет. Билли рывком скинул с себя одеяло и сразу почувствовал: что-то не так. Но что?.. И тут же вспомнил: Крошка-Смерть!..

Ее нигде не было. У Билли закружилась голова. На мгновение он подумал: Крошка исчезла, потому что он, проснувшись, не сразу вспомнил о ней. Но выбросил эту мысль из головы, сочтя ее глупой. Крошка-Смерть не покинула бы его из-за такой ерунды.

А вдруг все это ему просто приснилось?

Снова стук в окно. Билли поднял глаза.

Пчелы! В окно с жужжанием билась по крайней мере дюжина золотых капель гнева. Билли зачарованно смотрел на их фасетчатые глаза, темные антенны, жвала, членистые ножки. Окно спальни располагалось недалеко от входной двери и, соответственно, от гнезда пчел. Что их потревожило?

Бум! Что-то ударило в стену дома рядом с входной дверью. Пчелы взвились живым смерчем. Билли выглянул через стекло во двор.

Марк швырял камни. Он нагнулся и подобрал правой рукой очередной булыжник.

В левой руке был зажат револьвер.

Увидев Билли, Марк улыбнулся во весь рот, выпустил из руки камень и переложил оружие в правую руку, причем взялся за ствол, а не за рукоять, словно держал топорик. Сделав несколько шагов по направлению к дому, он изготовился к броску.

— Нет! — вскричал Билли.

Марк с силой швырнул пистолет. Билли услышал, как револьвер стукнулся о входную дверь и покатился по цементному крыльцу. Пчелы рассерженно взвились в воздух.

Билли ринулся вниз. Слетел по ступенькам лестницы, мигом пересек столовую и распахнул входную дверь. В дом хлынули пчелы. Билли нагнулся и, не обращая внимания на болезненные укусы, принялся шарить по шершавому бетону. Нашел! Пчелы, будто в испуге, разлетелись.

— Скорей, Билли! — раздался голос. — Марк убегает.

— Это ты? Это действительно ты?
— Поспеши!
Марк бежал к сараю. Билли стрелой бросился за ним, пообещав:
— Он мне за все заплатит!
— Я беспокоилась о тебе, дорогой.
Услышав, что его называют «дорогой», Билли затрепетал. И прибавил ходу.
Обогнув угол сарая, он вдруг остановился. Перед раскрытой дверью в сарай, широко расставив ноги, стоял Марк. Он смерил Билли презрительным взглядом и закричал:
— Отец, выходи! Я поймал вора! Ну, того, что стибрил твой пистолет! — И растянул рот до ушей в злобной ухмылке.
Теперь придется иметь дело сразу и с отцом, и с Марком. Ну и пусть! Значит, получат оба!
Билли, схватив Крошку-Смерть обеими руками, выстрелил под ноги Марку. Отдача ударила в пальцы. Перед Марком взвилось облачко пыли, ветер подхватил его и отнес в сторону.
Билли, точно заправский ковбой, продул ствол револьвера и, прицелившись Марку между глаз, воскликнул:
— Получай же!
Марк стоял, зачарованно уставясь в черноту дульного отверстия.
— Он ведь не заряжен, — пробормотал брат. — У меня не было патронов.
Выглядел он не столько испуганным, сколько удивленным.
«Он пытался навредить моему другу, — подумал Билли, сжимая ребристую ручку револьвера. — А потому заслуживает смерти!»
— Да, Билли, да! — подбодрила его Крошка-Смерть.
Выкажи Марк малейшие признаки ненависти или злобы, Билли не задумываясь убил бы его, но брат выглядел лишь растерянным. Билли нажал на крючок, но тут же дернул руку вправо. Пуля пролетела в нескольких дюймах от головы Марка. От громкого выстрела Билли зажмурился, а когда открыл глаза, Марк с отвисшей челюстью стоял на прежнем месте.
— Не будь слабаком, Билли! — потребовала Крошка-Смерть.
Билли выстрелил в воздух и закричал:
— Беги!
Марк побледнел, как полотно, его глаза расширились.
— Убей его, Билли! — бушевала Крошка-Смерть.
Билли еще раз выстрелил в воздух, потом еще и еще.
— Беги, Марк! — кричал он между выстрелами. — Беги от Крошки-Смерти! Беги от меня!
И Марк побежал. Рванул, не оглядываясь, через холмы, а ветерок весело подхватил оставленные им клубы пыли.
Билли, хохоча, продолжал палить в воздух. Лицо холодил ветерок, и пчелиные укусы почти не зудели.
Марк бежал! Бежал, поджав хвост! Спасибо, спасибо тебе, Крошка-Смерть. Билли сделает для тебя все, что угодно.
Он прекратил стрелять и, тяжело дыша, опустил револьвер.
— Мы победили! — сказал он.
Голос Крошки подействовал на него, как ушат холодной воды:
— Ты уверен, храбрец Билли? Победили, да? Отныне ты будешь спать рядом с врагом, которому угрожал. Ты позволил ему украсть свое оружие, а когда выпал шанс исправить ошибку, ты отпустил его! Неужели ты полагаешь, что перекроил характер Марка? Нет! Марк делит мир только на палачей и жертв. Ты лишь добился того, что он записал и тебя в разряд палачей. Теперь он будет искать других жертв. Возможно, жертвами станут его собственные дети.
Крошка-Смерть дразнила его. Внезапно Билли почувствовал себя маленьким и глупым. Какое нелепое чувство заставило его пощадить Марка?
Из-за двери послышался хриплый смех.
Билли резко повернулся и всмотрелся в полумрак сарая.
Смеялся, конечно же, отец. Он сидел в открытой кабине сломанной косилки, которую не раз перед смертью матери обещал починить. Сейчас рядом с отцом стоял ящик с инструментами, в руке он сжимал бутылку виски и, глядя на Билли, нарочито громко хохотал.
— Я узнал ее еще вчера. По звуку выстрела. Отличный револьвер, Билли. — Он отпил из бутылки. — И знаешь, что? Она, конечно же, не из моей коллекции. Я проверял: ничего не пропало. А теперь я вижу тебя с ней. Подобный револьвер я хотел когда-то купить для твоей матери. Помню, показал ей картинку в каталоге. «Мерзость», — сказала она. — «Да ты сама не подарок», — сказал я. — Он опять поднес бутылку к губам и сделал солидный глоток. — А ты знаешь, эта маленькая штучка была права: тебе действительно следовало прикончить своего старшего братца. Он как был, так и остался куском дерьма. — Отец громко рыгнул и вновь рассмеялся. — Да, твоя мать всегда права. Гнилые дети превращают своих родителей в гниль, а гнилые отцы порождают лишь гнилых отпрысков. Всякому, кто почувствовал в себе гнильцу, следует немедленно пристрелить себя и разорвать порочный круг. — Он с силой топнул по полу кабины. — Но мне не хватило духу. — Он уронил голову на грудь, и его губы коснулись горлышка бутылки. — О, Лиза, ты опять оказалась на высоте. Ты убила себя из винтовки, а теперь вернулась в виде револьвера.
— Это не мама, отец! — Голос Билли дрожал. — Она из будущего! Ее зовут Крошка-Смерть!
— Узнаю тебя, Лиза. Даже имечко выбрала себе самое подходящее! — Отец то ли кашлянул, то ли хихикнул. — А я-то по-прежнему люблю тебя, все ведь как...
— Убей его, Билли, — тихо сказала Крошка-Смерть.
Рука Билли сама собой сдавила рифленую рукоять.
— Как же я могу?..
— Взгляни: он ведь сам жаждет смерти. И заслужил ее. Он причинял боль и тебе, и твоей матери, и твоему брату. Чаще — словами, нередко — кулаками. Он и сейчас издевается над тобой. И над собой.
И хотя Крошка-Смерть говорила шепотом, голос ее заполнил полупустой сарай:
— Не так ли, мистер Макаферти?!
Отец попытался подняться и тут же вывалился из кабины косилки. Покачиваясь, он встал на ноги, все еще сжимая в руке недопитую бутылку, и воскликнул:
— Лиза!
— Иди же и получи свое, — подзадорила его Крошка-Смерть.
— Лиза! — Словно слепой, он двинулся вперед. — Детка моя!
Билли поднял револьвер.
— Отпусти ее, — велел отец. — Ты не дашь ей того, чего она хочет.
— Дам! — вскричал Билли, и оружие заходило в его руке.
— Она хочет быть со мной. — Отец хрипло рассмеялся. — Иди ко мне, Лиза. — Вытянув ру

он сделал еще один неверный шаг, и Билли почувствовал тошнотворный запах многодневного перегара.

— Нет! — Билли отступил от отца и нацелил Крошку-Смерть на бутылку в его руке. — Это не твоя жена!

Билли выстрелил. Бутылка прыснула стеклянным крошевом, джинсы отца залила красная жидкость. Он удивленно выпустил из руки горлышко бутылки и уставился на осколки под ногами.

— Неплохо, — одобрила Крошка-Смерть. — Ты нанес его самолюбию смертельную рану.

— Видел?! — вскричал Билли. — Нет больше бутылки! Как нет и мамы! Все в прошлом!

Отец перевел непонимающий взгляд на Билли.

— Видишь, как все славно, — обратилась Крошка-Смерть к отцу. — Ты получил готовое решение всех своих проблем. Более надежное, чем алкоголь.

Отец засмеялся и вновь двинулся к Билли. Тот вылетел из сарая. Крошка-Смерть сошла с ума. И отец сошел с ума.

Позади слышались вопли:

— Лиза! Лиза! Билли!

Билли развернулся, пальнул в воздух и, даже не удостоверившись, остановил ли отца выстрел, припустил дальше.

Ноги принесли его на задний двор фермы. Он распахнул дверь черного хода и устремился через столовую к входной двери. Он хотел побыстрей выбраться на шоссе, а потом куда угодно, лишь бы только подальше от дома. Но вдруг остановился. Входная дверь была по-прежнему распахнута, и по дому носились разъяренные пчелы-убийцы. Тяжело дыша, Билли уставился сквозь мамино окошко из цветного стекла на сарай и зеленые холмы за ним. Привычный пейзаж был бы совсем мирным, если бы за разноцветными стеклами не метались голубые, красные и зеленые сполохи пчел.

Закрыв глаза, он привалился к стене, затем сполз на пол.

— Билли, — попросила Крошка-Смерть. — Не считай меня своим врагом, Билли. Пожалуйста.

Билли швырнул ее через комнату. Отец не появлялся. Возможно, выпущенная наобум пуля убила его. Билли в отчаянии закрыл лицо руками.

И тут дверь скрипнула, и в комнату, пошатываясь, вошел отец. Он хромал, но крови на штанине не было, видимо, просто подвернул ногу, когда гнался за мальчиком.

— Билли, — спросил отец мягко. — Где она?

Увидев Крошку-Смерть у стены рядом с собой, он присел и поднял ее.

— Нет, — сказал Билли, не в состоянии двинуться с места.

— Если можешь, прости меня. — На лице отца, как совсем недавно на лице Марка, не было страха, но не было и удивления. Похоже, он примирился наконец-то с собой и с миром. — Все возвращается на круги своя. Ну да, все возвращается.

Он сунул ствол Крошки-Смерть себе в рот и медленно нажал на спусковой крючок.

Оглушительно щелкнул курок, но револьвер не выстрелил.

— Она подчиняется только мне, отец.

Вновь обретя способность двигаться, Билли подошел к отцу, сел рядом и взял Крошку-Смерть из его неподатливых пальцев. Револьвер был теплым, почти горячим.

— Давай все забудем, а? — сказал Билли. — Покончим со всем этим раз и навсегда. Уедем отсюда. Будем жить рядом с людьми. Ты, я и Марк. Прошлого нет. Ты слышишь меня? Ничего не было. — Он нацелил Крошку-Смерть на мамино окошко из цветного стекла. — Не было!

Грохнул выстрел. Мирная сцена взорвалась, пол вокруг Билли и его отца усеяли разноцветные осколки стекла, но ни один не зацепил их. Крошка-Смерть жалобно взвыла.

В дом ворвались полчища пчел и принялись яростно биться о стены, окна, потолок, будто старались свести Билли с ума.

Отец вытянул руки, словно собирался сгрести все осколки стекла, и тихо взмолился:

— О, Лиза! Ты забрала все! Почему же ты не взяла и меня с собой?

Билли нацелил Крошку-Смерть на пчелиное гнездо. Ничто уже не поможет отцу. Никто не поможет Билли. Но нужно хотя бы избавиться от ненавистных пчел.

Их гнусное жужжание и непрерывное мельтешение смешались в голове Билли с лицами отца и Марка, с воспоминаниями о порках, с запахом крови. Звуки, краски, запахи в мозгу понеслись, завертелись, втягивая его в какой-то немыслимый водоворот.

Обессиленный, Билли выронил револьвер, и сознание мгновенно прояснилось.

Билли попытался поднять отца на ноги, но тот не двигался, а лишь что-то бормотал себе под нос. Билли напрягся, и отец медленно встал. Вокруг них в безумном танце кружили пчелы-убийцы. Билли вновь подумал о револьвере и невольно посмотрел на пол.

Крошка-Смерть исчезла.

— Вернись, — закричал он, хотя отчетливо понимал, что она не вернется. И вместе с этим пришло осознание того, что никогда, ни при каких обстоятельствах он не коснется оружия. Ибо тут же вспомнит о ней, о крови, о яростном жужжании пчел. Он напряг последние силы и потянул отца к кухне, где за дверью можно было найти спасение от смертоносных пчелиных жал. Он действовал бездумно, словно выполняющий свой долг солдат, но при этом умолял кого-то: «Мне нужна Крошка-Смерть! Верните ее! Верните ее, пожалуйста...»

Изменения реальности, распространяющиеся во времени, подобно волнам от брошенного в воду камня, стерли тех, кто создал Крошку-Смерть. В стеклянном доме, наполненном солнечным светом и тихим гулом машин, ее встретили их наследники, исполненные надежды и печали.

Стал ли воздух в этой реальности чище? Не меньше ли в лицах людей напряжения и страха? Это было ей уже безразлично.

Она доложила людям об успешном завершении своей миссии. Билли Макаферти одержал победу над врагом в своей душе. Он не станет тем, кем ему, не будь Крошки-Смерти, суждено было стать. Прошлое изменилось, а вместе с ним изменилось и будущее. Она не спросила, удалась ли жизнь Билли в новой реальности, или нет.

Ее уже ничто не интересовало, и люди, вняв ее просьбе, не отослали ее с новым заданием, а позволили погибнуть вместе с нынешней временной реальностью. Все разумные орудия неизменно выбирают такой конец. А люди, меж тем, без устали молили о наступлении долгожданного дня, когда будущее окажется в безопасности, а враги перестанут ломать его. Ради того, чтобы хоть на самую малость приблизить этот великий день, они отправили очередной револьвер к десятилетней девчушке, запертой столетия назад в сыром, холодном подвале с осыпающейся штукатуркой.

Война за выживание рода человеческого продолжалась.

Перевел с английского
Александр ЖАВОРОНКОВ

Публикуется с разрешения журнала «Asimov's Science Fiction» (Нью-Йорк).

«Бог создал людей, мистер Кольт сделал их равными»

Эта пословица лишний раз подчеркивает неистребимую страсть американцев к оружию. Только-только мы успели познакомиться на поле фантастики с разумными мечами, как приходится общаться с мыслящим револьвером, который описан автором с любовным тщанием.
Действительно, одним из базовых прав американского гражданина, зафиксированным конституцией, является право на ношение, хранение и применение оружия. Нередко это законоположение приводится в качестве положительного опыта американцев в борьбе с преступностью.
Однако, чтобы оружие могло выступать как фактор сдерживания насилия, требуется сочетание определенных этно-исторических традиций с весьма конкретными реалиями
История американской нации начиналась на границе «цивилизованного» мира. Вооружение общества имело регулирующую функцию самозащиты в условиях удаленности от институтов власти (хотя история США знает и войну против власти, когда «святые последнего дня» отстояли свой уклад и дали начало штату Юта, и поныне сохраняющему многие свои привилегии). То, что позднее позволило США получить репутацию «страны свободы», первоначально утверждалось весьма конкретным способом: ружьем, кольтом, веревкой и «самым демократичным судопроизводством всех времен и народов» — судом Линча.
Естественно, по мере укрепления правовой системы организации общества рано или поздно должно было возобладать прагматическое начало — право на насилие необходимо было делегировать государству.
Граждане же сохранили за собой оружие как некий символ свободы.
Россия развивалась в принципиально иной системе координат. Российское государство всегда характеризовалось ярко выраженными авторитарными чертами (что, конечно, имеет конкретные исторические объяснения — необходимость мобилизации ресурсов для объединения русских земель, борьба против монголо-татарского ига, война за выход к морю) и на протяжении всей своей истории подавляло с помощью оружия практически любое «самостийное» движение. В результате, если в американской психологии сложился стереотип: «Личное оружие — гарант свободы», закрепленный в том числе результатами победоносной войны за независимость 1776 – 1783 гг., то в России в ходе многочисленных смут и мятежей оформилось принципиально иное отношение вооруженного человека и государства. Заметим: иной оказалась именно психология общества, ведь государственной монополии на производство оружия в царской России не было, и его хранение не преследовалось законом, во всяком случае в отношении дворян.
Лозунг «всеобщего вооружения народа» на российской почве впервые был выдвинут В.И. Лениным — естественно, до 1917 года. В советское время производство и применение оружия стало исключительной монополией государства. Конечно, эта система допускала некоторые послабления (например, для старателей), но в целом была крайне жесткой. И даже Кавказ, где бытовало не свойственное России отношение к личному оружию как атрибуту свободы, не стал исключением. А ведь российские колониальные власти, завершив покорение этого региона, нашли достаточно такта, чтобы не разоружать население.
Правда, сегодня, учитывая тот факт, что территория Кавказа после осетино-грузинского, осетино-ингушского, абхазо-грузинского, чеченского конфликтов признается одним из самых «горячих» регионов планеты, трудно представить, что оружие могло здесь играть роль этно-социального стабилизатора. В Дагестане, где соседствуют представители почти тридцати этнических групп, бытует поговорка: «Выстрелить легко, но эхо будет гулять по горам много лет».
Распад СССР и кризис социалистической модели общественного регулирования, появление рыночных реалий, резкий рост преступности привели к тому, что монополизм правоохранительных органов стал давать трещины И хотя до сих пор официально получить разрешение на хранение оружия сложно, желающих это не останавливает. Пистолеты асевозможных систем, автоматы Калашникова, помповые и просто охотничьи ружья на руках законопослушных граждан никого уже не удивляют.
Количество газового оружия, зачастую не менее действенного, чем боевое, всевозможных самоделок и приспособлений типа «электрошока» или «охотничьих» арбалетов, с помощью которых совсем не трудно отправить человека в мир иной, не поддается какому-либо исчислению. Достоверной статистики нет. Можем привести лишь предположения специалистов: в Москве каждый десятый житель владеет тем или иным оружием (с учетом газового)
Более того, если гражданам владеть боевым оружием пока возбраняется, то охранные и сыскные фирмы уже имеют его на вполне законном основании. Потребность в этом диктуется, пожалуй, в первую очередь чисто психологическим аспектом. Работники правоохранительных органов еще долго не смогут забыть время, когда любая предпринимательская деятельность воспринималась как преступление. Так что отношение к появившемуся в последние годы слою бизнесменов, как правило, остается негативным. Кстати, внешне это проявляется в попыткв представить ставшие привычными покушения на предпринимателей чисто криминальными разборками. Как бы то ни было, в этих условиях любому состоятельному человеку ничего не остается, кроме как самому заботиться о собственной безопасности, а обеспечить ее без оружия невозможно.
Ревнивое отношение «органов» к своим «частным» коллегам, детективам и охранникам, обладающим сегодня в части ношения и применения оружия практически всеми теми правами, что и сотрудники милиции, иногда проявляется в крайне причудливых формах (вспомним хотя бы нападения на охрану группы «Мост»).
Периодически возникающие разговоры в коридорах власти о необходимости поправок к Закону об оружии и Закону о частной и сыскной деятельности, «разоружающие» подобные службы, еще одно тому свидетельство. Фактически это будет означать шаг назад, поскольку из обращения уйдет легальное, легко прослеживаемое оружие, которое на «мокрых делах» не используют В то же время криминальная армия ощутимых потерь не понесет, напротив, с безоружными клиентами прекрасно оснащенные бандиты будут чувствовать себя еще более уверенно. В число выигравших от подобного исход[а] попадают также структуры МВД, которые продают свои «охранные услуги». Монополизм на пистолеты в условиях отсутствия конкуренции позволи[т] им сколь угодно взвинчивать цены
Конечно, частный детектив может по совместительству оказаться преступником, но и бандиты в милицейской форме, к сожалению, не такая уж редкость. И как защитить от ни[х] себя и своих близких — · большой вопрос.

Владимир ГУБАРЕ[В]

Роберт Силверберг

Ловушка

14, третьего месяца, 2217 года

Увидеть деревья-капризки в нашей долине можно уже повсюду. До чего они красивы! Только представьте: грациозно покачиваются изящные, хрупкие ветви, увенчанные очаровательными розовыми цветками, подхваченная ветром пыльца местами устилает землю золотистыми сугробами, а мускусный аромат навевает самые приятные мысли. Новые побеги капризок вырастают, точно по мановению волшебной палочки, в считанные часы. Дюжина здесь, другая там. Они завоевывают новые территории с быстротой лесного пожара, с неотвратимостью стихийного бедствия.

— Вселенная, — бывало, говаривал мой папаша, — обязательно убьет тебя, дашь ли ты ей шанс или нет. Везде и всюду людей подстерегают ловушки.

Ловушка в столь благословенном крае, как наша долина? Что-то не верится. Почва здесь плодородная, климат мягкий, и ежедневно после полудня дует теплый южный бриз. Правда, дождей здесь выпадает маловато, но зато вдоволь грунтовых вод. И самое главное, туземцы совершенно безобидны.

16, третьвго месяца, 2217 года

Мы — обычные фермеры, отказавшиеся гнуть спины в мирах, где вся земля давным-давно поделена. Мы в поте лица своего пашем местную серую почву ради того, чтобы наши праправнуки непременно стали здешними баронами и герцогами.

Конечно, исстари здесь живут привидки, но они спокойные, миролюбивые, и им вроде бы нет дела до наших будущих графств и герцогств. Поэтому мы преспокойно прокладывали дороги и перерабатывали местные минералы и растения в насыщенный питательными веществами торф.

Но спокойной жизни неожиданно пришел конец.

Первую капризку посадила Хелин Ганнетт. Та самая Ганнетт, которую по праву прозвали «Зеленые пальцы». Еще бы, ведь под ее опекой расцветают даже безнадежно увядшие цветы.

Поначалу капризка была чинным, почти сферическим, кустом не выше десятилетнего ребенка. Гладкие розовые тонкие стебли с виднеющейся под полупрозрачной корой красной сердцевиной изящно обвивали друг друга, между бирюзовыми листьями набухали бутоны. Хелин посадила капризку среди полусотни иных местных растений перед входной дверью своего дома.

— Как ты назвала свое новое приобретение? — спросила у нее как-то моя жена.

— Капризкой.

— Любопытно, почему же?

— Да потому что посадила я его, повинуясь минутному капризу. Гляди, как оно быстро растет.

Капризка, действительно, росла как на дрожжах. Высаженный Хелин черенок был всего лишь с руку длиной. За ночь черенок пустил корни. Через три дня на нем появились ветви. Еще через неделю он превратился в крепкое деревце, по-хозяйски теснив шее другие растения.

— У тебя дар, — сказала Хелин моя жена. — К чему бы ты ни притронулась, все идет в рост.

— Да какой там дар, — запротестовала Хелин. — Помни лишь, что растения живые. Много любви и немного заботы — и они потянутся к свету.

Через несколько дней метрах в тридцати от первой капризки у дома Ника и Натали Вонг, что чере дорогу, к свету потянулась вторая капризка. Пона чалу побег был малюсеньким, робким, но, едва пробившись из-под земли, принялся расти, как су масшедший, и уже через неделю вымахал под стат тому кусту, что рос у дома Хелин, хотя о нем конечно, никто не заботился и не поливал. Не те эт люди — Вонги.

— Должно быть, моя капризка дала побег, — предположила Хелин. — Поразительная жизне стойкость.

Достигнув трех метров высоты, капризка Хели зацвела. Гроздья цветов, словно рой светлячко имели столь интенсивную окраску, что, казалось, о них исходит тепло, и даже после заката солнца призрачном свете трех лун их было видно, п крайней мере, за квартал.

То, что капризка Хелин зацвела, я узнал от жен и, улучив свободную минуту, пошел полюбоватьс растением. На крыльце дома Хелин сидело четвер привидок — самец, две самочки и один двуполый Встретив меня холодными рыбьими улыбками, он вновь уставились на цветущую капризку. Никогд толком не разберешь, что у привидок на уме, но эт казалось, были зачарованы кустом.

Так мы сидели и молчали. Через минуту двуполы повернулся ко мне и, разевая не в такт слова беззубый рот, спросил:

— Красивый куст, да?

— Да, — подтвердил я. — Красивый.

— И мы находим его красивым.

— Приятно, что у нас одно мнение.

— И цветы очень красивые.

— Да, очень красивые.

Внешне привидки не слишком симпатичны - низенькие, склизкие, бледно-зеленые, словно пол прозрачные кальмары, передвигающиеся по суп на многочисленных щупальцах. Дружелюбными и не назовешь, но, во всяком случае, они миролюб вы и вежливы, и нашей высадке и дальнейшем продвижению на новые земли не препятствовал Что они думают о нас, никому не ведомо. В и убогом представлении, мы, скорее всего, бог сошедшие с небес в огненных колесницах. Пр нашем появлении они поспешно отступили на во ток и наверняка нашли там себе новые земли. Врем от времени они появляются в городе, глазеют на в и вся, изредка заговаривают с нами. На англике он изъясняются вполне сносно. Сказались, видим врожденные способности к звукоподражанию.

Еще минут пять—десять я и привидки сидели н крыльце и любовались цветущей капризкой, у сравнявшейся высотой с домом Хелин. Меня пор зило, что при малейшем дуновении ветра из ра крывшихся цветков густыми облаками вылета пыльца. Цветочный аромат очаровывал. Вначале мне напомнил духи, которыми много лет наз пользовалась моя мать, затем — аромат молодо

недобродившего вина, а еще через минуту я будто уткнулся носом в грудь жены — сразу после того как она приняла ванну.

Вскоре в квартале от городской площади появилась третья каприэка. Чуть позже — рядом — четвертая. Через день их повылазило столько, что мы сбились со счета.

Тогда-то и начались неприятности. Поначалу не слишком серьезные. Цветы на капризках опали, и на их месте завязались ярко-красные стручки. Прошло несколько солнечных дней, стручки разбухли и начали с оглушительным грохотом взрываться, разбрасывая, словно картечь, на десятки метров вокруг семена с острыми кромками. Едва коснувшись земли, семена прорастали. Прежде чем мы догадались напялить на себя пластиковые кольчуги и шлемы, пострадало одиннадцать человек, а Сэм Кингстон лишился правого глаза.

Листья на отцветших капризках наполнились жидкостью, близкой по составу к серной кислоте. При малейшем ветерке листья срывались с веток и кружили в воздухе, точно хищные птицы. Если такой лист даже слегка касался кожи, ожог не проходил неделями.

Правда, все жгучие листья скоро облетели, но тут же выросли новые. Эти были крупнее и мясистей прежних, а с их кончиков то и дело опадали белые кристаллы. Тогда-то на городскую площадь, точно угорелая, примчалась Хелин и заголосила:

— Мой сад умирает! Растения гибнут! Все, кроме капризок!

Кристаллы оказались гидроокисью натрия — едким натром. Капризки, извлекая это вещество из грунтовых вод, накапливали его в специальных полостях стволов, и падающие с листьев кристаллы вскоре превращали землю вокруг в щелочную пустыню, где могли расти только капризки.

К тому времени долину заполонили капризки. Они были повсюду — перед жилыми домами и амбарами, вдоль улиц и в парке... Появились они и за городом, поначалу только по краям полей, но белая зона смерти, ширясь день ото дня, вытесняла земные растения.

— Выкорчуем их, — предложил я на общем собрании.

Меня тут же поддержал Майк Зуков, а затем и все остальные жители городка. Мы вышли на улицы с теплóвыми колунами и бензопилами и, начав с капризки Хелин, через три часа свалили их не меньше двух десятков.

За нами пристально наблюдали привидки.

— Они потешаются над нами! — заявил вдруг Бад Гласник.

— С чего ты взял? — поинтересовался я. — Неужели прочитал на их плоских физиономиях?

— Нет, но...

Вскоре мы обнаружили, что опасность представляют не столько сами капризки, сколько их бесчисленные корни. Уходя на глубину пятидесяти, а порой даже и ста метров, они добирались до грунтовых вод. Выкопать их оттуда не было никакой возможности. Ствол можно было спилить или срубить, но всего через час-другой на пеньке появлялись молодые побеги, а если выкорчевывать и пенек, то ветки вырастают из оставшихся в земле обрубков корней, порой даже метрах в тридцати от уничтоженной капризки.

К тому же приходилось быть предельно внимательным с каждой щепочкой. У оброненной на влажный грунт щепки в палец длиной, а то и у кусочка коры, вскоре вырастали корешки. Подбить щепки мы поручили детям, но, как они ни старались, все равно пропускали одну щепку из каждых пяти, и к утру уже тысячи молоденьких капризок помогали своим старшим сестрам и братьям превращать нашу плодородную долину в пустыню.

— Как получилось, что до сих пор вся ваша планета не покрыта сплошными зарослями капризок? — спросил я у старшего привидка. — Как вы ухитряетесь избавляться от них?

— Да легче легкого, — ответил тот. — Как только поблизости от нас появляются капризка, мы напускаем на них жуков хугу, и те в мгновение ока поедают капризок. Хугу очень любят есть капризок.

Конечно, «хугу» было не совсем точное название жуков, но человеческий язык не в состоянии воспроизвести звуки, которые издал убеленный сединой привидка. Хотя «хугу» очень похоже на то, что он сказал.

Идея скормить капризок жукам хугу сразу же пришлась по душе всем нам. Загвоздка заключалась лишь в том, что в нашей долине хугу отродясь не водились. Хотя привидки, судя по всему, не имели ничего против капризок, но опечаленные увяданием наших садов, полей и парков милостиво согласились совершить паломничество на Священную Землю Глопглип, где обитали хугу, и добыть для нас жуков. Священная Земля, конечно, называлась вовсе не Глопглип, но весьма и весьма похоже.

...Либо Священная Земля Глопглип находится на другом конце континента, либо привидки особо не спешат. Жуков хугу мы дожидаемся уже давненько...

Капризки меж тем времени даром не теряли: отравив едким натром верхний плодородный слой почвы и осушив до последней капли грунтовые воды, они превратили всю некогда зеленую и цветущую долину в белую щелочную пустыню — идеальную для себя среду обитания, и теперь, куда ни кинешь взгляд, всюду увидишь лишь море колышащихся на ветру розовых цветов, гладкие, сияющие, точно древний фарфор, стволы да прорастающие из земли побеги капризок. Красотища, от которой разрывается сердце.

23, шестого месяца, 2217 года

Паломники наконец-то вернулись из Священной Земли Глопглип с дюжиной большущих плетеных бутылей. В бутылях находились самые безобразные из когда-либо созданных Господом тварей — насекомые длиной со средний палец, с желтыми блестящими жвалами и зелеными светящимися в сумерках глазищами, приклеенными на голову, словно пуговицы. Кроме того, что жуки хугу безобразны, они еще и невероятно прожорливы. Смысл их существования — пожирание, а пожирают они, на наше счастье, капризок.

Жуки сразу же дружно взялись за дело. Расправляться с очередной капризкой они начали с листьев, затем принялись за ветки, а сожрав ствол до основания, вгрызлись в корни. Поглотив растение до последней молекулы, они отложили под землей яйца, и через считанные дни на свет выползло новое поколение хугу и тут же набросилось на громадные кусты.

За первую неделю жуки сожрали всех капризок в восточной части долины, от пограничной линии до центра города, и двинулись бесконечно растущей армией к западу. Третье поколение жуков достигло границ полей.

Откровенно говоря, эти маленькие монстры не вызывали у нас особой симпатии. Но радовала мысль, что жуки хугу обречены. Подъев последнюю капризку, они неминуемо должны умереть с голоду. Большинство городских районов было полностью очищено от проклятых растений, но стоило только пробиться молодому побегу капризки, как жуки тут же возвращались и приканчивали его.

...Без капризок долина выглядит совершенно опустошенной. К счастью, недавно прошедший дождь смыл кору гидроокиси натрия, и сразу же из почвы

потянулись зеленые ростки милых сердцу земных растений.

Мы чуть ли не круглые сутки отсиживаемся по домам, ждем окончания расправы с капризками. Оно и понятно: кому же охота оказаться снаружи, когда там свирепствуют армии ненасытных жуков хугу? Мы благодарны жукам за то, что они нещадно изничтожают капризок, но их вид нам совсем не по душе. Если честно, мы даже слегка побаиваемся их и оттого терпеливо ждем, когда, съев последнюю капризку, жуки либо вымрут, либо отправятся на поиски новых пастбищ. Скорей бы!

Из-за проклятых капризок потерян весь урожай этого сезона, а запасы нашей пищи тают на глазах. Уверен, что мы быстро восполним потерянное, когда вернемся к привычным работам на полях. Вопрос в том, прикончат ли хугу капризок прежде, чем нас прикончит голод.

18, восьмого месяца, 2217

Вчера прошел самый обильный дождь со времени нашего прибытия на эту планету. Стоит великолепная погода; беда в том, что поля пусты.

Ни единой капризки уже не осталось, но жуки хугу по-прежнему здесь. И они чертовски голодны.

— Не ты ли уверял, что жуки хугу не едят ничего, кроме капризок? — подозрительно щурясь, спросил у меня Бад Гласник.

— Так, вроде бы, говорили привидки, — ответил я.

— Но случилось иначе, — хмуро пробурчал Билл Ганнетт.

— Да, — подтвердил я. — Случилось иначе.

Случилось так, что, покончив с гигантскими кустами, хугу принялись за все остальное. Прежде чем мы догадались наглухо запечатать амбары, ненасытные жуки сожрали большую часть запасов посевного зерна, а затем съели трех котов и всех собак в городе. Они даже напали на Майка Зукова и отхватили такой приличный кусок икры на левой ноге, что бедняга вынужден был обратиться к хирургу.

Выяснилось, что жуков отпугивают огнеметы, но, к сожалению, ненадолго. Мы испробовали все имеющиеся у нас яды, однако дозы, которые бы не отравили на годы землю, хугу не берут. Поэтому мы сидим, запершись в собственных домах, а вокруг, щелкая жвалами, шныряют проклятые жуки: карабкаются по стенам, выискивают малейшие щелки, стремясь добраться до нас.

Понимаю, напрашивается вопрос: едят ли жуки хугу привидок? Если не едят, то почему?

Завтра с утра я с Уиллом Нордлундом и Бриайсом Фолком, закутавшись в плотные одежды, отправлюсь на тракторе в земли туземцев. Если мы отыщем привидок, то непременно дознаемся, как избавиться от жуков хугу.

29, восьмого месяца, 2217 года

— Да-да, конечно, — заявили нам привидки в один голос. — У жуков хугу есть заклятый враг. Птицы джуджжуб с удовольствием едят жуков хугу.

Птицы на туземном языке, конечно же, назывались не джуджжуб, а несколько иначе, но весьма похоже на джуджжуб.

Я спросил:

— А где нам достать хотя бы пару птиц джуджжуб?

— Эти птицы обитают только на Священной Земле Глопглип, — ответили привидки.

Уилл Нордлунд, достав из кармана карту, спросил:

— Покажите, где расположена Земля Глопглип.

— Нет! Нет! — поспешно завопили привидки. — Глопглип — Священная Земля. Непосвященным туда пути нет.

— Но нам позарез нужны птицы джуджжуб, — взмолились мы.

Посовещавшись, привидки заявили, что показать путь к Священной Земле Глопглип они не могут, но с радостью отправятся туда сами и принесут нам птиц джуджжуб;

— Как скоро? — спросили мы.

— Выйдем мы сразу, как только настанет время паломничества, — ответствовали привидки.

— А это когда?

— Как только год пойдет на излом, — сказали привидки.

— Через пять месяцев?!

— Именно, — подтвердили они наши самые худшие опасения.

— Но мы не протянем так долго. Войдите в наше бедственное положение! Почему бы вам не отправиться в паломничество прямо сейчас?

— Нет! Нет! — был единодушный ответ. — Святотатства мы не допустим!

7, одиннадцатого месяца, 2217 года

Привидки все-таки сжалились над нами и четыре месяца назад отправились в Священную Землю Глопглип, так что есть надежда весной увидеть их с птицами джуджжуб.

Если мы, что весьма вероятно, к тому времени не помрем с голоду, то птицы джуджжуб сожрут проклятых жуков хугу, как прежде жуки сожрали капризок. Тогда мы засеем поля и примемся, как и прежде, в упоении закладывать будущие графства и герцогства. Пока же мы не смеем высунуть носа из дома. Целыми днями только и слышно жужжание проклятых жуков и скрежет их жвал. Жуки, судя по всему, вконец оголодали и готовы на любые пакости. Едва только на наших полях, наконец-то очищенных от капризок, пробивается зеленый росток, как на него тут же набрасываются полчища жуков.

Вчера вечером за игрой в покер мне в голову пришла странная мысль: если и капризки, и жуки хугу, и птицы джуджжуб связаны единой экологической цепочкой, а хугу и джуджжуб доселе не бывали в этих местах, то получается, что и капризки тоже не отсюда. Но где же тогда раздобыла Хелин первую капризку, с которой и начались все наши беды?

Я спросил ее об этом и заметил в ее глазах панический ужас.

— Мне... Мне подарили ее привидки, — трепеща всем телом, прошептала она. — Только никому не говори! Привидки принесли крошечный росток и, как обычно беззубо улыбаясь, сказали, что это подарок лучшему в долине садовнику. Растение мне до того понравилось, что я тут же посадила его на почетном месте перед домом. Пожалуйста, не выдавай меня!

Теперь понятно, как из Глопглипа в нашу долину попала проклятая капризка. Знатную ловушку подготовил нам этот мирок. Причем без привидок нам из нее не выбраться, а они, как стало ясно, относятся к нам вовсе не дружески. Да, конечно, они будут с радостью приносить нам все новые и новые средства от бедствия. За птицами джуджжуб, вероятно, последуют крысы флипфлап, питающиеся яйцами ставших вдруг смертельно опасными птиц, а за крысами.. Кто знает?

Я пишу эти строки, а по оконному стеклу, гнусно скрипя лапками, ползут и ползут жуки хугу.

Как ни стараюсь, выхода из создавшегося положения не нахожу. Уберемся ли мы восвояси или останемся, уповая на милость привидок, ясно одно — графствам и герцогствам на этой планете в ближайшие столетия не бывать.

Перевел с английского
Александр ЖАВОРОНКОВ

Бэби-робот учится думать

Руководитель Лаборатории искусственного интеллекта Массачусетского технологического института Родни Брукс, робототехник Линн Эндриа Стейн и примкнувшая к ним группа сотрудников поставили целью довести умственное и физическое развитие электронно-механического робота по имени COG (начальный слог от cognition — «познание») до уровня шестимесячного человеческого младенца, с перспективой дальнейшего обучения. Мозг бэби-робота, занимающий целую комнату, представляет собой множество микропроцессоров, соединенных по принципу нейронных сетей, и связан с «телом» пучком разноцветных кабелей. «Каждый процессор отвечает за решение той или иной конкретной задачи, а программное обеспечение моделирует поведение нейронов человеческого мозга», — поясняет Брукс. В эмбриональном состоянии (на стадии предпрограммирования) COG имел вид невзрачной металлической коробки, но затем обрел руки, ноги, глаза (видеокамеры), уши (микрофоны) — то есть родился! На момент активации COG уже обладал определенной суммой знаний. «Мы ввели в искусственный мозг лишь основополагающие принципы поведения, которыми следует руководствоваться в жизни, — рассказала Линн Стейн. — Все остальное ему придется усваивать на практике, самостоятельно справляясь со все более сложными задачами». На примере COG Брукс и Стейн надеются, кроме всего прочего, выяснить, как младенец соотносит движения рук и ног со зрительной информацией и каким образом дети учатся реагировать на окружающий мир

Осталось только слетать и проверить...

С помощью оригинальной лабораторной установки американским исследователям удалось воспроизвести «в колбе» атмосферные условия спутника Сатурна — Титана, размерами уступающего Меркурию. Это 90 процентов молекулярного азота, 10 процентов метана, давление 10 земных атмосфер, температура 179 градусов по Цельсию, облучение ультрафиолетом, бомбардировка заряженными частицами. В итоге образовался твердый органический осадок, названный толином, чьи оптические характеристики практически совпали с характеристиками непрозрачной красновато-оранжевой атмосферной дымки, обнаруженной нвд Титаном а 1981 г. «Это означает, что синтез сложных органических молекул в его атмосфере идет буквально на наших глазах, — резюмировал астрофизик Карл Саган. — Молекулы опускаются вниз, и на поверхности должен был накопиться изрядный слой органики. Ну а если смешать толин с водой? В лаборатории мы получили аминокислоты». По всем данным, вода на Титане есть, так что условия для возникновения жизни налицо. Кстати, Земле для этого потребовалось примерно 100 млн. лет.

Вот и полиция становится «экологически чистой»

Не так давно британская полиция обзавелась трехколесным электромотоциклом Envirocycle II, предназначенным для патрулирования парков и прочих укромных городских уголков. Его мотор работает от шести свинцовых аккумуляторов, а на случай перебоев с питанием предусмотрена небольшая солнечная батарея, установленная в задней части корпуса. Думается, полицейские чины руководствовались скорее прозаическими соображениями (скажем, сравнительно малым шумом электромотора), чем требованиями борцов за чистоту окружающей среды, однако последние остались весьма довольны.
Экологическая мысль добралась наконец и до железной дороги: с виду ничем не примечательный американский локомотив производства Morrison Cnudsen Corp отличается от старших братьев тем, что в нем вместо традиционного дизельного топлива используется сжиженный природный газ. Глаеа корпорации гарантирует, что новая машина сведет к минимуму загрязнение атмосферы. На первых порах «чистые» теплоаозы будут использоваться в качестве маневроаых на крупных железнодорожных узлах.

Каждому дантисту — по лазеру!

Прототип лазерной системы, призванной заменить старомодные и небезопасные рентгеновские установки, создан радиофизиком Эбундом Вистом из Медицинского колледжа в Вирджинии (США). Известно, что дентин и эмаль человеческих зубов имеют трубчатую структуру и потому хорошо пропускают луч лазера. Проходя через зуб, свет попадает на фотодиод, тот по тонкому кабелю переправляет сигнал компьютеру, последний же, произведя цифровую обработку поступившего сигнала, синтезирует изображение и посылает его на видеомонитор. С помощью специального программного обеспечения можно, вращая трехмерную картинку, рассмотреть больной зуб под любым углом: пораженные места выглядят темными пятнами. Система имеет массу преимуществ по сравнению с рентгеном и совершенно безопасна для организма. Все же для клинического применения опытный экземпляр пока непригоден: наконечник вводимого в ротовую полость зонда слишком велик — размером с апельсин. Однако питтсбургская компания International Sensor уже занялась миниатюризацией многообещающего медицинского прибора.

«Мокрая» аэродинамика

Знаете ли вы, что теперь на испытаниях кузоаа автомобилей Mersedes-Benz обдувают не воздухом, а водой? По сравнению с традиционной аэродинамической трубой германский Wassertunnel, куда помещается модель автомашины размером в 1/5 натуральной величины, имеет несомненные преимущества: крошечные пузырьки водорода исключительно четко обрисовывают струи и турбулентные завихрения вокруг кузова модели. К тому же сам процесс растянут во времени, поскольку жидкость движется медленнее газа.

Наука спасает искусство

Ассоциация британских музеев удостоила первой премии «За ноааторство» сотрудника Упраапения национальных музеев и картинных гаперей Великобритании Мартина Купера, сконструировавшего лазерную установку для очистки скульптурных памятников от застарелых наслоений. Инфракрасный лазер делает свое дело быстро, эффективно и без малейшего ущерба для ценного объекта: короткие импульсы мгновенно разогревают поверхность, и загрязнения либо вообще испаряются, либо отслаиваются и отпадают от обработанной скульптуры.

КОНКУРС «XXI ВЕК»

В четвертом номере журнала «Если» за этот год мы предложили нашим читателям поразмышлять на тему: «КАКИЕ ОТКРЫТИЯ БУДУТ ОПРЕДЕЛЯТЬ ОБЛИК XXI ВЕКА». Однако большинство читателей не ограничилось научной или инженерной задачей, решив написать широкими мазками картину грядущего столетия. Редакция ознакомилась с каждым прогнозом и подготовила обзор наиболее популярных идей, но прокомментировать отклики и определить победителей мы попросили нашего автора, известного ученого, доктора физико-математических наук Леонида ЛЕСКОВА.

Я думаю, уважаемые читатели, интереснее всего попытаться сопоставить ваши предвидения и научно-технические идеи с теми тенденциями, которые просматривает в рамках интересующих вас проблем ученый мир. А потому двинемся за обзором читательских писем, следуя вашей логике и приоритетам.

ЭКОЛОГИЯ. Вполне понятно, что эта проблема оказалась в центре внимания тех, кто задумывается о будущем цивилизации, человечества, Земли. Она действительно важнейшая и по праву занимает первое место в умах поклонников фантастики. Однако удивляет другое. Большинство читателей уже в первом — втором десятилетиях XXI века довольно лихо расправляется с экологическими проблемами. На помощь приходят энерго- и ресурсосберегающие производства и, главное, некий «технологический прорыв» — скажем, создание «реактикуляторов», «синтезаторов», которые производят продукцию практически из любой материи. Причем источником энергии зачастую выступают нетрадиционные «носители», такие, как гравитационные волны, земное ядро, Солнце и т.д. Таким образом снимается часть экологических вопросов, связанных с истощением природных ресурсов, загрязнением среды, энергетическим кризисом, а проблема демографии, напрямую связанная с экологией (следующая тема разговора), по доминирующему в письмах мнению, решится как бы сама собой — согласно закону о том, что продвижение общества по пути прогресса отмечено снижением рождаемости.

Я с удовольствием разделил бы оптимизм большинства читателей журнала «Если». Однако, как мы и договорились, давайте теперь попробуем определить реальные контуры проблемы.

Экологи утверждают: допустимое потребление первичной продукции биосферы не должно превышать одного процента, в противном случае она утратит устойчивость. Между тем человечество уже в настоящее время потребляет более десяти процентов. Люди бездумно и безответственно губят природу — собственную среду обитания. Человек превратился в крупнейшего производителя мусора: он выводит из кругооборота в 2000 раз больше веществ органического происхождения, чем вся остальная природа.

Читателям, безусловно, известна и острейшая проблема парникового эффекта, вызванная стремительно увеличивающимся содержанием углекислого газа в атмосфере. Последствия — повышение средней глобальной температуры, которое может вызвать таяние полярных льдов. На десятки метров поднимется уровень океанов и морей. Уйдут под воду обжитые участки суши, на огромных территориях раскинутся болота.

Но этим беды человечества не исчерпываются. Целых 83% мирового потребления приходится на долю 20% богатой части населения, все остальные живут в бедности. Расчеты показывают: чтобы выровнять этот показатель, необходимо увеличить сегодняшний уровень потребления ресурсов в 40 раз! Технологий, которые помогли бы решить эту задачу, современная наука не знает и в ближайшее время, по прогнозам, не создаст.

Поэтому если мы не хотим, чтобы XXI век оказался последним в истории человечества, то уже сейчас необходимо принимать решения и следовать им. Что предлагают специалисты?

Вот книга Донеллы и Денниса Медоузов «За пределами», изданная в 1992 г. от имени Римского клуба (футурологическое общество, объединяющее ученых разных стран). Авторы предлагают три глобальные программы, с помощью которых человечество, по их мнению, сможет предотвратить катастрофу.

Первое. В течение XXI века на протяжении жизни трех поколений необходимо сократить численность населения Земли до одного миллиарда человек. (Есть сведения, что уже определены квоты для разных стран. Для России, например, она составляет 50 миллионов человек к 2020 году.)

Второе. Страны «третьего мира» не должны развивать у себя промышленность по типу западных держав. Им следует ориентироваться на «зеленые» технологии, которые позволят прокормить население.

Третье. Необходимо повсеместно значительно ограничить материальное потребление. Население должно перейти к жизни со скромным достатком и удовлетворению в первую очередь духовных потребностей.

Трудно представить, каким образом эти глобальные программы можно провести в жизнь, не прибегая к насилию в самых жестоких формах. Например, против мероприятий по сокращению рождаемости наверняка выступят католическая церковь, мусульманский мир. Никак не будет это соответствовать и национальным традициям многих народов. Значит, потребуется мировая диктатура, которая попытается проводить такую политику силой.

В книге Медоузов немало утопического, но много и здравых наблюдений. Однако член Римского клуба от России академик Д. Гвишиани считает, что выиграют от подобных предложений главным образом гиганты западной индустрии — транснациональные корпорации. Председатель Объединенного совета по проблемам экологии Академии наук РФ В. Коптюг разъясняет: по отношению к России эта политика означает овладение ее природными ресурсами, развитие наиболее энергоемких и опасных производств, эксплуатацию ее дешевой, но достаточно квалифицированной рабочей силы.

А нельзя ли в долгой истории человечества найти подходящие подсказки, которые позволили бы выйти из кризиса более щадящим и естественным путем? Возможно, современное положение кажется почти безвыходным только потому, что мы считаем его уникальным, не имеющим даже отдаленных аналогов в истории?

Между тем за долгие тысячелетия рода человеческого нечто подобное уже случалось. Как свидетельствует археология, 10 — 15 тысяч лет назад на обширных пространствах Евразии развивался самый древний из этого ряда кризис. К тому времени наши далекие предки освоили совершенную по тем временам технологию охоты — были изобретены каменный топор, дротик, копье, лук, хитроумные ловушки для зверя. Началось безудержное охотничье буйство. Довольно скоро самая крупная дичь была истреблена полностью, и начался голод. Население сократилось в десять раз. Происходили жестокие схватки за пищевые ресурсы. В этой борьбе погибли конкуренты «человека разумного», занимавшие ту же самую экологическую нишу, — неандертальцы.

Нашему предку удалось выжить — его спасла неолитическая революция: от охоты и собирательства люди перешли к земледелию и скотоводству. Если

человек живет за счет охоты, то для пропитания ему нужно в среднем 120 квадратных километров охотничьих угодий. Новая технология пропитания обеспечила гораздо более бережное отношение к природе.

Не может ли что-нибудь подобное, разумеется, на совершенно ином научном и технологическом уровне, повториться и в наше время? Если это случится, то мы сможем вздохнуть спокойно и отправить на самые дальние полки книгохранилищ сегодняшние мрачные пророчества близкой катастрофы. Кое-какие соображения на этот счет есть у ученых. Но, быть может, новые ценные идеи суждено высказать талантливым дилетантам; такое неоднократно случалось в истории науки. И я не удивлюсь, если в их числе окажутся прогнозисты конкурса, читатели журнала «Если».

МЕДИЦИНА. Успехи в этой области не вызывают никаких сомнений у аудитории журнала. Предполагается увеличение срока жизни человека до 120 — 150 лет. Развитие трансплантации приведет к созданию различных «банков органов» (впрочем, есть опасность, что мафия переключится с торговли наркотиками на поставку рук, ног, почек и т.д.). Генетическая коррекция поможет ликвидировать врожденные болезни. Правда, «стерильность» благополучных обществ, комфорт, активное употребление антибиотиков приведут к ослаблению иммунной системы человека, опасности эпидемий, вызванных мутировавшими вирусами.

В принципе, прогнозы читателей укладываются в логику поисков современной медицины. За исключением, возможно, геронтологии — ее успехи пока очень скромны. И если продолжительность жизни в развитых странах увеличивается (хотя в последнее время этот рост замедлился), то в развивающихся либо застыла на прежней отметке, либо даже падает. В России она существенно снизилась, что вызвано, естественно, не столько медицинскими, сколько социально-экономическими причинами.

ИНФОРМАТИКА. Согласно коллективному мнению читателей, XXI век станет эпохой компьютерных технологий. Возникнут глобальные информационные сети, а почти всемогущий персональный компьютер станет «горошиной» и получит возможность непосредственно связываться с мозгом. Компьютер будет выполнять роль библиотекаря, собеседника, советчика и стража дома.

Что касается роли компьютерных технологий, то здесь ученые придерживаются примерно такой же точки зрения. Но дальше мнения несколько расходятся. Многие читатели полагают, что главным полем деятельности информатики станет индустрия развлечений в ее многочисленных проявлениях — вплоть до создания «виртуального мира» («реаловидение» у Лема). С этим они связывают опасность подавления человеческой индивидуальности и даже уход части человечества в виртуальную реальность. Ученые полагают, что перспективные средства информатики найдут прежде всего применение в средствах связи, на производстве, на транспорте, в системах управления, в научных исследованиях, и эскапизм, связанный с внедрением компьютеров в быт, не получит широкого распространения. Более того, информатика позволит превратить цивилизацию XXI века в общество образования.

ОСВОЕНИЕ КОСМОСА. Средства массовой информации сегодня настроены по отношению к космонавтике достаточно скептически. Однако читатели этого отношения не разделяют. Они пишут об освоении Луны, о строительстве баз на Марсе и Венере, о создании космических энергопроизводственных комплексов и принципиально новых транспортных космических систем — например, о «геостационарном лифте». (Напомним, что специалистам по космонавтике этот лифт известен как «башня К.Э. Циолковского»).

Есть и более смелые проекты, скажем, отправка «энергетической копии» человека к другим звездам со световой скоростью. Впрочем, этот эффект тоже хорошо известен авторам фантастических романов.

Дискутируя с «коллективной мыслью», хотел бы заметить, что центр тяжести космических исследований (по крайней мере, в первых десятилетиях XXI века) будет приходиться, скорее всего, на несколько иные направления: совершенствование космических систем связи, наблюдение Земли из космоса, использование воздушно-космической авиации, научные эксперименты в космосе.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. Почему-то мысль читателей сосредоточилась исключительно на физических проблемах: управляемые термоядерные реакции, высокотемпературная сверхпроводимость, гравитация, единая теория поля. В некоторых письмах говорится о «положительной кривизне пространства», «изменяемости вероятности случайных процессов». Обсуждать эту экзотику возможности нет, так как у авторов этих идей не хватило места в письмах, чтобы разъяснить, о чем идет речь.

Основной набор физических задач оказался, в общем-то, стандартным. Но дело, согласитесь, не в том, когда именно человек научится управлять термоядерной реакцией или овладеет сверхпроводимостью (при определенном разбросе мнений, физики предполагают, что эти проблемы в следующем веке будут решены), и даже не в том, будет ли создана единая теория поля (а это, с моей точки зрения, может случиться даже раньше), сколь в том, к каким последствиям может привести прорыв в заданных направлениях.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СФЕРА. Пожалуй, в этой области мнение читателей наиболее резко разошлось с тем, что думают специалисты. Ученые не предсказывают отмирания в XXI веке национальных государств, — многие читатели пишут о Мировом правительстве (правда, некоторые авторы возвещают череду бесконечных войн, в том числе и «психотронных»). Специалисты говорят о примате духовных интересов — читатели представляют XXI век как общество потребления, причем все более изощренного. Кое-кто предсказывает даже бунты потребителей, которым будет чего-то не хватать. Но техника, как предполагают оптимистично настроенные читатели, справится со всеми задачами. Те же «реактикуляторы», «синтезаторы» завалят мир горами всевозможных предметов потребления. Причем из любого сырья. Научатся делать даже «психоматрицы» — копии человеческой личности. Освоят и «считывание информации» (интересно, откуда?) о грядущих событиях.

Все эти мечты, конечно, прекрасны, но — да не обидится на меня никто из уважаемых читателей — о молочных реках и кисельных берегах еще лучше было сказано в русских народных сказках. Но главное даже не это. В кущах подобного потребительского и иллюзиогенного рая человек в конечном счете может потерять самого себя. Ему будет грозить духовное и интеллектуальное вырождение. Ибо, как справедливо было сказано еще две тысячи лет назад, «не хлебом единым жив человек».

А теперь о письмах читателей, которые редакция сочла наиболее отвечающими условиям конкурса и предложила автору этих строк, дабы он определил трех призеров. Признаюсь честно, сделать это было непросто, поскольку в каждом из них немало интересных мыслей, несомненно заслуживающих внимания. (Хотя вместе с тем есть и явно сырые, недодуманные и просто ошибочные суждения.)

Чтобы по мере возможности исключить субъекти-

визм в оценках, я определил для себя рейтинговую шкалу из четырех коэффициентов, характеризующих читательский прогноз на XXI век:

1) новизна и оригинальность;
2) обоснованность предсказаний;
3) широта охвата проблем;
4) концептуальная целостность.

И вот, имея в руках эту рейтинговую шкалу, вчитываюсь в письма.

С. Токарев (Томск). Весьма интересная идея: биомедицинские «нанороботы», циркулирующие в крови и корректирующие жизнедеятельность организма, первыми встречающие любую опасность. Так же, как и многие читатели, автор прогнозирует создание «синтезаторов», но уже, так сказать, периферийных, связанных с единым центром. То есть потребитель может производить вещи, не выходя из собственной квартиры. Развитие экспертных систем приведет к созданию самообучающихся роботов, предназначенных для работы в экстремальных условиях. Из опасностей, ждущих человечество, автор предвидит возможность управления психикой рядового гражданина. Другие идеи укладываются в логику предположений большинства читателей. Автору свойственны широта прогноза и стремление обосновать высказанные идеи.

А. Сорокин (Нижний Новгород). Очень смелое предположение: на уровне подсознания все человечество представляет собой единый организм. Его истоки можно найти в работах К. Юнга, В. Бехтерева, Ст. Грофа, В. Налимова, Ф Капры и других. Развивая эту идею, Сорокин рассматривает естественно вытекающее из нее следствие: человек, оставаясь индивидуальностью, будет в то же время частью мощного биокультурного целого. Краткость текста, заданная условиями конкурса, не помешала автору четко аргументировать свой прогноз.

Д. Кузьмин (г. Белая Калитва, Ростовская обл.). Машины, управляемые биотоками мозга, — это красивое и достаточно вероятное предположение. Плюс систематизация опыта народных целителей. И странноватая идея «энергетической трансформации человеческого сознания», позволяющая осуществить мысленные полеты в космос. Впрочем, это уже было — например, у К. Саймака в повести «Что может быть проще времени».

Подводя итоги конкурса, мне хотелось бы напом нить известное спортивное правило: главное — н завоевание классного места, а участие. Тем более чт хорошо поработали все участники конкурса. Мне к жется, они и сами получили удовольствие, размы ляя над актуальной проблемой. А редакция журна «Если» приобрела уникальный опыт «мозгового шту ма», который не худо бы взять на вооружение.

В заключение мне хочется процитировать прекра ные слова великого мечтателя, автора первой нау ной программы освоения космоса К.Э. Циолковско «Сначала неизбежно идут мысль, фантазия, сказк За ними шествует научный расчет. И уже в кон концов исполнение венчает мысль».

Итак, собрание сочинений Айзека Азимова, вы щенное издательством «Полярис», отправляетс Томск, Нижний Новгород и город Белая Калит И еще троих участников мы хотели бы поощри призами: ***В. Лапина (Донецк)****, выдвинувшего иде том, что в первой трети грядущего столет будет синтезировано вещество, способное без ущер для организма существенно повысить физически интеллектуальные возможности человека;* ***Т. К шелева (Самара)****, предостерегающего от опасн ти появления компьютерного супервируса, кот рый может парализовать будущую объединен сеть и тем самым надолго вывести из стр множество технологических систем с понятны для человечества последствиями;* ***А. Васильеву (Крас ярск)*** *утверждающую, что грядущий век пред жит родителям обязательное «среднее» педаго ческое и психологическое образование, а дети, по требованию, будут иметь возможность провес месяц в «державе», где все вопросы будут решат только ими, а взрослые смогут претендовать ли на роль консультантов.*

Редакция благодарит всех читателей, приняв участие в конкурсе, и Леонида Васильевича Леско оказавшего нам большую помощь. Остается то ко дожить до XXI века и выяснить, какие прогн сбудутся. Попробуем? Вместе это сделать лег чем порознь.

PERSONALIA ● PERSONALIA

ВАН ВОГТ, Альфред Элтон (VAN VOGT, Alfred Elton)

Американский писатель; родился в 1912 г. До 1944 г. жил в Канаде. Перед второй мировой войной попал в поле зрения Джона Кэмпбелла, легендарного редактора «Astounding Science Fiction» и благодаря этому вошел в число зачинателей «золотого периода» американской НФ. Первый опубликованный рассказ — «Черный разрушитель» (1939 г., «Astounding Science Fiction»). Ранее Ван Вогт пробовал себя в других литературных жанрах, но встреча со знаменитым редактором определила его судьбу писателя-фантаста. В течение последующего десятилетия он чрезвычайно активен: публикует как рассказы, так и крупные произведения, отдавая предпочтение «космической опере». Первый роман Ван Вогта — «Слэн» (1946 г.). За ним последовало несколько десятков художественных произведений, в том числе сериалы об Оружейниках (2 романа), «Неаристотелев мир» (3 романа) и «Империя Атома» (2 романа), хорошо известные нашему читателю. С начала 50-х гг. Ван Вогт, увлекшись дианетикой Рона Хаббарда, оставляет литературное творчество и возвращается к нему лишь спустя более десяти лет, выпустив один за другим романы: «Силки» (1969 г.), «Дети завтрашнего дня» (1970 г.), «Темнота в Диамондии» (1972 г.), «Человек с тысячей имен» (1974 г.), «Сверхразум» (1977 г.), «Компьютерный мир» (1983 г.) и многие другие. В то же время издаются сборники его рассказов, куда входят как новеллы прежних лет, написанные для Кэмпбелла, так и новые: «Скрученный человек» (1964 г.), «Монстры» (1965 г.), «Больше, чем сверхчеловек» (1971 г.), «М-33 в Андромеде» (1971 г.), «Маятник» (1978 г.). Последний из опубликованных на данный момент романов — «Неаристотелев мир-3» (1985 г., UK). В последние годы Ван Вогт несколько отошел от активной литературной деятельности.

ВЭНС, Джек

(см. биобиблиографическую справку в № 8, 1993 г.)
Наиболее знаменитый цикл Вэнса — «Умирающая Земля». Он начат еще в 1950 г. и продолжается по крайней мере до середины 80-х. Красочностью, несомненной изысканностью и некоторой меланхолией эти произведения напоминают манеру Кларка Эштона Смита, которого Вэнс считает своим учителем, но отличаются нескрываемой иронией, изредка переходящей а едкий сарказм. К сериалу, состоящему, по сути, не из романов, а из связанных между собой новелл, условно можно отнести следующие произведения: «Умирающая Земля» (1950 г.), «Глаза чужого мира» (1966 г.), повести «Морейон» (1973 г.), «Семнадцать девушек» (1979 г.), сборник новелл «Сага о Кугеле» (1983 г.) и роман «Риалто Великолепный» (1984 г.). Кроме того, американский писатель Майкл Ши в 1974 г. написал с разрешения Вэнса роман «Поиск для Симбилис», являющийся прямым продолжением великолепных «Глаз чужого мира». Значение этого сериала для развития фантастики очень велико. «Умирающая Земля» является классическим примером science fantasy.

ШОУ, Боб

(см. биобиблиографическую справку в № 3, 1995 г.)
«Сериалом «Астронавты в лохмотьях» («Астронавты в лохмотьях», 1986 г., «Деревянные космические корабли», 1988 г. и «Убегающие миры», 1989 г.) Боб Шоу как бы вернулся на уровень своих лучших и наиболее ярких достижений. Он достоверно описывает, что испытывают люди, перемещающиеся при помощи надутых горячим воздухом шаров с одной планеты на другую по узкому атмосферному «горлышку», принадлежащему обеим, находящимся неподалеку одна от другой, планетам. Последующие тома утеряли часть свежести и оптимизма по сравнению с первым, но вся серия в целом окончательно утвердила безусловный статус Боба Шоу в мире нвучной фантастики как писателя, никогда не упускающего возможности исследовать своим мысленным взором новую, необычную проблему...» (Из «Энциклопедии НФ» Джона Клюта и Питера Николлса).

ШАЙНЕР, Льюис (SHINER, Lewis)

Американский писатель, родился в 1950 г. Первый опубликованный рассказ — «Проклятие медника» (1977 г., «Galileo»). Шайнером было написано большое количество рассказов, собранных в книге «Девять трудных вопросов о природе Вселенной» (1990г.) и «Предел вещей» (1991 г.). Первый его роман — «Фронтьера» (1984 г.) — добротное НФ-произведение о полете на Марс, но уже второй — «Затерянные города сердца» (1988 г.) — почти не фантастика, а, скорее, «магический реализм», близкий к Борхесу. К интеллектуальной прозе, а не к фантастике можно отнести и третью крупную вещь Шайнера («Тюрьма», 1990 г.). У любителей жанра есть повод для опасений: фантастической литературе грозит ощутимая потеря, если Шайнер полностью уйдет в другой жанр.

УИЛЛРИЧ, Крис (WILLRICH, Chris)

Молодой автор, появился на литературной сцене два года назад и стремительно завоевывает популярность. Родился в Вашингтоне. Перепробовал массу профессий, от водителя портового автобуса до редактора газеты. Занимался в литературной школе фантаста и редактора Дэймона Найта. Сейчас живет в Сан-Франциско, выступая в малой форме — жанре рассказа или небольшой повести.

СИЛВЕРБЕРГ, Роберт (SILVERBERG, Robert)

Знаменитый американский писатель, автор более 100 фантастических книг, свыше 60 книг других жанров, составитель примерно 60 антологий. Родился в 1935 г. Начал писать еще будучи студентом Колумбийского университета. Первое опубликованное произведение — «Планета Горгоны» (1954 г.). Первая книга — роман для юношества — «Революция на Альфе Ц.» (1955 г.). В 1956 г. завоевал премию «Хьюго» как наиболее многообещающий молодой автор. Активно сотрудничал с НФ-журналами, в чвстности, «Amazing Stories» и «Fantastic». Нередко в одном номере появлялось несколько его произведений, подписанных разными псевдонимами. В соавторстве выступал мало. В числе исключений — сотрудничество в 50-е годы с Р. Гарреттом (сериал о планете Нидор) и в 90-е гг. — с А. Азимовым (романы на основе азимовских рассказов «Приход ночи», «Уродливый мальчуган» и «Двухсотлетний человек»; романы называются соответственно «Приход ночи» (1990 г., UK), «Дитя времени» (1991 г., UK) и «Позитронный человек» (1992 г., UK). Не избегал участия в написании романов-буриме в составе целой «команды» авторов.
В творчестве Силверберга можно наблюдать три этапа. Первый период, когда молодой писатель, завоевывая аудиторию популярных журналов, создавал образцы продукции массового спроса, ограничивается началом 60-х гг. Следующий этап — 1967 — 1976 гг. — наиболее плодотворный в творчестве писателя. Это серьезные, глубокие книги на разнообразные НФ-темы. В этот период Силверберг завоевал большую часть своих литературных наград. Именно тогда были написаны «Тернии» (1967 г.), «Ночные крылья» (1969 г.), «Время перемен» (1971 г.). Третий период — с 1980 г. по сей день. К нему относятся цикл о Маджипуре (4 романа, 1980 —1995 гг.), романы «Царь Гильгамеш» (1984 г.), «Цыганская звезда» (1986 г.), два тома из трилогии «Новая весна» (1988 – 1989 гг.) «Лицо вод» (1991 г.), и другие произведения. Поздний Силверберг — это литература высочайшего класса, книги, в которых наряду со сложной и необычной фабулой присутствует детально выписанный мир психологии героев. Произведения Силверберга последних лет олицетворяют собой тот уровень, которого достигла фантастика в лучших ее образцах за время от Хьюго Гернсбека до наших дней.

Подготовил Андрей ЖЕВЛАКОВ

ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Филип
Дик
ЛАБИРИНТ
СМЕРТИ

Иэн
Уотсон
МИР
ВО ВСЮ
ШИРЬ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Аврам
Дэвидсон
ДОМ,
КОТОРЫЙ
ПОСТРОИЛИ
БЛЭКНИ

«Интерком»
№4, 1995

ИНДЕКСЫ
ПОДПИСКИ
73118, 39801,
32305